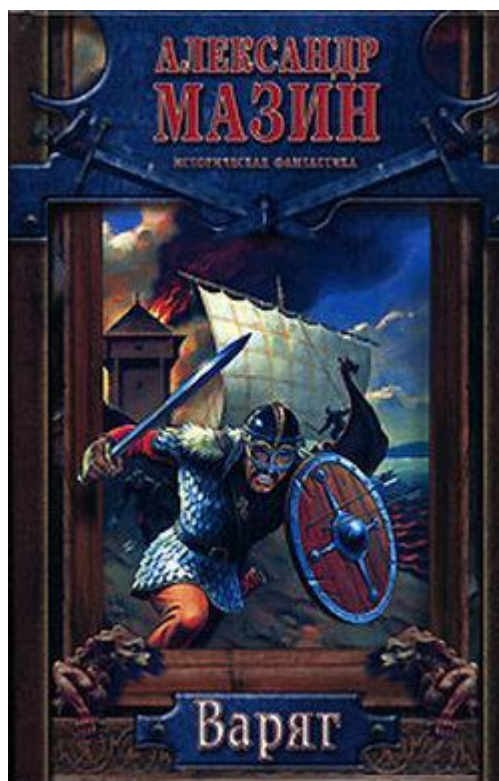

Александр Мазин Варяг

Варяг – 1

Сергей Духарев – бывший десантник – и не думал, что обычная вечеринка с друзьями закончится для него в десятом веке.

Русь. В Киеве – князь Игорь. В Полоцке – князь Рог-волт. С севера просачиваются викинги, с юга напирают кочевники-печенеги.

Время становления земли русской. Время перемен. Для Руси и для Сереги Духарева.

Чужак и оболтус, избалованный цивилизацией, неожиданно проявляет настоящий мужской характер. Мир жестокий и беспощадный стал Сереге родным, в котором он по-настоящему ощутил вкус к жизни и обрел любимую женщину, друзей и даже родных.

Сначала никто, потом скоморох, и, наконец, воин, завоевавший уважение варягов и ставший одним из них. Равным среди сильных.

Часть первая Кулак как орудие выживания

Глава первая, в которой бывший десантник Серега Духарев наивно полагает, что стал объектом веселой мужской шутки

«Эх, сейчас бы кружечку пива, – подумал Серега Духарев, не разлепляя глаз. – Всего одну кружечку, и – как рукой...»

Сквозь вполне знакомую головную боль (нажрался вчера, надо полагать, знатно!) постепенно пробивались и другие ощущения: тупая боль в спине, поганый привкус во рту,

цвирканье птичек...

«Мать моя... – подумал Серега. – Чего это они расчирикались среди зимы? И почему спине неуютно?»

Любопытство подвигло Духарева к разлеплению одного глаза...

...после чего он тут же разлепил и второй и тупо уставился вверх.

Потолка над головой не было. Вместо него телебомкались под ветерком резные дубовые листья. Этот же ветерок, нежный, как девичья ладошка, оглаживал небритую физиономию Духарева.

«Все, – подумал он обреченно. – Крыша тютю!»

И сел.

Неприятные ощущения в спине тут же объяснились: желуди.

Серега с кряхтением поднялся во весь свой стодевяностотрехсантиметровый рост, сорвал дубовый листочек, пожевал задумчиво...

«Может, я умер? – подумал Серега. – Может, я в раю?»

Сомнительно. С таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят.

«И где ж я вчера квасил? – подумал Серега. – Или не вчера?»

Судя по погоде, с момента, к которому относились последние воспоминания Духарева, минуло минимум полгода.

«А может, я в Австралии?»

Думать было лениво. По крайней мере – без бутылки пива. А лучше – двух.

Последним воспоминанием Сереги была поездка в Москву. С друзьями Вовкой и Димкой. Димка вез в столицу какую-то текстильную лабуду на продажу, а Серегу с Димкой взял вроде бы за компанию. Ну и для охраны тоже. Может, это Вовка? Вовка – еще тот приколист. Вполне мог напоить и сунуть в самолет на Австралию или какую-нибудь Бразилию. А там договориться с аборигенами, промаксать, чтобы сволокли в лесок и запечатлели, как Духарев очухивается среди австралийских лесов!

– Эй! – гаркнул Серега. – Хорош дурить!

Единственный результат – возмущенная сорока, сорвавшаяся с соседнего дерева.

Интересно, есть ли в Австралии дубы? И сороки...

– Я пить хочу! – громко заявил Духарев, подумал немного и добавил: – И выпить.

На этот раз его даже сорока не поддержала.

Духарев сплюнул на травку, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят.

К счастью, глядели они в нужную сторону, и спустя некоторое время он набрел на озерцо в четверть километра шириной. Вода в озерце выглядела чистой. Такой и оказалась. Серега напился (плюнув на дизентерийные и прочие палочки), умылся, слегка ожил, побрел дальше и вскоре наткнулся на густой малинник. В самой середке малинника шуровал какой-то мужик.

– Здорово! – крикнул, подходя, Духарев. – Слышь, где это я, а?

Мужик выпрямился... и оказался вовсе не мужиком, а бурым мохнатым мишкой со слюнявой клыкастой мордой.

Серега в прямом смысле этого слова остолбенел. То есть он понимал, что надо валить. И очень быстро, но... Не мог.

Зато мог мишка. Ух он и дернул – только ошметки кустов в стороны разлетелись!

Духарев перевел дух.

– Во! – сказал он больше для самоуспокоения. – Человек – это сила!

И принялся за малину. Не пропадать же добру.

От ягод в желудке не потяжелело, но дурной вкус во рту сменился приятным. Духарев покинул малинник и почапал дальше. Направление выбрал – чтобы солнце в затылок светило. Настроение улучшилось: тепло, воздух чистый, деревья большие... Знать бы еще, где и куда идешь.

Часика через полтора Духарев вышел на дорогу.

Вдоль дороги тянулись две закаменевшие колеи. Слишком узкие для автомобильного колеса, но Серега, обрадованный близостью цивилизации, не придал сей узости значения. Настроение поднялось еще на пару пунктов, даже голова, кажись, болеть стала поменьше.

– Я пока что молодой бог! И наверно, у меня опыта нет! – громко запел Духарев, безжалостно перевирая и слова, и мелодию. – Ты, девочка моя!..

Они появились внезапно. Словно из-под земли выскочили.

Человек шесть. Все низкорослые, в коже с ног до головы, бородатые и с палками-рогульками. На рожах – черным и красным – широкие полосы и зигзаги. Приколисты, одним словом.

Духарев остановился. А что еще делать, если дорогу загородили?

«Что еще за, на хрен, австралийские волосатые панки?» – подумал он.

– Хау-ду-ю-ду, мужики! – сказал он. – Какие проблемы?

Панк постарше и повыше (видно, главный) перекинул свою рогульку в левую руку, а правую протянул Духареву. Но не с целью поздороваться, а с характерным движением пальцев: мол, давай, что есть ценного.

– Не пойдет, – покачал головой Духарев.

Не очень-то он испугался. Самый крупный панк макушкой и до подбородка Духареву не доставал, а палки им не помогут. Уж в чем, в чем, а «насчет подраться» Серега был крут. Обучен. Да и силушкой Бог не обидел.

– Ну-ка! – гаркнул Духарев, шагнув вперед. – С дороги, мать вашу!

Сосед главного панка тут же ткнул Серегу рогулькой в грудь.

Ну, пеняйте на себя, волосатые!

Духарев перехватил палку, рванул – и панк шлепнулся на дорогу. Второго, сунувшегося сбоку, Серега встретил таким классным маваши, что от соприкосновения с духаревским ботинком панк воспарил птичкой и планировал метра три...

На этом все кончилось.

В затылке Духарева взорвалась маленькая, но вполне термоядерная бомба, и он выпал из странной действительности. А когда впал в нее обратно, то обнаружил, что распластан на дороге и пришпилен к ней, как бабочка-махаон, угодившая в лапы садиста-энтомолога. Четверо панков придавили рогульками Духареву руки-ноги, а пятый прижал рогатку к горлу. Положение из разряда «отпрыгался».

Старший панк быстро обшмонал Духарева, но почему-то карманов не проверил, а вот пояс ощупал с большим вниманием. Беглого внимания панка удостоился ножик в пластмассовом чехле-рыбке. Однако когда китайское лезвие легко согнулось в его пальцах, панк с заметным пренебрежением бросил ножик на землю.

– И зачем дрался, дурачок? – спросил он.

Речь была непривычно цокающая: «Зацем дрался, дурачок?» – но безусловно русская.

– Денег нет, – продолжал между тем разочарованный панк. – Одежка дрянь, – он пренебрежительно дернул линиялую джинсину, – обувка – дрянь, – пинок обутой в кожаный сапожок по десантной бутсе Сереге, – оружия нету, даже ножа правильного нету. Что за человек? Зачем дрался?

Панк выпрямился.

– На, дурачок! – На живот Духарева упала монетка. И уже своим: – Пошли, что ли.

И странная компания растворилась в лесу так же неожиданно, как и возникла.

А Серега Духарев остался валяться на дороге, в пыли, с монеткой на пузе. И чувствовал он себя без всякого преувеличения, как обосранный.

Минутки через две лежать в пыли ему надоело, и он сел. Поднял дареную монетку – металлический кружок из зеленого металла с неровными краями. Как ребенок ножницами из бумаги вырезал. На одной стороне монетки была изображена палочка с перекладиной, вроде виселицы. На другой нечто, отдаленно напоминающее мышь. Опять-таки в детском изображении.

Духарев встал, пощупал затылок: крови в волосах нет, одна пыль. И на том спасибо.

Бивали его и сильней. Намного. Серега потрогал золотую цепочку на шее, по странной случайности не замеченную грабителями, и подумал, что говорили «панки» по-русски, значит, не в Австралии он, а дома. Наверняка где-нибудь в замшелой глубинке, зато в России-матушке. Уже хорошо.

Серега сунул монетку в карман (сувенир!) и побрел дальше.

Глава вторая, в которой почти ничего не происходит, зато у Духарева появляется ощущение, что у кого-то поехал шифер: или у него самого, или у всего окружающего мироздания

Позади послышался скрип и топот. Серегу нагонял экипаж странного вида: разболтанная телега, влекомая сивой лошадкой. По обе стороны телеги, держась за борта, трусили двое мужичков-боровичков, бородатых, низеньких и коренастых. Завидев Духарева, мужички тут же влезли в телегу и продемонстрировали ему пару топоров.

Духарев набылчился, но, памятуя о «панках», сошел с дороги. Получить топором по башке не улыбалось. Телега прогрохотала мимо, но шагов через двадцать остановилась.

– Эй, паря! – окликнули его. – Куда ноги несут?

– Никуда! – буркнул Духарев, тоже останавливаясь. – Денег у меня нету!

Мужички захихикали, потом один махнул рукой:

– Давай к нам!

Духарев помотал головой.

– Не бойся, дурень! – крикнул второй мужик. Борода у него была рыжая, а у первого – желтая. Вот и все различие. – Не бойсь! Мы не тати. Сала хочешь?

Духарев подошел, запрыгнул на телегу. Второй мужик так же молча протянул ему шмат соленого сала и черную лепешку, крепостью соревнующуюся с кирпичом.

Первый свистнул, и лошаденка потрусила дальше.

– Ты как кличут? – спросил рыжебородый.

– Сергей.

– Диковинное имя. Ты че, хузарин?

– Тю, Голомята! Какой хузарин? Вишь, как сало трескает! – вмешался желтобородый.

– Ну, всяко бывает, – отозвался рыжий. – Я вот Голомята. А умник этот – Терщок. Мы купца Горазда людишки. Вольные, не холопы! Сам чей?

– Ничей, – Серега энергично работал челюстями.

– А где ж такие лбы растут? – ехидно осведомился Терщок. – Ты, часом, не дедки Водяного внук?

– Нет, – кратко ответил Духарев.

– А че смурной такой да пужливый? Обидел кто?

– А вам такие, с мордами размалеванными, не попадались?

Оба мужичка захихикали.

– Попадались, – сказал Терщок. – То Перши Лебеды ватажка.

И снова захихикали.

– Что смешного? – буркнул Серега. Показалось ему: бородачи над ним издеваются.

– Нас не трогают, – пояснил Терщок. – Перша к Гораздовой средненькой сватается. Завсегда привет передает.

– Токо Горазд все одно девку не отдаст, – сказал Голомята. – Перша богатый, да и Горазд не побирушка. За гридня отдаст, за ватажника – ни в жисть.

– Перша ране гриднем у ослецкого воеводы был, – поведал Терщок. – Да воевода выгнал: умничал много.

«У кого-то из нас крыша точно поехала! – отстраненно подумал Духарев. – А может, и не поехала? Может, это староверы какие-нибудь или, там, духоборы? А почему, собственно, нет? Вон эти, которые Кришну харят, еще и не в таких прикидах ходят!»

– Че-т, одежда на тебе чудная, Серегей, – желтобородый Терщок пощупал духаревскую

рубаху.— Тонка больно. Холстина, чай, ненашенская?

— Нет,— буркнул Серега.

— А все ж, откель сам будешь, паря? — Желтобородого снедало любопытство.

— Издалека,— отрезал Духарев.

Трещок шевельнул плечами: дело твое — и заговорил уже с Голомятой.

К их беседе Серега прислушиваться не стал: все равно непонятно, о чем речь.

Телега катилась не быстрее пешехода и рессорами оборудована не была. Духарев привык к другим скоростям, но уж лучше трястись на телеге, чем лежать под ногами у еще какого-нибудь Перши.

Серега попытался осмыслить происшедшее. Происшедшее не осмысливалось. Нет, Духарев, конечно, не доктор философских наук, но башка у него варит, это все признавали. Хотя бы потому, что Серега дважды, причем честно, без взятки, поступал в универ. А что вылетал потом, так это не по глупости, а... по другим причинам. Правда, бабки зарабатывать головой у Духарева пока как-то не получалось. Да и не требовалось. Отслужил Серега в десантуре, куда, с разрядом по биатлону, он попал, считай, автоматом. В армии, правда, умение стрелять пригодилось меньше, чем умение бегать. А в зоне боевых действий он провел всего восемь дней. Хватило выше крыши. Получил касательное по черепушке — и десять месяцев прокантовался в госпиталях. Люди в белых халатах все никак не могли решить: съехал у него шифер или нет? Нормально отслужил, короче. Повезло.

Дорога вильнула и вывернулась на опушку. Теперь слева зеленел луг, а пониже, за камышами, блестела речка. На речке чернели лодочки. Мирная такая картинка.

Впереди Серега увидел высокий черный забор. Из-за забора поднимался дымок и доносился мерный звон. Будто кто-то лупил ломиком по рельсе. Телега миновала черные ворота, подпрыгнула на досках, перекрывших небольшой ручей, и покатила дальше.

Спутники Духарева перестали болтать. Трещок задремал, а Голомята кривым ножом выстукивал лошадку, занимаясь, так сказать, народным промыслом. Живая лошадка бежала сама по себе.

Спустя некоторое время впереди открылся холм, а на холме — городок. Поселок сельского типа: деревянные домики с черными крышами, на макушке холма — дома покрупней. Что-то типа монастыря, только почему-то без крестов. Еще Серегу прикололо, что вокруг поселка — высоченный забор. Опасливо живут староверы.

— Слышь, Голомята, а речка ваша как называется?

Мужик отложил лошадку, ответил обстоятельно:

— Речка наша Сулейкой зовется. А впадает в Двину, что к граду Полоцку течет. Бывал?

Серега помотал головой.

— Откуда ж ты идешь, паря? — удивился Голомята.— Лицом ты вроде наш, из кривичей, а говор мне незнакомый.— И добавил с важностью: — Дивно это мне, бывалому...

Пока Голомята неспешно рассуждал о местных диалектах, Духарев безуспешно пытался соединить реальность с невозможностью. В географии Серега спецом не был, но где течет река Двина, знал прекрасно. И где город Полоцк стоит — тоже знал. Он еще мог поверить, что в какой-нибудь дикой Сибири есть места, не тронутые цивилизацией. Но не по эту сторону Уральских гор! Ни машин, ни линий электропередач...

Серега потрогал затылок. Шишка. Вполне реальная и довольно болезненная. Какой там сон! Значит, шифер все-таки поехал?

Повозка подкатилась к воротам. У ворот голый лохматый парень точил топор.

— Здорово! — крикнул ему Голомята.

— Здорово,— флегматично ответил парень.

Качок. Даже не качок — боец. Мускулатура у парня — не накачанное мясо, а реальная железная мышца. Как у покойника Брюса Ли.

Голомята покопался в сумке, выудил монетку, бросил парню. Тот поймал.

— Как съездили? — спросил он.

— Не в убытке.

– А это кто с вами?
Сергея не сразу понял, что речь – о нем.
– По дороге прибил. Его Перша ободрал.
Парень отложил топор, встал.
– Ох доиграется Перша! – посулил он, оглядел Духарева, констатировал: – А ниче парниша! Здоровый. Не пропадет. Кличут как?
– Серегей! – вместо Духарева ответил Голомята.
– Ишь ты! – удивился парень. – Чего умеешь, Серегей?
– Зубы выбивать, – мрачно ответил Духарев.
Парень ему не понравился. Наглый, как тамбовский бычок.
Парень, впрочем, не обиделся. Или намека не понял.
– Коли так, Голомята, вези его наверх. Может, сгодится в князьи люди?
– Дело, – согласился Голомята. – Свезу.
И хлестнул лошаденку.
Трещок так и не проснулся.
Дорога шла узкая, между заборов. По обе стороны – деревянные тротуары. Лошаденка топала не спеша, гоняла хвостом мух. Все вокруг было такое настоящее... слишком настоящее для самого крутого глюка...

Сергея почесал стриженую макушку, поскрипел мозгами... и принял все как есть. Ничему не удивляться, не возмущаться. И не борзеть. По крайней мере, пока ситуация не прояснится. А пока рассматривать ее как приближенную к боевой. Провоевал Духарев совсем немного, но успел усвоить накрепко: главное – выжить. Те, кто удивляется, возмущается и умничают, возвращаются домой за казенный счет, под номером «200». Не борзеть. Однако и клювом не щелкать.

Глава третья, в которой выясняется, кто крут, а кто – не очень

Улочка виляла, как уклея, но упорно карабкалась вверх, пока не добралась до местного рынка.

Тут было шумно, толкался разный местный народ, и выглядел этот народ настолько чуждо для глаз питерского парня Сергея Духарева, что тот совсем растерялся.

– Слазь, – скомандовал Голомята. – Тебе туда! – Он махнул рукой вправо, где между домами видно было пустое пространство. А за ним – высокий забор.

– Спасибо, – Сергей соскочил с телеги.

– Удачи, паря! Не робей!

Трещок так и не проснулся.

Духарев пошел в указанную сторону и минут через пять оказался у архитектурного ансамбля, который украшал вершину холма.

Первым внимание привлекал могучий забор: ряд толстых, тесно пригнанных, заостренных сверху кольев, обмазанных какой-то сизой дрянью. Кое-где над частоколом возвышались деревянные же башенки, а в одном месте ограда вытягивалась кишкой и сходилась к воротам. Над воротами тоже возвышались башенки, а сами ворота выглядели весьма солидно: высокие, окованные железом. Под старину. Впрочем, тут все было – под старину. А и в самом деле – может, это какой богатенький новорус в историю балуется? Была вроде такая мода?

Створки были приоткрыты, поэтому Духарев решил, что можно войти без стука.

По ту сторону ворот оказался довольно узкий коридор, мощный булыжником. Камни мостовой были подогнаны очень тщательно, а вот забор изнутри выглядел совсем непрезентабельно: какие-то лесенки, балки... Как будто его еще не достроили.

Никем не остановленный, Духарев миновал узкий проход и оказался на просторном, тоже мощеном дворе, с колодцем и несколькими строениями. Жемчужиной этого деревянного зодчества, вне всяких сомнений, можно было назвать особнячок в два этажа с

башенками и красной крышей. Симпатичный особнячок, стильный. За особнячком высилась каланча высотой метров десять, с крохотными окошками. Предположение насчет играющего в «историю» новоруса еще более укрепилось.

По двору задумчиво бродила свинья, и явно маялся от безделья белоголовый парень лет двадцати, прикинутый, по местной моде, в ярко-синие сапожки, которые время от времени ласково поглаживал. Видно, нравилась ему собственная обувь.

На Серегу парень глянул, но вскользь. Без малейшего интереса. Свинья же Духареву вообще внимания не уделила.

Пока он топтался у входа и размышлял о том, что предпринять, за спиной раздалась ругань, чья-то рука довольно бесцеремонно отпихнула Духарева в сторону, и мимо протопали трое. Вернее, двое – в куртках с нашитыми железками, при мечях – проволокли третьего, босого, в длинной серой рубахе и перепачканных в грязи штанах с завязочками внизу.

Белоголовый парень встрепенулся.

– Поймали? – обрадовался он.

И пронзительно свистнул.

Свинья, безуспешно пытавшаяся выворотить одну из булыжин, укоризненно поглядела на белоголового.

Резные красные двери особнячка распахнулись, и на крыльцо вывалило сразу человек десять. Духарев с легкостью выделил главного: коренастого мужика лет под сорок, с вислыми усищами и стрижкой «а-ля запорожский казак». Только прикинут мужик был не в пример лучше, чем братва на известной картине Репина.

– Ага, – буркнул «запорожец». – Этот?

– Он, батка, не сумлевайся! – заверил один из тех, кто приволок босоногого.

– Мужики его, слышь, прям с бабы стащили! Ну а тут и мы!

– Ага. – «Запорожец» подумал немного. – Что ж ты, злодей, чужих баб топчешь? – спросил он.

Мужик не ответил.

Вислоусый махнул рукой. Двое тут же заломили мужику руки так, что он рухнул на колени. Белоголовый закинул руку за спину и вдруг выдернул из-за плеча длинный меч. Встал над мужиком, откинул тому волосы с шеи и с короткого замаха играючи отсек склоненную голову. Отрубленная голова мячиком покатила по булыжнику, встала на ровный обрубок шеи и остановилась. Фонтан крови, бивший из обезглавленного, иссяк. А в животе Духарева образовалась противная холодная пустота. Гипотеза о богатом любителе старины растаяла, как мороженое на горячем асфальте.

Белоголовый вытер меч о рубаху убитого, оглядел придирчиво сапоги: не брызнуло ли? Кивнул удовлетворенно – чистые! – и отправил меч обратно за спину, в ножны.

Вислоусый обратил внимание на Духарева.

– Кто таков? – спросил он.

Серега расправил плечи. Шире, чем у него, здесь плеч не было.

– На работу возьмешь? – спросил он. «Запорожец» нахмурил брови, не понял.

– Драться за тебя хочу, – пояснил Духарев. – Как эти. – Он кивнул на мужиков с оружием.

– В гридни? – Вислоусый нахмурился еще больше. – А где ж зброя твоя?

– Нет у меня зброи! – нагло заявил Серега. – Без нее возьмешь?

Как ни странно, его дерзость «запорожцу» понравилась.

– Ничего, – помягчел он. – Всяко бывает. Ладно... Мороз!

– Чего, Скольд? – спросил белоголовый.

– Проверь молодца.

Белоголовый пригладил бесцветные усики, усмехнулся, поискал глазами, нашел какой-то шест, легко переломил пополам, одну половинку бросил Сереге, своей помахал в воздухе:

– Давай, братко!

Давай так давай. Духарев махнул обломком, целя белоголовому по ногам...

Оп-па!

Жердина как-то непонятно вырвалась из рук, а белоголовый, оказавшись рядом, больно ткнул Серегу палкой в живот. Духарев разъярился и пробил белоголовому между глаз, однако тот, ловкач, ухитрился нырнуть... и тут-то его ждало духаревское колено! Зубы белоголового звонко ляснули, но в следующее мгновение Серега оторвался от земли, полетел через голову белоголового и грянулся оземь всеми своими килограммами. Нет, упал он грамотно, только руку немного ушиб. Тут же вскочил на ноги, перекатом... И услышал, как гогочут парни. Над ним, кстати, гогочут. Белоголовый, ухмыляясь, встряхнул палкой и изобразил, будто меч в ножны вкладывает. Остальные заржали еще громче. Обидно, однако.

– Нет, паря,– сказал с усмешкой «запорожец» Скольд.– Не возьму я тя в гридни. Иди-ка ты лучше к скоморохам, на торгу народ веселить.

Повернулся и пошел в особнячок. Остальные – за ним.

Останки казненного уже куда-то уволокли. Как и голову. Скособоченный дедок посыпал кровавую лужу песочком, а красный песок лопаткой собирал в корзину.

Серега Духарев вздохнул, повернулся и вышел вон. Спасибо, хоть голову на плечах оставили!

Глава четвертая, в которой Серега Духарев принимает участие в местных боях без правил и даже почти выигрывает приз

Поскольку идти было некуда и в желудке бурчало, опечаленный Серега отправился на рынок. Из местной валюты у него имелся «сувенирный» грошик. Да еще несколько российских рублей мелочью завалилось в карманах. Может, какой-нибудь местный валютчик... Нет, вряд ли.

«Хорошо хоть лето,– подумал Духарев.– Тепло».

И едва не вступил в теплую навозную кучу. Выругался. Проходившая мимо женщина звонко рассмеялась. Духарев глянул на нее мрачно, и она засмеялась еще громче. Крепкая бабенка, щеки – как яблоки, грудь... хм-м... в общем, не маленькая. Тут Духарев вспомнил, как срубили голову мужику, и быстренько отвернулся. Может, за разглядывание чужих женщин тоже полагается что-то нехорошее?

Рынок был самый натуральный. Местный народец торговал всякой всячиной. Жратвой, барахлом, живностью.

Серега двинул между рядов. Торгаши им особо не интересовались. Он уже понял, что по местным понятиям вид у него не шибко крутой. Безденежный вид, одним словом.

– Молодец добрый, красивый, скушай калачик!

Тетка, поперек себя шире, в высокой, обшитой бисером шапке и металлических висюльках на непомерной груди, протягивала ему виту булку.

Серега сглотнул слюну. Угощение сердобольных попутчиков уже давно переварилось.

– Сколько? – спросил он.

– Грошик, молодец! Ах какой калачик! Нынче они мне особо удались!

Серега порылся в кармане, нашарил российский рупь:

– Пойдет?

Тетка оглядела монету.

– Это где ж такие красивые чеканят? – удивилась она.– Конечно, сгодится, молодец! Кушай на здоровье! – Тетка сунула Сереге калач и потопала вперевалочку, но быстро-быстро.

– «Переплатил»,– подумал Серега и вгрызся в булку.

Булка оказалась пресноватой, хотя вполне съедобной. На вид и запах лучше, чем на вкус.

Серега брел между рядами, приглядываясь. Торговали тряпьем, довольно тусклым,

какими-то железками. А вот кожа была хороша! И меха. Похоже, сплошь натуральные. В холщовых мешках возились поросята. Мемекала привязанная к колышку коза.

Целый ряд занимали торговцы овощами. Капуста, репка, морковь.

«А картоха где?» – подумал Серега.

Может, неурожай у них тут? Сомнительно.

Морды у всех – что у торгашей, что у покупателей – как на подбор: гладкие, румяные, народ почти сплошь блондинистый. И ни одной «кавказской» физиономии.

«Куда ж я все-таки попал?» – опять вылезла загнанная было в подкорку мысль.

«Цыть!» – прикрикнул на нее Серега, и мысль убралась обратно в подсознание.

– А ну кто смелый да не боязливый! – раздался звонкий крик. – А ну кто – попытать силушку богатырскую!

Серега обернулся на голос, подошел поближе.

На свободном месте образовался кружок из любопытствующих аборигенов.

Посреди кружка топтался босой детина в серой подпоясанной шнуром рубахе с засученными рукавами. Чуть подальше стояла палатка, а у палатки колотил в бубен тощий парнишка. Он и кричал.

Детина топтался в пыли, тряс связанными в хвост волосами, густой бородищей, хлопывал себя по бедрам. Шея детины наводила на мысль об африканских буйволах. Толстая и грязная.

– Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – надрывался тощий парнишка. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Серега присмотрелся к «силачку». Детина был примерно его веса, чутко попримеистей. Зато лапы – как совковые лопаты.

Местный народец обступил борцовский пятак, но Серега, с высоты своего роста, мог без проблем озирать окрестности. Среди зрителей обнаружилось несколько вполне привлекательных девичьих мордашек. Особенно одна Духареву приглянулась: черненькая, шейка тоненькая, глазенки – как спелые турецкие сливы. Этаким темным ирис среди местных пышных георгинов.

Зазывала опять разразился воплями. Голос у него был зычный и довольно противный.

Еще утром Серега, из лихости, может, и вылез бы на пятак, похвалился удачью. Но здешние крутые ребята успели научить его скромности. Если этот бычара окажется так же ловок, как белоголовый Мороз, Духареву опять придется жрать пыль. По новой опозориться не хотелось. Тем более на виду у черноглазки.

Между тем на утоптаный пятак выбрался соискатель, крепкий мужик в черной рубахе. Отстегнул пояс с ножом, стащил сапоги, закатал рукава, плюнул на ладони...

Сошлись. Без особой ловкости: сгребли друг дружку, потискали, детина изловчился, напрягся, сдвинул противника, хакнул и шваркнул оземь. Мужик в черной рубахе плюхнулся всей спиной, как опрокинутая тумбочка, но поднялся сам, кряхтя, застегнул пояс, забрал сапоги и свалил. Застеснялся, должно быть.

Победитель, бахвалясь, напрягал мускулы, тряс волосатыми кулачищами.

Серега с удовольствием разглядывал черноволосую малышку и подумывал – как бы это поделикатней с ней познакомиться.

Зазывале надоело драть глотку. Теперь он просто выстукивал марш на донышке призового котелка и обменивался репликами с публикой.

Минут через десять появился еще претендент на призовой фонд. Помоложе. Проделал ту же операцию: скинул ремень, сапоги, поплевал на ладошки. Но сгрести себя не дал, увернулся и смачно треснул Сычка по роже. Тот в долгу не остался, размахнулся и вlepил парню кулачищем в грудь. Парень охнул, но не умер и даже не упал, а с молодецким возгласом заехал детине по уху. Сычок даже не качнулся, только ухо порозовело. Кулачищем размером с боксерскую перчатку звезданул претендента в лоб, и на этом поединок практически закончился. Претендент «поплыл», Сычок сцапал противника за грудки, поднял и шваркнул оземь в уже виденной Духаревым манере.

Два-ноль.

Могуч, спору нет. Но в общем-то ничего особенного. Хорошо держит удар, кое-какие навыки уличной драки, но движется абсолютно неграмотно, атакует бесхитростно, как молодой бычок.

«А! – залихватски подумал Духарев. – Была не была!»

Поймал взгляд черноглазки, подмигнул и полез в круг.

Зрители одобрительно заворчали.

Ремень Серега снимать не стал. Чтоб джинсы не потерять. Просто разулся, прошелся по теплой земле.

Сычок глядел на него с любопытством.

– Ну, давай! – кивнул ему Серега. – Поехали!

Тот медлить не стал, сразу полез хватать. Серега смахнул его руки, зашел сзади, врезал пяткой под колено. Дитина тут же плюхнулся на задницу.

«Ну это же совсем другое дело!» – подумал Духарев.

Дитина встал. Он был удивлен. Снова попытался сграбастать Духарева. Тот перехватил руку и швырнул местного удальца через бедро. Тут же отметил, что упал его соперник совсем не так, как давешние кандидаты в чемпионы. Не мерзлой тушкой, а грамотно, упруго.

Третий заход. Противник применил хитрость, сделал вид, что собирается схватить, а сам левой рукой попытался заехать Духареву по роже. Счас! Разбежался! Из-под такого замаха Серега ползком уйти успеет! Нырок – и очень конкретный прямой в челюсть. Ай, молодец!

Дитина принял удар с крестьянской простотой, но устоял. Правда, глазки затуманились.

Серега гуманно дал противнику чуток отдышаться, а когда тот отвел кулачище в могучем замахе, Духарев пробил серией: в нос, в солнечное сплетение и в челюсть. Иппон! Дитина закатил глазки и рухнул.

Кто-то из зрителей одобрительно вякнул, но большинство – молчали.

«Что-то не так?» – насторожился Духарев, наткнулся взглядом на знакомую рожу: один из тех стражников, что приволокли мужика.

Вояка поймал Серегин взгляд, усмехнулся, повернулся и пошел прочь.

У Духарева отлегло от сердца.

Дитина завозился на земле, встал. Из носа его текла кровь.

Серега вспомнил про приз и подошел к тощему пареньку.

– Котел оставь себе, – сказал он. – А деньги я возьму.

– Обойдешься! – сердито буркнул парень. – Денежки в откуп пойдут.

– Какой еще откуп? – удивился и рассердился Духарев.

Дитина подошел, встал рядом. На Духарева он глядел с интересом бультерьера, обнаружившего новую разновидность кошки.

– За кровь! – отрезал парнишка и показал на разбитый нос дитины.

– Ну ни хрена себе! – рявкнул Серега, чуя, что его кидают.

Кидалова Серега не любил. Очень не любил! Просто зверел сразу...

– Ну-ка, гони бабки, козел! – гаркнул он. – Живо! Пока башку не оторвал!

Дитина шумно вздохнул. Паренек сунул руку за пазуху...

Беньк! Что-то хряснуло по многострадальной духаревской головушке, и Серега выпал в осадок.

Глава пятая, в которой говорится о местных законах, судопроизводстве, правах граждан и бесправии всех остальных

Свет сочился из щелястой стены. В свете плясали пылинки. Серега лежал на чем-то твердом, и мягкая ручка ласково ворошила его волосы.

– Б-блин!

Ничего себе – ласково! Больно, однако!

– Терпи, молодец, терпи! Попечет – перестанет! – проговорил нежный голосок. – И головой не верти, мешаешь.

Сергеа скосил глаза. Она. Та самая. Черноглазая.

– Привет, – сказал Духарев. – Меня Серегой зовут.

Немножко иначе он представлял себе их знакомство.

– Лежи тихо, Серегой, – попросила девушка.

– Лежи, не дергайся, – вступил мальчишеский ломкий тенор. – Ранка пустяшная. Пожалел тебя Чифаня.

– Угу, – буркнул Духарев. – Я б его тоже пожалел. Раза три по почкам.

– Все, – сказала девушка, и Сергеа сел. Потрогал голову. На макушке – липкая тряпочка. Сергеа понюхал испачканные пальцы.

– Это что?

– Мед, – ответила девушка.

Или девочка.

Такая лапушка! Шейка нежная, пальчики тонкие, ресницы – веера, кожа бархатная, губки... Нет слов!

Под его взглядом девочка смутилась, отчего понравилась Духареву еще больше.

Сергеа огляделся. Так себе сарайчик. Пол земляной, присыпанный сеном, на веревках – пучки трав. Духарев снова посмотрел на девушку, решил: ей лет шестнадцать, не больше. А пацан – еще моложе. Нахальный такой пацан, вихрастый, в веснушках. Волосы цвета соломы, еще светлей, чем у Духарева, на девушку абсолютно не похож.

– Спасибо, милая, за заботу! – поблагодарил Сергеа. – Как тебя, красавица, зовут?

Девушка еще больше смутилась.

– Сладислава.

Пацан хихикнул.

– Сладой ее кличут, – сообщил он и снова хихикнул. – А меня – Мышом. А ты, значит, Серегой?

– Сергей! – Духарев подчеркнул ударение на последнем слог.

– Ну, я и говорю, Серегей, – кивнул пацан. – А сестренку мою не дразни. Она хорошая.

Духарев не очень понял, что мальчишка имеет в виду, но спорить не стал.

– Говоришь, пожалел меня твой Чифаня? Вместо денег по башке саданул! Чем это он, кстати?

– Да вот этим же! – Парнишка извлек местное оружие.

Духарев пригляделся. Нехитрая штука. Шар сантиметров пяти в диаметре с грубой железной петлей. Сквозь петлю продет ремешок. Просто, но эффективно.

– Чего уставился? Битки не видел?

– Представь, не видел! – заявил Духарев.

– И откуда ж ты такой дурной взялся? – вздохнул мальчишка. – Битки не видел, ножик твой... токо рыбу чистить.

– Дался вам мой ножик! – сердито буркнул Духарев. – А взялся я оттуда же, откуда все, понял? А Чифаню твоего я еще поймаю.

– А чего его ловить? – удивился пацан. – Он завсегда здесь, на торжке. Токо ты с ним лучше не ссорся. Он тебе худого не сделал.

– Да ну?

– А че? Откуп за кровь взять – его право. Да и плата – малая. Скольд мог и больше присудить. А стукнул тебя – тоже по праву. Тихонько, чтоб не зашибить. А мог бы и до смерти. Ты ж, как я вижу, одинец. Родичей нет, головничество спрашивать некому. Был бы ты княжий человек, тутошний свободный или хотя холоп чей, Скольд бы за тебя виру князю назначил. А ты – чужой. Так выходит – пришиб бы ты Чифаня – и остался по Правде чист!

– Хорошая у вас правда! – усмехнулся Духарев.

– Хорошая, – кивнул пацан.

– А если бы, скажем, я его убил?

– Платил бы виру и головное, до двадцати гривен серебра – сколько посадник скажет. Или князь, если по случаю заедет. Но лучше б тебе не платить, а сразу из городка бежать. У Чифани родня сильная, кожемяки.– Мальчишка покачал головой.– Прибьют. А отобьешься – опять платить.

– А им, значит, можно?

– А им – чего? Они твою кровь за кровь родича невозбранно брать могут. В своем праве.

– А если у меня денег нет?

– Продадут в холопы. Или в яму – пока не заплатишь.

– М-да,– только и мог сказать Серега.

Закончики здесь еще те!

– Ты – чужак безродный, так? – развивал тему пацан.

– Выходит, что так,– согласился Духарев.

– Не купец, не воин, не ведун, не волох... – перечислял парнишка.

– Нет.

– Значит, ты никто, Серегей, и звать тя никак. И цена тебе – грошик дырявый.

– Зачем тогда подобрали меня? – желчно осведомился Духарев.

– Да вот она попросила,– пацан кивнул на сестру.– Не то на что ты нам сдался?

– Глупый ты! – сердито бросила девушка.– Не чужой он нам! Я это еще на Торжке поняла. Сердцем. А теперь точно знаю, что брат он нам. И не болтай!

Теперь настала Серегина очередь удивляться.

– И откуда же ты это знаешь? – спросил он, улыбаясь ласково.

Вместо ответа девушка сунула руку под вырез рубашки и вытянула маленький крестик на тонкой золотой цепочке. И вихрастый Мыш тоже полез за пазуху и вытащил такой же желтый крестик.

Серега открыл рот... и закрыл. Как бы чего сдуру не ляпнуть!

– Ты наш брат во Христе,– торжественно произнесла девушка.– Господь же велел братьям в беде помогать!

И добавила что-то по-гречески. Что по-гречески, Духарев догадался только потому, что прошлым летом провел пару приятных недель на греческом побережье.

– Матушка наша во младенчестве крещена, и батюшка наш крещеный... – девушка вздохнула,– был. И нас крестил. Еще в Доростоле.

Глава шестая, в которой Серега Духарев совершенно неожиданно становится кровным братом

– Батька наш – из болгар, а мамка наша родами померла,– сообщил Мыш.

– Он ее не помнит,– сказала Слада.– Маленький был. А теперь вот мы и вовсе вдвоем, и иной родни у нас нет. И братьев-христиан здесь тоже нет. Только в Киеве.

– Той зимой варяг с князем приезжал. На полюдь,– сказал Мыш.– Тож христианской веры. Но ты – не варяг. И не нурман. Слышь, Серегей, а давай мы с тобой побратаемся? – Пацан необычайно оживился.– Тебя ж так и так убьют...

– Это почему же? – возмутился Духарев.

– Да обычаю не знаешь! – отмахнулся Мыш.– И бестолковый. Тебе без разницы, а мне за тя виру дадут!

– Так сестра твоя говорит: мы и так братья.

– Не-е! Это мы по-христиански – братья. А по Правде – чужие. Ну, побратаемся? Я с Чифаней погутаю – он видаком будет и Сычку скажет. Сычок, коэшно, дурень, да глаза и у него есть. По рукам?

Духарев усмехнулся:

– По рукам. Беги за своим Чифаней.

– Прямо сразу? – удивился пацан.– А и верно! Чего нам тянуть? Вдруг тя седни и

убьют! – И пулей вылетел на улицу.

– Шальной, – улынулась Слада. – А ты, Серегей, правильно решил. Мыш – он хороший. И слову верный, хоть и малец еще.

– А может, я не из-за него, а из-за тебя? – улыбнулся Духарев. – Может, я такой красивой девушки, как ты, еще не встречал?

Ресницы Слады вдруг задрожали.

– Не дразни меня, Серегей, – проговорила она отвернувшись. – Нехорошо это. Стыдно тебе!

«А что я такого сказал? – изумился Духарев. – Может, по здешним правилам девушек хвалить нельзя?»

Следующие полчаса прошли в грустном молчании.

От нечего делать Духарев разглядывал сарайчик. Ничего особенного, если не считать отсутствия железных деталей. Гвозди, штырьки, крючки – все сплошь деревянное. Рядом, прислоненное к стене, стояло какое-то приспособление, вроде доски с «сережками» на изогнутой ручке, «хвост» которой был отломан. На доске с большим тщанием были вырезаны фигурки: всадник, странное животное вроде верблюда, но с человеческой головой, башенка... Целая картинка, одним словом.

– Это чего? – поинтересовался Серега.

– Прялка, – с удивлением ответила Слада. Поглядела на Духарева, который вертел «прялку», пытаясь сообразить, как это можно использовать. – Сломанная.

В сарайчик вихрем ворвался Мыш.

– Договорился! – крикнул он. – Пошли! – И, ухватив Серегу за рукав, потянул наружу.

Сарайчик располагался на краю рынка. В ряду таких же скромных строений.

За дверью ждал тощий парень, съездивший Духарева по чайнику. Над парнем нависал переминавшийся с ноги на ногу квадратный грабастый Сычок.

Солнце уже висело над самыми верхушками деревьев по ту сторону реки. Вечер. Рынок опустел.

– Двинулись! – нетерпеливо потребовал Мыш и чуть ли не бегом устремился вниз по деревянному тротуару.

Духарев вопросительно взглянул на Чифаню.

– Мы на тебя обиды не держим, – сказал тот. – Не бойся.

«Однако!» – подумал Духарев, но спорить не стал, двинулся за Мышом. Чифаня не отставал. Замыкал шествие Сычок, под ногами которого доски тротуара жалобно поскрипывали. Нет, ошибся Серега, этот здоровяк его килограммов на пятнадцать потяжелее будет.

Компания вышла из городка через уже знакомые Духареву ворота. Сейчас при них сидел уже другой сторож: бородатый улыбчивый дядя лет сорока. Сторож поздоровался с Чифаней и Сычком, видно, не прочь был поболтать, но Чифаня отмахнулся: мол, спешим.

Шли не очень долго. Сначала – мимо зеленеющих полей, потом – лесом, на горку. Поднялись по утопанной тропинке, затем по каменистому склону, вдоль ручейка – до плоского камня с загадочными значками. Из-под камня выбивался родник, который наполнял выложенную камешками ямку. Над ямкой толклись мошки. Вода, вытекавшая из ямки, и давала начало ручью.

Серегины спутники остановились. Зачерпнули ладонями воду, выпили. Серега – тоже. Вода пахла сероводородом, но пить можно.

Поднялись повыше. На взгорке, широко раскинув крученые ветви, стоял дуб. Вокруг дуба имелась невысокая оградка из черных камней, а внутри, сбоку от могучего ствола, – врытый в землю столб с грубо вырезанной мордой. Рот истукана был в темно-коричневых потеках.

Мыш остановился. На веснушчатой физиономии – невероятная торжественность. Вынул из-за пазухи деревянную посудину типа миски. Ручки у посуды были резные – повернутые друг к другу лосиные головы, сделанные, надо отметить, с большим искусством.

Мыш вручил посудину Сычку. Тот соскочил с обрывчика, зачерпнул воды, ловко, как обезьяна, вскарабкался обратно и поставил чашку на землю.

Чифаня извлек здоровенный тесак, передал Мышу.

Тот засучил рукав.

– На! – он протянул тесак Сереге.

Духарев, сообразив, аккуратно чиркнул по тощему предплечью мальчишки, тоже засучил рукав и передал нож. Через несколько секунд вода в чашке замутилась от смешавшейся крови.

Мыш поднял чашу, сделал глоток, протянул Духареву. Тот тоже отпил. Делов-то, еще и не такое пивали. Мыш выплеснул остаток на утопанную землю. Жидкость моментально впиталась в песчаную почву.

Серега бросил взгляд на Чифаню... и неожиданно осознал, что это совсем не детская игра, а нечто действительно важное. И что этот малец, с которым он познакомился час назад, чья белобрысая макушка не дотягивает до Серегоного плеча, в глазах вполне взрослых Чифани и Сычка *действительно* стал Серегоным братом.

Повинуясь наитию, Духарев расстегнул рубашку, стянул через голову золотую цепочку и протянул пацану.

Тот на миг замешкался, потом сообразил, снял собственный крест и передал Сереге. Затем потянулся к нему, а когда Духарев наклонился, пацан обнял его и прошептал ему на ухо:

– Имя мне – Момчил.

– А мое – Дух.

Ничего лучше собственной кликухи Сереге в голову не пришло.

Духарев разомкнул объятия, поглядел на пацаненка и понял, что ему хорошо. Братьев у него раньше не было. И не думал, что когда-нибудь будут.

– Славно! – громко и торжественно произнес Чифаня.

Духарев ощутил, что отношение парня к нему тоже изменилось. Потеплело.

– Славно! – пробасил Сычок. – Айда мед пить!

Глава седьмая, где повествуется о том, как Серега Духарев чуть не угодил в рабство

Парусиновый навес над головами. Толстые чурбаки вместо стульев. Вместо столов – еще более толстые чурбаки, на которые уложены широченные доски. Степенные мужики с деревянными кружками глянули на вновь пришедших, кто-то поздоровался. Сереге обстановка сразу напомнила знакомый пивняк в Питере.

«Интересно, какое здесь пиво? – подумал Духарев. – И где представительницы прекрасного пола? Или у них – как в Азии?»

– Садись, – сказал Мыш. – Я сейчас.

Серега опустился на чурбак. Рядом плюхнулся Сычок. Чифаня отошел к другой компании.

Серега приглядывался к местным жителям. Внешность у аборигенов разнообразием не отличалась: коренастые, волосатые, скуластые. Правда, у одних – патлы до плеч, а другие, например, трое мужиков в обшитых бляхами куртках, стрижены покороче, скобкой. Но бородаты все поголовно.

Серега потрогал подбородок: щетинка еще только пробивалась. Его бритая морда в здешнюю моду явно не вписывается.

Вернулся Мыш, приволок бурдюк литров на шесть и четыре кружки, вырезанные каждая из цельного куска дерева. Ручки у кружек, изукрашенные по здешнему обычаю резьбой – переплетающимися змейками.

Мыш наполнил кружки, позвал Чифаню. Сычок алчно облапил свою кружку, но не пил, ждал, преданно глядя на Чифаню.

– За вас, братья! – строго сказал Чифаня, плеснул чуток на земляной пол, после чего с достоинством выпил.

Остальные медлить не стали. Сычок, как и Чифаня, тоже плеснул на землю, а Мыш – нет. И Серега – не стал.

«Надо будет спросить, что за обычай такой», – подумал он.

Это было не пиво. Сладковатое пойло, пряное от трав, слабенькое, как джин-тоник.

– Чифаня, я кушать хочу! – заявил Сычок, тербя рыжеватую бороду.

Чифаня вытащил кожаный мешочек, вытряс на стол содержимое: кусочки светлого металла, вероятно, серебра, монетки разные, даже парочка золотых. Чифаня выбрал из серебряных кусочков самый маленький, дал Сычку:

– Отдай Белке. Пусть накидает каши, сколько не жалко.

Кашу Сычок притащил в большущем котелке, литров на пять. У Сереги немедленно забурчало в животе. Трое его приятелей достали ложки... У Духарева ложки, ясное дело, не было.

– Удивительный ты человек, Серегей, – вздохнул Чифаня. – Даже ложки у тебя нет.

– Я ему вырежу, – с готовностью заявил Мыш. – А пока моей поест.

Чифаня пожал плечами и зачерпнул кашу.

Каша напоминала перловку. Соли маловато, зато много сала. В первый раз за сегодняшний день Серега наелся от пуза.

Стемнело. На дворе кто-то разжег костер. Налетели комары. Никто, кроме Духарева, не обращал на них внимания. Бурдюк опустел, и Чифаня отправил Сычка за новой порцией.

Чифаня и Мыш обсуждали какого-то Шубку. Шубка этот зимой намеревался идти на некие Черные Мхи. Охотиться, как понял Духарев. Чифаня думал пойти с ним, но опасался. Все знают: два года тому на Черных Мхах лесная нечисть побила охотничью ватажку. Мыш же утверждал, что побила ватажников не нечисть, а лихие людишки. Меха, добытых в зимнике, не нашли, а нечисти меха – без надобности. Она сама мохнатая.

Чифаня возражал: Мыш по-людски рассуждает, а нелюдь потому и нелюдь, что понять ее невозможно.

О нелюди и нечисти друзья говорили так, как Серегины питерские кореша под водочку толковали, скажем, об американцах. Дескать, по-русски не понимают, потому хрен поймешь, чего им надо. Одно ясно – ничего хорошего не жди.

Под навесом появилась новая компания. Человек десять, и тоже одни мужики. Возглавлял ее рослый, немного огрузневший мужчина со шрамом на лбу, коротко стриженными волосами и лопатообразной бородой. На поясе у него красовался не нож, как у большинства здешних, а настоящий меч с самоцветом на оголовье. Золотая цепь на шее в полкило весом, золотые браслеты. Местная крутизна, одним словом. Остальные перед ним явно лебезили. В одном из этих, лебезящих, Серега опознал знакомого – Голомяту. Голомята тоже узнал Духарева, помахал рукой.

Новая компания заняла целый стол, а через некоторое время от нее отделился парнишка, подошел к Духареву:

– Слышь, чужак, тебя Горазд зовет.

Серега вопросительно поглядел на Мыша, а тот в свою очередь – на Чифаню. Чифаня же пожал тощими плечами; мол, иди или не иди – дело твое.

Духарев решил подойти. Хоть позвали его, мягко говоря, неуважительно, но Голомята обошелся с Духаревым по-человечески. Нехорошо после этого его хозяину отказывать.

Сергей остановился в паре шагов от стола, который был явно побогаче, чем тот, за которым он сидел. И блюдами, и напитками.

Горазд – густая борода, челка с проседью, плечи минимум на пятьдесят четвертый размер – повернулся к Духареву, но не поднялся, остался сидеть, упершись ладонями в широко расставленные колени. Шаровары у Горазда, похоже, были из натурального шелка, красные, того же цвета, что и камень в оголовье положенного на лавку меча. Золотая цепь грузно свисала с купцовой шеи. Мощная цепка – машину буксировать можно.

– Сам откуда? – спросил купец.

Голос – бас. Сочный, глубокий.

– Издалека, – уклончиво ответил Духарев.

Лицо у Горазда – жесткое, глаза темно-серые, цвета апрельской Невы. Серега мог их хорошо разглядеть, потому что посреди стола горела толстая белая свеча.

Купец молчал, и тусовка его тоже. Духарев чувствовал: для Горазда он – вещь. Сейчас вещь оценят и либо купят, либо отпихнут пинком, как перестоялый гриб. И все же была в купце некая привлекательность. Харизма. Серега осознал, что ходить под началом такого сильного человека ему было бы лестно.

– Что, побил тебя Скольдов оплечник? – произнес купец.

Духарев счел за лучшее промолчать.

– То-то, – удовлетворился его молчанием купец. – Служить ко мне пойдешь?

– А что делать? – спросил Духарев.

– Да все! – весело отвечал Горазд. – Что скажу – делать. Ты тут чужой, чего нам с тобой рядиться? Иди по-хорошему, зря обижать не стану. Не такой я хозяин! Хоть у кого спроси!

– Да, да! – оживились его шестерки. – Горазд – хорош! Горазд – добрый хозяин! Горазд...

– Без ряду не ходи! – пискнул появившийся сбоку Мыш.

– Кыш, землеройка! – добродушно проговорил Горазд.

– Не иди к нему в холопы, Серегей! – звонко крикнул Мыш. – Не иди!

– Да я в холопы и не собираюсь! – Духарев даже удивился. – Разве он меня в холопы зовет?

– А куда ж еще! – возмутился Мыш. – Служить без ряду – значит, в полные холопы! А-а-а! Да ты ж наших законов не разумеешь!

– Ну-ка уберите этого пискуна, – распорядился Горазд. – Да надавайте по шеем, чтоб в большой разговор не лез.

Однако команду купца его подручным выполнить не удалось. Духарев перехватил двоих сунувшихся, бить не стал; одного оттолкнул так, что тот впилился спиной в столб, второму захватил кисть на болевой.

– Уй-уй-уй! – завопил подручный, и на выручку ему сунулись сразу четверо.

– Ша! – рыкнул Горазд, и купцовы люди остановились, а тот, кому Духарев руку выкрутил, перестал орать, только морщился.

– Отпусти его, – приказал купец, и Духарев подчинился.

– Много себе позволяешь, чужак, – проворчал Горазд. – Захочу – так тебя возьму.

– Не возьмешь! – запальчиво выкрикнул Мыш. – Он брат мне!

– Не свисти! – усмехнулся Горазд. – Голомята! Чужак те че о брате говорил?

– Не-а! – потряс лохматой бородой Голомята.

– Не брат!

Это сказал подошедший Чифаня.

«Предатель!» – подумал Духарев, но поторопился с выводами.

– Не родной брат, побратим! – продолжал Чифаня. – Я тому видок! Мыш по отчине – из княжьих людей, вольный. И Серегея ты под себя взять не сможешь, коли он против. А не то – пусть Скольд рассудит!

– Во! Пусть Скольд! – поддержал Чифаню Сычок. И встал рядом с Духаревым. За их спинами маленький Мыш совсем потерялся.

– Обойдемся без Скольда, – буркнул купец.

Серега видел: Горазд раздосадован. И еще он видел, что народ в «закусочной» притих: все внимательно слушают их спор. Купец глянул из-под насупленных бровей, потом скосил глаза на лежащий на лавке меч.

«Схватит – я ему врежу! – подумал Духарев. – И будь что будет!»

Горазд меч не тронул.

– Ладно, – проворчал он. – Припомнится.
Мыш потянул Серегу за рукав: пошли.
Духарев зуб дал бы: не будь вокруг других людей, Горазд так просто не сдался бы. Показал бы силу.
– Нехорошо вышло, – сказал Чифаня, когда они вернулись за свой стол. – Горазд на обиду памятливей.
– Да чего он тебе сделает! – запальчиво крикнул Мыш.
– Мне – ничего. А вам с Сергеем – может. Пошли спать, что ли?

Глава восьмая, в которой Серега Духарев размышляет о мистическом

В соломе шуршало, в стенах скреблось и поскрипывало. Зудели комары. Снаружи, где-то на реке, орали лягушки. Ночь. Летняя ночь. Обычная летняя ночь. Только вот Серега отчетливо помнил, что его предыдущая ночь была зимней. И мелкий снег вихрился перед лобовым стеклом, неприятно снижая видимость. И никаких комаров.

Серега загадал: «Вот сейчас мигну – и снова окажусь в салоне Вовчиковой тачки!»

Не получилось. Все та же темная избенка, комары и лягухи. Спит на лавке, завернувшись в холстину, славная девочка Слада. Посапывает на соломенном тюфяке Мыш. А Сереге не спится, хотя день у него был длинный-предлинный и запутанный, как чужой сон. Ну, уже не совсем чужой. И точно не сон.

«А может, лежу я сейчас в дурдоме на коечке...» – мечтательно подумал он.

Был у Сереги школьный кореш, тоже Серега, и прикалывался на всякой мистике. И гнал всякие телеги типа, что все, что мы видим, – лабуда и дым. К примеру, идет навстречу девчушка на каблучках, с загорелым животиком, а вовсе это не животик, да и не девчушка, а просто *нечто*, на которое навесили ярлычок: клевая девочка. И по этому ярлычку ты собираешь всю картинку. А как это все на самом деле, видят только грудные младенцы. Потому что их еще не приучили «собирать картинки». И ежели этот «способ сборки» поменять, то вполне окажется, что не город вокруг, а красная пустыня, а ты не двуногое прямоходящее и пивопьющее, а какой-нибудь хвостатый ящер о шести головах.

По молодости Серега эти темы слушал с интересом. Не то чтобы верил, но... любопытно. Но экспериментировать не тянуло. И правильно. Вон тезка экспериментировал – и доигрался. То ли кислоты пережрал, то ли грибочков, но шифер у него съехал капитально, вторая группа инвалидности. Тем не менее в идеи одноклассника духаревская тема укладывалась. А возможен был и совсем простой вариант: никакой такой «прежней жизни» у Сереги не было, а просто здешние молодцы дали ему крепко по башке, и память у Духарева отшибло, да и наваялось ему, что жил он когда-то в Питере, учился в универе, бегал на лыжах... Или, к примеру, вселился в Духарева нехороший бес... В общем, идей было много, но все – «кислотные».

«Буду-ка я лучше спать», – сказал себе Серега.

И уснул.

Глава девятая, в которой не происходит ничего существенного

Проснулся Серега оттого, что Мыш пощекотал ему пятку.
– Ну здоров ты спать! – заявил названный брат. – Солнышко уж без малого на самую маковку забралось.
Серега сел, пощупал затылок; нормалек. Почти не больно.
И тут же дернулся: прямо по его ноге ползла змея!
Тьфу ты, пропасть! Обычный уж!
Серега смахнул его на пол.
– Эй, ты что! Не обижай! – сердито проговорил Мыш.
Подхватил ужа и отнес к миске с молоком. Как кошку.

– А Слада где? – спросил Духарев.

– Да в лавке, где ж ей быть, – пожал плечами Мыш и похвастался: – А я по рыбку ходил. Во! – Паренек махнул связкой окуньков и лещей. – Будет на жаренку!

– А искупаться в вашей речке можно? – осторожно спросил Духарев.

– Да почему ж нельзя? – удивился Мыш. – Пошли!

В воде отражались синее небо и зеленая листва. Мыш быстренько скинул с себя все, кувыркнулся в траве, вызвав переполох в племени кузнечиков, вскочил...

– Ух ты! – воскликнул он, восхищенно взирая на Духарева.

Сергеа решил было, что причина восторга – его атлетическая фигура, но оказалось, что фигура ни при чем. Предмет, потрясший воображение названного брата, – Серегины ярко-алые трусы-плавки с вышитым орлом на кармашке.

Мыш с огромным уважением пощупал тонкую ткань.

– Это кто ж те спрял такое? – поинтересовался он.

– Да я откуда знаю? – ответил Духарев. – В фришопе купил. Здесь глубоко? – Он кивнул на текущую двумя метрами ниже воду.

Вместо ответа Мыш разбежался и сиганул вниз.

– Давай! – заорал он снизу.

Сергеа отошел на пяток шагов, разогнался, взметнулся вверх ласточкой, описал идеальную дугу и чисто, как нож, вошел в теплую воду. Песчаное дно ударило по подставленным рукам, течение мягко потянуло за собой. Серега вынырнул и пошел поперек струи мощным кролем, наслаждаясь собственной силой, скользящей вдоль кожи водой и тем, что Мыш наверняка глазеет на него и, очень может быть, восхищается им самим, а не турецкими плавками.

Оказалось, что наблюдает за ним не только названный брат. Когда Серега достиг противоположного берега, до которого было всего ничего, меньше сотни метров, то обнаружил деревянные мостки, а на мостках – трех аборигенок, занимавшихся постирушками.

Ради Серегиного заплыва они сделали перерыв и глядели теперь с любопытством на его стриженую голову.

Аборигенки были – как куклы барби. Не по внешнему виду, а по сходству между собой: пшеничноволосые, скуластые, веснушчатые и фигуристые. Одна, видимо, побойчее, выпрямилась, не озаботившись, впрочем, освободить подол юбки, завязанный узлом намного выше колен.

– Ай да молодец! – воскликнула она, подбоченясь. – Я б такого потискала в дажьбожьё ночь!

Икры у аборигенки были загорелые, а ляжки белые, как молоко.

Сергеа приветливо махнул рукой, повернулся и обратно поплыл уже не кролем, а баттерфляем. Что, по его мнению, смотрелось еще круче и при духаревской ширине плеч на противоположный пол действовало, как прямое попадание в БТР: взрыв, огонь и полная гибель. Не то чтобы ему очень хотелось понравиться этим сочным бабенкам: с точки зрения Духарева, Слада была куда симпатичней; но Серега любил произвести впечатление.

Метрах в двадцати от своего берега Серега нырнул, а вынырнул уже прямо под Мышом, подхватил мальчишку за ноги и подкинул вверх.

– Ну ты, Сергей, ну ты плавать! – фыркая и отплевываясь, крикнул названный братишка.

Сергеа достиг берега и вытянулся на теплом песочке. Мыш плюхнулся рядышком.

– Слышь, Сергей, – спросил он. – А ты, часом, не нурман?

– С чего ты взял? – удивился Духарев.

– У нас так не плавают.

– Как – так?

– Да как ты. Нурманы, рассказывают, у тюленей плавать учатся. Рассказывают, нурман может полный день плыть, да не в такой воде, а в ихнем море. А там вода хол-ло-одна!

– Нет, – покачал головой Серега. – В холодной я не могу.

Он вскочил на ноги и быстро и гибко раскрутился в атакующей связке, тройном развороте с хлесткими ударами рук и ног, а закончил высоким прыжковым «ван-даммовским» уро-маваши, малоэффективным в реальном бою с равным противником, но весьма зрелищным.

– Это у тебя че за танец? – поинтересовался Мыш.

– Это не танец, – слегка обиделся Духарев. – Это боевое искусство!

– Чаво?

– Боевое. Искусство! – Серега ребром ладони срубил древесный сучок.

Но эта демонстрация резкости на Мыша не произвела впечатления.

– В бою зброя нужна, – авторитетно заявил он. – Кулачком шелом не прошибешь.

Духарев спорить не стал. Он знал, что были воины, способные пробить «пустой» рукой и доспех, и грудную клетку. Но Серега, неплохо бившийся и на татами, и на улице, вполне мог перебить противнику ключицу ударом сюто, а вот срубить, как Ояма, рог у быка даже и пробовать не стал бы. Так что в отношении Духарева Мыш был абсолютно прав. Ну и ладно! Танец так танец!

Глава десятая, где выясняется, что Мыш никогда не видел летучего змея

Прошло три дня. Будучи под неусыпным присмотром Мыша, Серега, полный лох в местных понятиях, тем не менее успешно избегал неприятностей. Изнакомился со своей новой средой обитания. Главным образом, с той частью этой среды, где обитал Серегин названный братишка.

Первым делом Духарева ознакомили с «недвижимостью», которой владели его новые родственники: одноэтажной избенкой с примыкающим сарайчиком, хлевом емкостью примерно в полторы коровы и двором шагов десять в поперечнике. В хлеву обитали две козы. Еще в собственности новой Серегиной семьи оказалась лавка на рынке, который у аборигенов именовался Торжком. Кстати, сам поселок тоже именовался Торжком, вернее, Малым Торжком, потому что был еще и Большой – на Двине, немного повыше места, где в нее впадала здешняя речка Сулейка. Имелись у Мыша со Сладой и земельные владения за пределами городка – огород примерно в пять соток.

Возможно, Мыш рассчитывал, что его новоприобретенный братец будет полезен в хозяйственных делах, но тут парнишку ожидало разочарование. Не то чтобы у Духарева руки из задницы росли. Мог он и дрова поколоть, и стенку из кирпича сложить, и гвоздь в стену вогнать за два удара, но только в здешнем плотницком и строительном деле гвоздями почти не пользовались, кирпичей не делали, а печи клали из тесаных камней, что было искусством очень уважаемым, но Сереге совершенно неизвестным. А уж к земледелию Духарев был абсолютно не годен: ни мотыгой, ни тяпкой не владел совершенно, равно как и не способен был даже отличить сорняк от петрушки. И, соответственно, был абсолютно бесполезен в сборе целебных растений.

Поверить в то, что такой здоровенный облом, как Серега, по жизни ни хрена не умеет, Мышу было трудно, поэтому пацан на время от Духарева отступился, но продолжал размышлять, куда бы приспособить двухсаженного братца, чтобы хоть жрачку свою окупал. Не то чтобы Мышу было жаль кормить брата, но в его белобрысой головке как-то не укладывалось понятие безделья. Духарев тоже размышлял над тем, куда приложить мускулистые руки, но отыскать неквалифицированную работу было непросто. Пару раз Серега помог приезжим купцам перекидать мешки, но профессия грузчика здесь считалась неподобающей для свободного человека и оплачивалась довольно скудно. Свободному человеку полагалось пахать, ремесленничать, торговать или воевать. Ничего из этого списка популярных профессий Духареву не подходило. В ученики же его наверняка никто не взял бы. Хорош ученик – на голову выше мастера!

Основной доход Слады и Мыша проистекал от продажи всяческих лекарственных трав

и кореньев, а также мелких лекарских услуг, оказываемых Сладой населению. Когда умер их отец, Торжок остался без настоящего лекаря. Был знахарь-коновал, лечивший равно людей и скотину, была бабка-повитуха. Зашить рану или вправить сустав, в принципе, мог любой Скольдов гридень. Серьезную медицинскую помощь – вроде лечения трахомы или грыжи – мог оказать какой-нибудь волох, жрец местного бога с тем же именем. Волохи время от времени навещали Торжок. Но в их отсутствие больного приходилось доставлять на Волохово капище, до которого пешком два дня идти.

К Сладе больные обращались не очень охотно. Во-первых, чужая. В Торжке родни нет. Во-вторых, девка. Была бы замужняя да рожалая, доверяли бы больше, – поведал Сереге Мыш.

– Только кто ж ее замуж возьмет, безродную? Была бы еще красива, тогда другое дело. А так... – Мыш разочарованно махнул рукой и еще энергичнее заработал ножом.

Духарев, который почти с восхищением наблюдал, как из липовой чурочки рождается ложка, только головой покачал, в очередной раз услышав о том, что Мыш считает сестру дурнушкой.

Клочок серой тряпки, флажком вьющийся на ветру, напомнил Духареву одну детскую забаву.

– Мыш, ты змея когда-нибудь пускал?

– Куда? – спросил Мыш.

– В воздух.

– Ах вот ты про какого! – пробормотал парнишка. – Ты, Серегей, это... Ну, мы, ясно, христиане, но про Горюныча лучше не болтай. Накличешь!

Духарев засмеялся:

– Не бойсь, пацан! Сейчас я тебе покажу.

Клок старой тряпки, шесть прутьев, конопляная бечевка. Стянуть, укрепить, выгнуть «спинку», чтоб лучше ловился ветер...

Мыш, не забывая стругать, с любопытством наблюдал.

Готово! В довершение Духарев угольком нарисовал на ткани круглый глаз, сильным движением метнул поделку вверх, дернул бечевку, и змей, трепыхнувшись пару раз, поймал ветер и начал уверенно карабкаться ввысь.

Мыш глядел с открытым ртом. Недоделанная ложка валялась на земле.

Серега свободной рукой хлопнул мальчишку по плечу:

– Держи!

Змей трепетал на ветру метрах в десяти. Духарев еще немножко стравил бечевку.

– Держи, говорю!

Мыш не очень уверенно перехватил поводок... И едва не упустил.

– Ой! – пискнул он. – Чуть не улетел!

– Не улетит, – успокоил Духарев. – Если отпустишь – он свалится.

Мыш дергал бечеву – змей наверху приплясывал, ныряя носом и снова поднимаясь. Мыш даже повизгивал от восторга.

– А как его обратно достать? – крикнул он.

– Сейчас, – Серега перехватил бечеву, выбрал ее, подхватил потерявшую опору игрушку.

– Серегей, слышь, а давай Чифане покажем? – с надеждой предложил Мыш.

– Давай покажем, почему бы и нет?

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев снова выходит на местное татами

На рынке текла обычная рыночная жизнь. Серега уже знал, что большая часть продавцов и покупателей – не торжковские. Земледельцы из окрестных огнищ, отвоеванных у леса клочков земли, промысловики. Торговля шла вяло. Мыш ему уже объяснил, что

главный торг бывает ранней весной, когда составляются караваны на юг, а речка Сулейка мало что не запружена свежесработанными челнами. Или осенью, после сбора урожая, когда всего много и возвращаются с заморскими товарами широкие купеческие лодьи. Хотя, говорил Мыш, лучшие купцы, те, что ходят «гостями» под княжьей рукой в дальние края, не ждут, когда вскроются реки, а тянутся через болотистые леса, зимниками, к югу, в Киев. Когда князь киевский пойдет торговать булгарам да ромеям собранную зимой дань, «гости» пристроятся к нему. А княжит нынче в Киеве Игорь, сказал Мыш. Но это не такой сильный князь, каким был князь Олег. И Скольд, торжковский наместник, так говорит, хотя по смерти Олега новому князю клятву давал. А Скольд – муж великий, потому что это с ним отец Мыша в Торжок пришел.

За пару дней необычные одежки местного народа Сереге примелькались, и ему уже не казалось, что он – на маскараде. А вот на него люди поглядывали. Не из-за одежды. Одежка у него была – аккурат по меркам здешних нищих. Или рабов-холопов. Всякий тутошний знал, как должно одеваться уважающему себя человеку. По прикиду определяли социальный статус и меру достатка. Мыш уже не раз намекал, что готов раскошелиться на приличную одежду для названного брата. Серега отказывался. Он считал, что не к лицу ему принимать подарки у юной девушки и мальчишки. Тем более что отдариться ему пока нечем. Так и ходил «оборванцем». Правда, когда «оборванец» в сажень ростом да почти полсажени в плечах – его особо не дразнят.

– Ай люд честной! Кто тут молодец удалой! Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – зычно провозгласил Чифаня. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Сегодня вокруг снова толпился народ. Вчера Сычок с Чифаней оказались вне общественного интереса. Публику сманили два бродячих скомороха. Но попозже скоморохов звали в Детинец и так там напоили, что поутру скоморохам не то что плясать – ходить не хотелось.

– А вот кто смелый-небоязливый! Выходи смеряться силой! – гаркнул Чифаня, и тут же какой-то мужичок из пришлых, подбадриваемый зрителями, полез распоясываться да разуваться.

Сычок повозился с ним немного, хотя (Серега это видел) мог бы скрутить и кинуть на счет раз. Силища у Сычка была невероятная. Но Сычок очень редко боролся в полную силу. Ему Чифаня не разрешал. Во-первых, чтоб не зашиб кого. А во-вторых – не отпугнул возможных соперников.

– Во! – Мыш толкнул Духарева локтем. – Хабар идет!

К ним приближалась компания из полудюжины мужчин. Возглавлял ее средних лет – бородачи до пояса – купчина. А среди его людей выделялся пузатый, пудов на восемь, бугай, чья борода уже была расчесана надвое и аккуратно подвязана. Рожа у пузатого была абсолютно дебильная.

– Древляни! – азартно проговорил Мыш. – Счас в заклад бороться станут!

Это была основа Чифаниного бизнеса. Когда какой-нибудь богачей выставял своего борца против Сычка.

«Надо бы ему идею тотализатора предложить», – подумал Духарев.

Сговорились. Древлянин выложил три витые серебряные гривны. Чифаня – столько же по весу, но слитками.

Сошлись...

И Серега мгновенно определил, что Сычку этого кабана не завалить при всей своей немереной силище. Обхватить его Сычок просто не мог; такую, с позволения сказать, талию вдвоем не обнять. Подсечь или кинуть противника, который килограммов на пятьдесят тяжелее тебя, можно, но трудно. В данном случае у Сычка явно не хватало квалификации. Сычок попробовал кулачную технику: врезал борову в грудь, затем в живот и, увидев, что противник оба удара совершенно проигнорировал, вlepил древлянину в лоб. На лбу осталось красное пятно. Больше – никакого результата. А потом толстяк врезал сам, с размаху, да

попал прямо в солнечное сплетение, поскольку Сычок не потрудился ни заблокировать, ни уклониться. Серега увидел, как набрякло болью и удивлением лицо Чифаниного ставленника. А толстяк широко размахнулся, даже слегка подпрыгнул – и достал Сычка в висок.

Иппон!

В толпе заорали. Чифаня возмущенно закричал. Купец тоже завопил, но противоположное по значению. Толстяк глупо ухмылялся и ждал. Когда Сычок поднялся на колено, древлянский борец попросту хряснул его по макушке, и Сычок рухнул.

Духарев подался вперед: он так и не познакомился с местными правилами, и если по этим правилам толстяк может добивать проигравшего, то Серега ему этого не позволит. По крайней мере, постарается. Сычок встал с Серегой рядом, когда возник конфликт с Гораздом. Поэтому Духареву насрать, что там у них за правила. Калечить кореша он не даст!

К счастью, толстяк больше бить не стал: прохаживался, выпятив бочкообразную грудь.

Серега протолкался к самой площадке. Мыш вцепился в ремень названного брата, чтобы не оттерли.

Чифаня и древлянин орали друг на друга. Суть сводилась к тому, считать ли удар в висок запрещенным или нет. Купец кричал: раз не сговаривались, значит – нет.

Чифаня орал: эдак и по детородным органам, выходит, можно бить, если не сговаривались?

Голос у Чифани был звонкий. У купца – раскатыстый бас. Язык у обоих подвешен будь здоров. Хороший дуэт, одним словом. Толпа вокруг густела.

Поорав минут пять, спорщики сошлись на том, что поединок следует повторить. Сычок к этому времени поднялся, но глаза у него были мутные. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этого бойца следует снять с соревнований. Тем не менее Сычок собирался драться.

Духарев положил ладонь на Чифанино плечо.

– Чего? – недовольно спросил тот.

– Прекращай. Он проиграет, – уверенно сказал Серега.

Чифаня замотал головой.

– Тогда давай я встану.

Чифаня сначала презрительно скривился, потом – вспомнил.

– Ну что ж, давай, – согласился он.

Серега начал разуваться, а Чифаня отошел проинформировать противника о замене.

Противник не согласился. Вернее, согласился, но потребовал удвоить ставку. Причем в одностороннем порядке, мол, Чифанин борец уже проиграл. Еще пять минут крика – и ставки удвоили обе стороны.

– Что мне нельзя с ним делать? – быстро спросил Серега у Мыша.

– Как это – нельзя? – опешил тот.

– Ну, нос ему разбивать нельзя, это я уже знаю. Что еще?

– А-а-а... Руку или ногу ломать нельзя. За это – три гривны. Пальцы ломать можно. Зубы выбивать нельзя. Тоже три гривны. Но это ты не бойсь, как выйдет. На кону – больше. За бороду не хватай. За причинное место. Еще плевать в лицо нельзя. Песок в глаза сыпать...

Чифаня, сговорившись, подошел, заглянул снизу в Серегини глаза.

– Смотри! – сказал. – Не сдюжишь – будешь мне три гривны должен.

– Я тебе и так должен, – усмехнулся Духарев. – Не бойсь, братан! Я его завалю.

Толстяка смена противника несколько не смутила, равно как и то, что Серега был на полголовы выше. Семенящим шажком древлянин подобрался к Духареву и, подпрыгнув, попытался врезать Сереге по морде. Должно быть, у толстяка это был коронный номер.

Но Духарева целостность собственной физиономии весьма заботила, поэтому от летящего кулака он уклонился и мощно пробил в могучее пузо. Ощущение было такое, словно кулак угодил в боксерский мешок, обернутый ватой. Толстяк слегка покачнулся и вцепился в Серегин рукав. Духарев блоком смахнул захват, но рукав при этом порвался.

«Вот сука!» – озлобился Сергей, откатнулся назад, пропуская перед собой еще один молодецкий мах, и вlepил, уже совсем не стесняясь, в полный контакт, с «волной», прямо в «солнышко». Раздался чмокающий звук. Рот толстяка открылся буквой «о». Есть попадание! Несмотря на могучее сложение борца-сумоиста, по-сумоистски держать удар «кабана» не учили. Дать возможность противнику отдышаться было бы гуманно, но Духарев никогда не считал себя гуманистом. В лоб бить можно – и Серега пробил в лоб. Как по деревяшке. И звук такой же. Деревяшки Серега ломал кулаком. Кость оказалась крепче, но глаза толстяка сошлись к переносице, и «кабан», покачнувшись туда-сюда, рухнул пятаком в пыль.

– Все, – удовлетворенно произнес Серега. – Снимай шкуру, пока теплая.

Глава двенадцатая, где оказывается, что Серега Духарев заработал на хлеб с маслом, а Чифаня понятия не имеет о том, что такое тотализатор

– Твое, – Чифаня вручил Сереге три гривны, три широких обруча из серебряной проволоки.

– Да не надо мне... – пробормотал Духарев, но Чифаня даже и спорить не стал. Повернулся и пошел.

– Ну и что теперь с этим делать? – спросил Серега у Мыша.

Спросил в общем риторически, но оказалось, что у Мыша есть вполне конкретные мысли по использованию выигрыша.

– Одну на шею повесь, – распорядился он. – Пусть видят: ты человек свободный и не побирушка. Вторую дай сюда, это нам на хозяйство. А на третью пойдем тебе сапожки справим. Это ж срам один, что у тебя на ногах.

Сапожки из серого сафьяна скроили у Сереги на глазах, по мерке. Были сапожки совершенно одинаковые, что на левую, что на правую. Двое подмастерьев тут же принялись дырять и стягивать выкройки кожаными ремешками, промазывая швы белым вонючим клеем. Сапожник забрал у Сереги обруч-гривну, выдав взамен пригоршню серебра: монет и обрезков, по весу, в три четверти гривны. Еще две четверти Серега будет должен отдать при получении обуви. Ни расписок, ни квитанций Духареву не выдали. Все – на честном слове.

Среди монет одна особенно заинтересовала Серегу, поскольку надпись на ней была сделана арабской вязью. Духарев показал монетку Мышу, но тот, повертев ее в руках, не заинтересовался. Серебро как серебро.

– Пошли, может, Чифаню поищем? – предложил Сергей.

– А чего искать? – удивился Мыш. – Они домой пошли. Полдничать.

Кожевенный квартал удивил Духарева нездешней силы вонищей.словно в родной Дерптский переулок вернулся. Мыш тоже сморщил нос, процедил:

– Кожемяки...

Родной дом Чифани стоял за крепким забором. Солидные дубовые ворота им не отперли, только махонькую калиточку. Во дворе воняло еще пуще, чем на улице. Тощий парень в ошейнике наподобие собачьего спросил:

– Чего надоть?

– Чифаню позови! – скомандовал Мыш.

Парень нехотя повернулся и поплелся к дому. Мыт догнал его и довольно сильно пнул под зад. Парень, к удивлению Сереги, вместо того чтобы повернуться и отвесить сопляку затрещину, припустил рысцой.

– Червяк ленивый! – буркнул Мыш.

– А что это у него на шее за украшение? – спросил Духарев.

– Ярмо холопское, что ж еще? – проворчал недовольный Мыш.

– Это если бы я к Горазду в холопы попал, на меня такое же надели бы? – осведомился Серега.

– Не, не такое. Железное. Ты ж не рожденный холоп, можешь и откупиться.

Два мохнатых пса с рычанием тянули в разные стороны обгрызенную рыбину. Наконец

запас прочности у рыбины иссяк, и псы покатались в разные стороны – каждый со своим куском. Клычищи у псов были очень солидные. Оставалось надеяться, что собачки не заинтересуются посторонними, проникшими на их территорию.

Мыш достал нож и недоделанную ложку.

Наконец появились Чифаня с Сычком, работа была завершена, а ложка вручена Сереге. Торжественно. Еще один шажок в духаревской адаптации. Вероятно, здесь человек без ложки – все равно что новорус – без спутниковой «трубки».

– А вы не спешили! – заметил Духарев.

– А что, в твоём роду пристойно уйти с общей трапезы? – укоризненно произнес Чифаня.

– У меня в роду не принято, чтоб голодный гость во дворе топтался! – парировал Духарев.

– Гость ты иль нет – не мне решать, – возразил Чифаня.

Серега поймал укоризненный взгляд Мыша и решил тему больше не развивать.

– Пошли куда-нибудь, где перекусить можно. И поговорить заодно.

Постоялый двор под городскими воротами отличался от того, где у Сереги вышел конфликт с Гораздом. Длинный зал с низким закопченным потолком, длинный стол – во всю длину помещения.

Запах чего-то кислого смешивался с запахом дыма и жареного мяса. Народу было много, но места на лавках пока хватало.

– Будь здрав! – молодой парень с только пробивающимися усами приветственно махнул рукой. Не Чифане или Мышу, что характерно, а Сереге.

– И тебе того же! – откликнулся Духарев.

Парень – из тех, что были с древлянским купцом.

Разместились. Мыш сбегал к печи, приволок горшок с кашей и кувшин со сладеньким пойлом.

– Слушай, а там мужики случайно не пиво пьют? – спросил Духарев.

– Какие мужики? – удивился Мыш.

– Да вон те!

– Ты что, умом тронулся? – воскликнул названный братишка. – Свободных людей мужиками называть!

– А что плохого? – удивился Духарев.

– А то! Это ж все равно как за бороду дернуть!

– А в этом что плохого? – снова удивился Серега.

Мыш только головой покрутил от такого непонимания жизни.

– Погоди, – вмешался Чифаня. – У них же в роду совсем другие обычаи.

– Назвать свободного мужа мужиком, – произнес он, поворачиваясь к Духареву, – это, ясное дело, лучше, чем бабой, но слово все равно стыдное. На него не только свободный, даже закуп может обидеться.

– Да что в нем плохого? – никак не мог врубиться Серега.

– Ну... – Чифаня пошевелил пальцами. – Мужик – это почти как муж, только... это... маленький. Понял?

– Вроде бы, – кивнул Духарев. – А с бородой что?

– А с бородой, Серегей, я те так скажу: чужую вовсе не трогай, а ежели твою кто тронет – бей как умеешь. Хоть кровь пусти. Никто с тебя виры не требует. Понял?

– Вполне, – подтвердил Сергей. – А теперь скажи мне: вон те мужи, они случайно не пиво пьют?

– Пиво, – подтвердил Чифаня.

– А здесь его подают?

– Да ну его! – вмешался Мыш. – Горечь одна!

– Вон там, – показал Чифаня, – бочонок. Скажи хозяину – он те нальет. Токо нам не бери. Мы его не любим.

Пиво, впрочем, оказалось очень даже ничего. Вкусное. Под него и каша веселей пошла. Мыш с Серегой умяли ее в две минуты, а Сычок с Чифаней тем временем оприходовали бурдючок.

– Эй, ты ложку так не клади! – заметил Мыш. – Нынче богов кормить не время!

Серега безропотно забрал инструмент, облизал и спрятал в карман. Это действие ни у кого нареканий не вызвало.

– Поел? – спросил Чифаня.

– Вполне.

– Тогда говори, зачем звал?

– Скажу, – согласился Духарев. – Но сначала ты мне расскажешь, почему вы с Сычком борьбой развлекаетесь. Вы же не скоморошьего племени, верно?

– Верно, – Чифаня вздохнул. – Тут вишь какое дело... Не способен я к родовому ремеслу. Здоровьем не вышел. А в дармовых нахлебниках жить не хочу. Я и придумал. Старшие мне Сычка вот отдали. Он – из Нового города, там на кулачках драться да бороться выучился. Да и силушка при нем. Бывает, конечно, и его побьют, как вот сегодня. Да редко. А чтоб случайный какой смерд Сычка заломал – такого не было! – гордо завершил Чифаня.

– Значит, не для удовольствия ваша борьба, а для заработка? – еще раз уточнил Духарев.

– Ясно, для заработка.

– Тогда слушай, как этот заработок увеличить, – заявил Серега и изложил невинным торжковцам систему ставок.

Вначале Чифаня усомнился: чего это вдруг народ начнет об заклад биться не за своих, а непонятно за кого. Или, к примеру, если и так ясно, кто победит. Духарев объяснял терпеливо, что человек по природе своей азартен, что спорить можно не только на победу, а на то, что кто-то из борцов устоит на ногах какое-то определенное время. Кроме того, если минимальная ставка – куна и если десять ставят на Сычка, например, а двое против, то ставящие против могут проиграть всего лишь куну, а выиграть целых пять.

– А какая моя выгода? – усомнился Сычок.

– А такая, что из каждых десяти поставленных кун – одна твоя. За труды.

В общем, говорили они долго, приговорили еще пару кувшинчиков с медом и изрядное количество пива. Последнее – исключительно Духарев. Договорились. Чифаня обещал подыскать второго борца и договориться с местным рыночным людом, чтобы делали ставки для разгона. А Мыш – организовать рекламу силами местной молодежи.

Уже изрядно окосевшие, друзья выбрались на свежий воздух, облегчились... и тут Мыш вспомнил о змее. Надо же, совсем забыл, для чего они с Серегой Чифаню искали!

Игрушку собрали. Серега дал Мышу конец веревки: беги! Мыш вприпрыжку поскакал к воротам, Духарев подкинул змея, и тот взмыл в воздух. Сычок загоготал от восторга, а у Чифани даже челюсть отвисла. Змей забрался повыше, его подхватил верховой ветер, бечева натянулась струной.

Мыш промчался через ворота, прибежал обратно. Он был счастлив.

– Занятно, – сказали у Сереги за спиной.

Духарев оглянулся и увидел гридня, который побил его в Детинце. Белоголового.

– Сам придумал? – спросил белоголовый.

Духарев покачал головой.

Гридень свистнул, поманил Мыша:

– Покажи-ка.

Мыш осторожно опустил змея. Белоголовый зажал его между ладонями, оглядел.

– Понятно, – сказал он. – Полезная вещь. Если в яркий цвет покрасить – не хуже дыма будет, – задумчиво проговорил он. – Добро! – вернул змея Мышу и зашагал прочь.

– Ни здрасте, ни до свиданья! – сердито сказал Серега.

– Да ты что! – воскликнул Мыш. – Это ж Мороз! Он же двух нурманов зарубил! Ему ж сам Скольд...

- Ладно, проехали, – буркнул Серега. – Со змеем побаловались, что теперь?
– Может, еще медком побалуемся? – с надеждой спросил Сычок.

Глава тринадцатая, в которой Серега Духарев становится основоположником коммерческого спорта в городище Малый Торжок

Чифаня сработал по высшему разряду. Во-первых, нашел Сычку достойного противника – Ишку-угра, холопа со двора Жердяя, старшины гончарного конца. Во-вторых, раззадорил самого Жердяя, и тот самолично явился на рынок вместе со своими родичами и челядью. В-третьих, Чифаня дал несколько кун Мышу, а тот, в свою очередь, раздал малышне, чтобы те кричали на своих и чужих дворах про будущий кулачный поединок... Короче, когда солнце коснулось верхушек деревьев, и, стало быть, наступил назначенный для схватки час, чуть ли не пол-Торжка уже теснилось на рыночной площади. Наиболее шустрые залезли на крыши лавочек, прилавки, навесы над рядами. В результате один навес, не выдержав, рухнул. Никто, к счастью, не покалечился.

Почетные места – на принесенных лавках – были отданы старшине Жердяю и деду Чифани, костлявому высокому старику с желтой бородой, глазами философа и молодым именем – Любим. На почетное место усадили также старшин кузнецов и плотников и богатого огнищанина с того берега реки.

Дед Чифани и старшина гончаров, как водится, заложились. Каждый – на своего борца. Когда Чифаня предложил всему честному люду сделать ставки, его сначала не поняли. Чифаня разъяснил смысл предложения еще два раза, а затем по знаку Мыша несколько подговоренных заранее парней полезли вперед с деньгами. Их ставки были оговорены и проплачены. Деньги принял Духарев и громогласно объявил расклад: на Сычка – одна куна, на Ишку – три. Публика не въехала. Чифаня растолковал: ежели победит Сычок, тот, кто ставит на него куну, – получит три, а ежели Яшка, то поставивший на него получит треть своей ставки. Но десятую долю победителю в любом случае придется отдать организаторам турнира.

Кто-то заорал: несправедливо! Почему это за Сычка – втрое, а за Ишку, считай, ничего? Но кто-то более расторопный уже полез ставить на Сычка. Через полчаса ругани и столпотворения Духарев, делавший пометки на берестяном листке, огласил новые результаты. Одиннадцать против одного на Сычка. Теперь заорали ставившие на бойца кожевников. Жердяй и Чифанин дед, с удовольствием поглядывавшие на растущую кучку серебра (старшине гончаров тоже была обещана доля), при первых же признаках беспорядка дали знак, и плечистые родичи сомкнулись вокруг организаторов представления. Наиболее рьяных возмутителей уgomонила рыночная охрана, Скольдовы отроки. Опытный Духарев уговорил Чифаню отстегнуть им заранее и посулить дать еще в случае успеха предприятия. Чифаня, у которого глотка была натренирована ежедневной практикой, вскоре сумел переорать крикунов и еще раз растолковал простое правило. Поставленные на кон деньги будут поделены между всеми, кто ставил на победителя. В соответствии с личными ставками. Разобрались. Серега опять начал принимать деньги, причем обнаружил, что среди тех, кто ставил теперь на Ишку, оказалось немало уже поставивших на Сычка.

«Какой славный народ!» – подумал Духарев, торопливо царапая бересту. Просто записать ставку и имя оказалось недостаточно. Одних только Малов в списке оказалось шестеро. Приходилось вносить особые приметы; «рыжий», «рыжий маленький», «рыжий, маленький, без половины уха»...

– А я и не знал, что ты грамоте учен! – с уважением проговорил Мыш.

Духарев глянул на брата удивленно: взялся бы он иначе принимать ставки у тучи незнакомого народа!

В общем, когда подготовительная часть закончилась, солнце уже скрылось за лесом. Начали.

Широкий белобрысый Сычок против такого же широкого чернявого Ишки.

Сегодня днем Серега попытался втолковать обоим: не торопитесь. Дайте людям полюбоваться зрелищем. Идея, понятная любому здешнему скомороху. Но у этих двух дурачков все наставления вылетели из головы, едва они встали друг против друга. Налетели, сцепились и стали давить друг из друга масло. Какое там зрелище – одно медвежье пыхтение. Публика орала. Каждый считал своим долгом подбодрить своего борца. Сычок изловчился, присел, подхватил угра под колено и бросил. Вернее, угр упал, а Сычок свалился на него. Побарахтались в пыли, встали. Разочарованный исходом силовой борьбы Сычок перешел к кулачной: размахнулся – аж позвоночник скрипнул – и влепил Ишке в скулу. Звук – будто резиновой дубинкой по деревяшке. Угр ухнул, схватил Сычка за рубаху и влепил ему башкой в подбородок. Подпрыгивавший рядом с Духаревым Мыш в азарте шлепнул Серегу по спине. Духарев восторга названного брата не разделял. С его точки зрения, это не борьба, а позор один. Уж Сычок мог бы работать поинтереснее. Опыт есть, да и Серега успел показать ему пару-тройку приемов.

Бац-шмяк... Угр ухитрился вцепиться Сычку в шею и теперь просто и незамысловато душил противника. Впрочем, душить Сычка была не такая уж и простая работенка. С его-то шеищей. Руки у угра были длиннее, чем у Сычка, зато у последнего длиннее были ноги, и Сычок принялся лупить пяткой по голени противника. Ишке это не понравилось, он отвлекся, и Сычку удалось оторвать его пальцы от собственного горла. Р-раз... И он наконец применил то, что ему показывал Серега: передняя подножка с одновременным толчком в грудь. Угр полетел на спину, Сычок подпрыгнул и приземлился пятками Ишке на живот. Пробил. Угр раззявил рот – зубов у него был явный дефицит – и безуспешно пытался вдохнуть. Вряд ли этому способствовало то, что Сычок уселся ему на грудь и, оскалившись, сдавил глотку угра железными пальцами кожемяки.

Пятки Ишки забарабанили по земле...

Духарев вскочил с места и бросился выручать угра...

Но раньше него поспел Чифанин дед.

– Сычок, кабанье семя! А НУ ОТПУСТИ ЕГО! – взревел Любим, на миг перекрыв вой и ор толпы.

От хозяйского голоса увлекшийся победитель аж подпрыгнул, коlobком скатился с угра, выпрямился и уставился на старшину взглядом нашкодившего пса.

Глава четырнадцатая, в которой в очередной раз доказывается, что напиться можно чем угодно, даже слабым домашним пивом. Главное – выпить побольше

Серегу Духарева пригласили к чужому столу. Его и Мыша. Старейшина Любим лично снизошел. Без поклона, правда, как только что звал гончарного старшину, но уважительно. Как сообщил позже Чифаня, Духарев поразил деда быстротой, с которой просчитал и распределил выигрыши между полусотней счастливых. А ведь кое-кто не поленился и перепроверить Серегины расчеты по местной системе. Быстро, сказал тоже! Серега, пока считал, изматерился про себя. Ему бы паршивенький китайский калькулятор! Но деда Любима, выходит, он и без калькулятора очаровал. Вероятно, изрядная куча серебра тоже способствовала очарованию. Богатый город – Малый Торжок. И народ разошелся воодушевленный. Выигравшие – прибылью, проигравшие – надеждой на отыгрыш. Было объявлено, что через три дня состоится следующий чемпионат. И участвовать в нем будут уже не двое, а четверо. Третий борец будет от кузнецов, а четвертым сам вызвался пришлый – молодой купец Тишка. Последняя кандидатура вызвала у Духарева сомнения, но Чифаня и Сычок уверили его, что недостаток веса кандидата вполне компенсируется происхождением (новгородец) и профессией. Купец, по здешним понятиям, всегда воин. Иной купец княжьего отрока стоит. А то и гридня. Участие же представителя высших сословий поднимает престиж чемпионата.

В общем, все довольны – и отлично. Пошли ужинать.

Ужинать? Ха! Вечерняя трапеза в доме Любима – это что-то! Длиннющий стол, за которым уместилось человек сорок. Мужчин. Женщинам полагалось прислуживать, а есть – когда мужчины наедятся. Впрочем, засидевшихся можно и поторопить.

Кушали из одной миски – на двоих. Чинно. Перед каждой переменной Любим особой ложкой отстегивал пайку «предкам» – кидал в открытую печь, где горел огонь. В «столовой» было жарко, дымно и поначалу относительно тихо. Ели молча. Даже не ели – вкушали. Это уже потом, наевшись и подвыпив, кожемяки оживились и загалдели.

Серегу дед Любим посадил поближе, рассчитывая потом расспросить. Любознательный оказался дедушка. И властный. Домочадцев своих держал в ежовых рукавицах. Сыновья, здоровенные, с проседью уже мужики, отцу в рот смотрели. О прочих и говорить нечего.

Конечно, правды деду Серега рассказывать не стал. Правду он и Мышу рассказать не решился. Напел про затерянное в горах племя, про страны заморские... В общем, в лучших традициях отечественной фантастики. Потом уж и сам не помнил, что врал. Кто-то шепнул Любиму, что гость неравнодушен к пиву, и приставленная к Сереге девчонка без устали подливала в его кружку. Скорее всего, дед Духареву не поверил: пара-тройка заданных старшиной вопросов показала, что старик в местной географии разбирается неплохо, а «странник» Серегей – ни в зуб ногой.

Короче, отужинав, взяли с собой пива да меда и удалой компанией потащились на реку. Городские ворота оказались закрыты, но за кувшинчик пива сторожевой отрок отпер им калиточку и пообещал впустить обратно – еще за один кувшинчик.

– Во! – заявил Чифаня, когда они отошли подальше. – Сразу видать, что Скольда в кремле нету!

Домой братья вернулись затемно, пьяные и веселые. Серега порывался петь песни типа «Вновь по выжженной земле иду, гермошлем защелкнув на ходу, мой „фантом“...» и так далее. Братан Мыш тянул тоже что-то неподобающее про «милку задасту да титясту». Ввалились в избу, что-то перевернули, запалили свечу, разбудили Сладу. Серега спяну полез к ней обниматься. Девушка вывернулась молча и яростно. От этого молчаливого отпора Духарев сразу отрезвел, пробормотал:

– Прости, Сладушка, дурака пьяного! Я ж... Ничего плохого, слово!

Девушка только глазами сверкнула, так же молча загасила свечу. Серега услышал, как она улеглась: скрип досок, шуршание, шорох одеяла. Духарев постоял в темноте, покачался с носка на пятку... Слада, сонная, сердитая, желанная до невозможности, стояла у него перед глазами... «Ну ты, урод, даже и не думай!» – приказал он сам себе, вышел во двор и сунул голову в бочку с водой. Следом за ним выполз Мыш и принялся блевать в компостную яму. «Не дело это, такому мальцу пить!» – сердито подумал Духарев. И вспомнил, как лет восемь назад в одной деревушке к их столу подошла восьмилетняя девчонка и попросила портвейна. Серега ужаснулся было, но его местная подруга, девчонкина сестра, сказала: «Налей!» Он, на автомате, налил, девчонка выхлестала залпом двести граммов дрянного портवेशка и ушла играть в куклы. И не блевала, это точно.

«Куда ж это я все-таки угодил?» – подумал Серега.

Этот вопрос он задавал себе каждый вечер. Но утром – никогда. Серега Духарев воевал совсем немного, однако, пока воевал, успел усвоить очень многое. Например: живи, пока живется, и, если можешь, получай от этого удовольствие. Хотя бы от того, что – живой. Иначе – абзац.

«Куда же я все-таки угодил?» – спросил себя Серега и поплелся в сарай, на сеновал. Спать.

Глава пятнадцатая, в которой внешний вид Сереги Духарева наконец-то приводится в соответствие со здешними нормами

Денег, заработанных вчера, новой семье Сереги хватило бы на годовой прокорм. Так подсчитал Мыш. И еще оставалось. Вот с этим «оставалось» они отправились на рынок.

Спустя час Серега перестал выглядеть оборванцем. По местным меркам. Ему купили удобные свободные штаны со шнурочком и крючками, на которые можно было повесить, к примеру, кошель. Это, видно, для того, чтобы постороннему человеку удобней было его снять, ведь из кармана тащить – не всегда сподручно. Да и не додумались до карманов местные портняжки. Мыш, впрочем, объяснил брату: понимающие люди носят кошель не снаружи, а изнутри, в штанах. За веревочкой-гашником. Толково. Жаль – доставать неудобно. Еще Сереге купили рубаху с замысловатой красной вышивкой. Вышивка, как выяснилось, не просто украшение, а оберег, которому предназначено защищать Серегу от стрелы и огня. А вот от борца да кулачного бойца нужен особый оберег, заявил торговец, который, как выяснилось, присутствовал и на вчерашнем ристалище (проиграл половину нурманской марки), и в первый день, когда Серега побил Сычка. Особый оберег у торговца, ясное дело, имелся. И стоил пустячок. Полгривны. Учítывая, что гривна и марка были примерно в одном весе – граммов двести серебра, торговец, вероятно, решил компенсировать вчерашний проигрыш. Не вышло.

– Вот мой оберег! – заявил Духарев, показав кулак.

Кулак у Сереги был поменьше, чем, например, у Сычка. Но зато пользоваться им Духарев умел не в пример лучше. Торговец это знал и больше не настаивал.

Вышли из лавочки вполне довольные. Особенно Мыш, который торговался отчаянно и на каждой вещи ухитрялся скинуть самое малое треть стоимости.

С рынка отправились за город, к кузнецу. Мыш заявил, что дешевле купить прямо в кузне, чем на торжке. Тем более кузнец, или, как говорил Мыш, – коваль, – дружил когда-то с Мышовым отцом.

Кузнечный двор был тот, мимо которого Серега проезжал в первый день с Гораздовыми приказчиками. Кузнец, мускулистый мужик в прожженном фартуке, особого восторга не выразил. Флегматично кивнул, выбрал заготовку, махнул Духареву, чтоб стал к мехам. Серега сначала не понял, как с этой штуковиной обращаться, помог Мыш. Заготовку раскалили, затем принялись обстукивать молотами: мастер – средним, а подмастерье, широкогрудый и длиннорукий, как горилла, – насаженной на рукоять чушкой в полпуда весом. Грохот, искры... Ничего интересного. Серега вышел во двор, где еще двое подмастерьев подковывали коня. Один держал ногу, второй загонял гвозди прямо в живое копыто. Серега раньше никогда не видел, как подковывают лошадей, на миг представил, как ему самому в кость вбивают железный гвоздище... Но коню, похоже, было не больно. Хозяин держал животное за узду и успокаивающе охлопывал.

Лязг молотков стих. Кузнец вышел во двор, вынес, держа в клещах, новенький нож, сунул в бочку с водой, подождал, вытянул, оглядел, кивнул удовлетворенно.

Через полчаса Сереге был вручен уже насаженный на рукоять, вполне приличный нож длиной сантиметров тридцать. У основания клинка имелось крохотное клеймо – кружок с рожками.

Серега махнул пару раз обновкой – вроде нормально. Держать удобно. Работать ножом Духарева учили. Не так чтобы очень, но порезать жилы не очень крутому противнику он мог бы. И попасть в столб с десяти шагов – тоже. Столб имелся. Серега метнул. Попал, не опозорился.

Мыш расплатился, и они отправились обратно в городок. Нож Духарев нес в руке.

– Ножны Чифаня даст, – заявил Мыш.

Прожив на новом месте почти неделю, Духарев уже неплохо ориентировался. Правда, только на левом берегу. На правом, в выселках, он еще не бывал. Только когда плавал от берега к берегу.

Малый Торжок занимал стратегически удобную позицию. На холме. В этом был наверняка еще один плюс. Во время весенних разливов Сулейка не подмывала городских стен.

Городок был сплошь деревянный – от внешних стен до детинца-кремля. В стене – двое ворот. Главные и поменьше. Пройти весь городок из конца в конец можно было минут за

пятнадцать. А состоял он именно из «концов». По ремеслам. А концы, в свою очередь, – из дворов, тоже огороженных и по сути – крепостей, только маленьких.

Большой крепостью был кремль. Он, как узнал Духарев, мог при необходимости вместить всех жителей города и выселок. Вместить-то мог, но пришлось бы тесниться. Впрочем, это мало кого смущало. Жить захочешь – потеснишься! Общественные припасы тоже хранились в кремле. На случай осады – и у князьего наместника под присмотром!

Городские площади – вечевая и рыночная – располагались в непосредственной близости от кремля. И это Серега тоже оценил: ежели кто вознамерится штурмовать деревянные стены, то укрыться от разных острых предметов, коими наверняка начнут швыряться защитники, штурмующему будет довольно трудно.

Кроме дворов ремесленных имелись еще дворы купеческие. Например, двор Горазда располагался вплотную к рынку. Солидный двор. Тын – не ниже городских стен. Были еще дворы гостевые и одинцовые. Вроде того, что у новых Чифаниных родичей.

Вообще-то пришлые селились отдельно. На выселках. Чтобы поставить или купить двор внутри стен, требовалось одобрение городского старшины и разрешение наместника. Последний мог обойтись и без народного одобрения, но тогда пришелец селился уже в самом Детинце.

Законы и порядки Малого Торжка Серега выводывал очень настырно и старался хорошенько запомнить. Незнание «понятий» не освобождает от ответственности, но зато способствует освобождению от имущества, свободы и жизни.

Поспрошав прохожих (здесь все знали всех), Мыш отыскал Чифаню с неразлучным Сычком, и все четверо отправились в Любимову лавку. Чифаня собственноручно подобрал чехол для ножа и повесил его на Серегин пояс: единственную, если не считать плавов, вещь, оставшуюся у него из прежней жизни.

– Дар! – солидно сказал Чифаня.

Лавочник-закуп, торговавший кожевенным товаром, не возражал. Чифаня был – из старших родовичей и мог распоряжаться родовым имуществом. Во всяком случае, на уровне чехла для ножа.

Разобравшись с вооружением, в складчину купили копченой свинины, лепех, огурчиков, квасу (Сычок намекал на что-нибудь покрепче, но ему не вняли) – и отправились на реку. Серега ощущал себя будто в отпуске. Для полного удовольствия не хватало только девочек.

Чтобы утрясти обед, Духарев слегка погонял Сычка, обучая разным приемчикам. Мозгов у Сычка было немного, но с остальным дела обстояли неплохо. А уж удар он держал – загляденье. И это – без всякой техники, исключительно на здоровье.

«Я из него сделаю чемпиона! – твердо решил Духарев. – По крайней мере – местного масштаба».

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев лично участвует в собственном шоу, а чуть позже делает два полезных вывода

Ишку-угра Сычок опять завалил. И кузнеца, этакую человекообразную машину с немереной мускулатурой, – тоже. Подбил ногу выученным у Сереги приемом, уселся сверху и взял на болевой. Кузнец взвыл и запросил пощады. Не будь у кузнеца такой могучей мышцы, не умеющий соразмерять силу Сычок вообще порвал бы сопернику связки. Третий противник, из купцов, по предложению Духарева сначала боролся с Ишкой и управился с ним на удивление легко. Раз-два – и угр уже воткнулся мордой в землю. С Сычком купчина провозился дольше, но потом исхитрился и кинул Сычка через себя. Классически – с упором стопы в живот. Картинка была замечательная: Сычок был килограммов на двадцать тяжелее худощавого и подвижного купчины. Кинул, перевернулся проворно и наступил пяткой на Сычково горло. Наступил и убрал ногу. Но оспаривать его победу никто не стал. Видно же, что пожалел лежащего.

Народ был в восторге. Эта публика, в отличие от публики древнеримской, а также – и от многих Серегиных соотечественников, кровожадностью не отличалась.

Духарев отсчитал победителю премиальные.

– Устал? – спросил он.

– Есть маленько, – признал купчина.

Красивый малый: глаза синие, волосы темно-русые, а борода – светлая.

– А завтра со мной бороться будешь?

– Гривна, – ни секунды не помедлил купчина. – А повалю тебя – две.

– По рукам! – согласился Духарев.

И оповестил Чифаню, чтоб тот, в свою очередь, оповестил народ.

Вообще-то Духарев не рассчитывал, что их шоу будет неизменно собирать аншлаг. И был приятно удивлен, когда и по третьему разу набежала изрядная толпа. Нет, конечно, далеко не все ставили значительные суммы, да и вообще ставили не все. Многие просто пришли поглядеть зрелище.

«Мы у них теперь будем вместо вечернего сериала», – подумал Духарев.

На этот раз ставки собирал сам Чифаня. Он же дал команду начинать.

Купчина атаковать не торопился. Правильная тактика. Серега был для него темной лошадкой.

Серега попробовал его «развести»: имитировал атаку и тут же подался назад, провоцируя на нападение, – но купчина не «развелся».

Пришлось атаковать по-настоящему, хотя и сам Духарев немного осторожничал. Повредить противнику организм сверх необходимого – не самый лучший вариант.

Купчина из-под атаки ушел. Очень грамотно и четко. Духарев не мог не восхититься: ни одного лишнего движения, уклоны ровно настолько, насколько требуется. Ни сантиметром больше. А вот контратака у купчины явно хромала. Резкие, но легко видимые удары по ногам, захваты слабые, удары проносные, расхлябанные. Великолепный бросок, которым купчина метнул через себя Сычка, с Серегой не прошел бы никогда. Тот просто не позволил бы себя схватить. Лягался купчина сильно и больно. Но почему-то целил всегда по ногам, так что предугадать его движения было несложно.

Убедившись, что держать удары противника – сущие пустяки, Духарев обнаглел, плюнул на защиту, оберегая только голову и все, что ниже пояса, – начал финтить и в конце концов достал купчину длинным, пробитым из-под руки май-гери. В последний момент противник попытался заблокировать летящую в живот Серегину ногу, но блок, быстрый и резкий, почему-то пошел сбоку, Серега вlepил прямо в «солнышко», и поединок закончился.

Только позже, анализируя весьма интересный поединок, Духарев понял, почему техника противника выглядела одновременно и искусной, и ограниченной. Словно бы чего-то ей не хватало. В общем, Серега понял, чего ей не хватало. Оружия. Будь у купчины даже не меч, а банальная палка – и финальный удар Духарева принес бы ему не победу, а разбитую голень.

«Ну, будь у него палка, я бы тоже иначе работал!» – успокоил себя Серега.

– Эй! – толкнул Духарева Сычок. – Ты че пригорюнился? Айда мед пить!

– Я – пиво, – машинально отозвался Серега.

– Пей что душа желает! – радостно заявил Сычок. – Куны есть!

– С вами алкоголиком станешь, – усмехнулся Духарев.

– Алкоголяк – это кто? – заинтересовался Сычок.

– На тебя похож! – ответил Духарев.

– Да будет тебе! – Сычок самодовольно ухмыльнулся. – Ты тоже на морду красен!

Духарев не сразу сообразил, что красивый и красный – для Сычка синонимы.

В общем, они отправились на полюбившийся постоянный двор и опять напились.

Но до этого Серега успел сделать два полезных вывода. Первый: до настоящего, по здешним меркам, бойца ему далеко, но в кулачных боях, именно из-за привычки народа к оружию, у Духарева преимущество. Это как с обученным солдатом, который на татами раз за

разом пропускает удар в печень. Потому что привык: правый бок прикрыт прикладом автомата. Второй: в тех случаях, когда противник Сычку не по зубам, Сереге имеет смысл выходить самому. Два полезных вывода и одна идея: а кто, собственно, сказал, что противник должен быть один? Пусть их будет двое. Или больше. Серега любил и умел работать с группой. А зрелище от этого только выиграет.

Глава семнадцатая, в которой выясняется, что Серега Духарев еще помнит кое-что из классики

Слада ухватом вынула из печи горшок. Вкусный запах тушеного с овощами мяса достиг Серегиного носа и вызвал неудержимое слюноотделение. Солнце, воздух и вода вызывают здоровый аппетит и кардинально снимают синдром абстиненции, в просторечии именуемый похмельем.

Слада поставила на стол три деревянные миски. Дома они с Мышом не соблюдали здешнее правило: женщины едят после мужчин. И пищу в огонь – божкам – не бросали.

– Кирие элейсон... – нестройно затянули Мыш со Сладой.

– Отче наш, иже еси... – по-русски вторил им Серега единственную молитву, которую помнил.

Помолившись, принялись за еду.

– Вкусно! – похвалил Серега.

– На здоровье, – Слада держалась с Сергеем очень вежливо, но какой-то кусочек теплоты, который возник между ними вначале, пропал.

Духареву от этого было грустно. Девушка ему очень нравилась, может, даже больше, чем просто нравилась. Но он совершенно не знал, как к ней подойти, как сказать, чтобы поняла: она Сереге очень даже небезразлична. Раньше у Духарева никогда таких проблем не было. Ну, по крайней мере, с тех пор, как сошли со щек подростковые прыщи. Когда какой-нибудь там Горазд называл Серегу чужаком, тот воспринимал это спокойно, потому что при этом чужаком себя вовсе не чувствовал. А вот со Сладой... Это было – как пропасть. Хуже, чем другой язык. Это как если ты киваешь головой в знак согласия, а для другого кивок означает «нет». Серега помнил еще с занятий по психологии, что у каждого народа своя «дистанция близости». Одни чувствуют себя неуютно, если собеседник оказывается на расстоянии полутора метров, а другие – ближе вытянутой руки.

Едва Серега приближался к Сладе ближе этих самых полутора метров, как она тут же отходила назад. И что с этим делать, Духарев понятия не имел.

– Слада, а ты свой-то язык помнишь? – спросил он.

– Как это – свой? – влез Мыш.

– Болгарский.

– Булгарский, – поправил Мыш.

– Пускай, – не стал спорить Духарев. – Так вы можете говорить по-булгарски или уже забыли?

Мыш засмеялся, а Слада спокойно ответила:

– Мы и говорим по-булгарски.

Мыш поглядел на Духарева и захихикал.

Серега подобрал отвисшую челюсть.

– А я на каком языке говорю? – спросил он, чувствуя себя полным идиотом.

– На нашем, ясное дело! – ответил Мыш. – Ну, говор у тебя нездешний, ну так и у нас нездешний, дык когда мурома какой-нито говорить начинает, так его и совсем не поймешь. А ты... К нам нурманы Князевы той зимой прибегали, так у них выговор похожий, но ты лучше говоришь. Видно, что смалу по-нашему болтать выучился. А по-нурмански можешь?

– Нет, – покачал головой Серега.

– А еще по какому-нибудь?

– It was many and many a years ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabe Lee; —
Than to love and be loved by me... ¹ —

прочитал Духарев.

Почему именно это стихотворение пришло ему на ум, Серега не смог бы ответить.
Пришло, и все тут.

– Это ты по-каковски? – заинтересовался Мыш.

– По-английски.

– А как это по-нашему будет?

– С тех пор пролетели года и года.
У моря, где край земли,
Вы, может быть, девушку знали тогда
По имени Аннабель Ли,—
Друг другу сердца отдав навсегда,
Мы расстаться на миг не могли... ²
– А дальше? – жадно спросила Слада.

Серега хотел сказать, что не помнит: читать стихи вслух он не любил. Но лишь глянул в сияющие глазенки и продолжил:

– Мы были как дети, она и я,
У моря, где край земли,
В то давнее, давнее время, когда
Жила здесь Аннабель Ли,—
И ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли.
И вот почему из тучи тогда,
У моря, где край земли,
Ветер холодный смертью дохнул
На прекрасную Аннабель Ли.
И богатый сородич пришел за ней,
И ее схоронили вдали,
В пышной гробнице ее схоронил,
У моря, где край земли.
Да! Ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли —
И вот (все это знали тогда
У моря, где край земли)
Ветер дунул из туч ночных,
Сгубил мою Аннабель Ли.
Но самые мудрые никогда
Любить так, как мы, не могли,
Сильнее любить не могли.

¹ Edgar Allan Poe. Annabel Lee.

² Перевод А. Оленича Гнененко.

И ангелы неба не смели тогда,
И демоны недр земли
Разделить, разлучить душу мою
И душу Аннабель Ли.
Сиянье луны навевает мне сны
О прекрасной Аннабель Ли.
Если всходит звезда, в ней мерцает всегда
Взор прекрасной Аннабель Ли.
Бьет ночной прибой – и я рядом с тобой,
С моею душой и женой дорогой,—
Там, в гробнице, где край земли,
Там, у моря, где край земли!

В глазах Слады блеснули слезы.

«Не зря все-таки я в универе учился!» – подумал Духарев.

– А мы раньше тож у моря жили! – заявил Мыш. – Ну, не я то есть, а батька наш. Слышь, Серегей, а ты про витязей истории знаешь?

– Знаю, – кивнул Духарев.

– Расскажи!

– Не сейчас, вечером, – сказал Серега.

Слада встала и начала убирать со стола. На Сергея она по-прежнему старалась не смотреть, но сейчас это его уже не огорчало. Теперь-то он знал, как растопить лед.

Глава восемнадцатая, в которой у Слады появляется жених, а Серега Духарев совершенно неожиданно для себя принимает жизненно важное решение

Мир, в который инкарнировался, переместился или... ну, в общем, как-то угодил Серега, понемногу обретал знакомые черты. Исторические.

Где-то на севере стоял Новгород – родной город Сычка. Где-то на юге – стольный град Киев, в котором мазу держал некий Игорь, который, говорили, княжил послабже, чем его предшественник Олег. В Киеве бывали многие, в частности Слада и Мыш. Мыш, правда, по младости лет почти ничего не помнил, а Слада утверждала, что город хороший, красивый, побольше самого Полоцка, не говоря уже о Малом Торжке. И земли на юге добрые, родят хорошо, если с дождями задержек нет. Одно плохо: степняки время от времени наезжают: дани требуют, а то и просто жгут, режут да в полон тащат. Но это дело обычное. Вон две осени тому нурманы, что шли вниз, от волока, пристали в Торжке, да и решили, волчья порода, поживиться. Хорошо, Скольд с дружиной в кремле сидел, а нурманов было всего полтора десятка. Только грабить по дворам начали, Скольд со своими и ударил. Ну и народ, конечно, помог. Побили нурманов. А нурманы, кстати, в Киев шли, отметил Мыш, Игорю киевскому служить.

Олег, Игорь, Киевская Русь... Знакомые слова. Правда, из истории Серега мало что помнил. То есть помнил, что есть такое «Слово о полку Игореве», где вроде этого, а может, и не этого Игоря побили хазары... Или не хазары. Нет, хазары, это про Олега. Чего-то там «...собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» А потом его еще змея укусила. «Злая гадюка кусила его, и принял он смерть от коня своего». Интересно, правда это или байка?

– Мыш, а Олег, который в Киеве княжил, как он умер, не знаешь?

– Как же не знаю! – самодовольно отозвался Мыш. – Стрелой его побили. В поле.

Понятно. Либо история про коня и змею – из фантазии летописцев, либо это не тот Олег и, соответственно, не тот Игорь, а значит, знаниям Духарева о здешнем будущем – грош цена. Хотя им и так и так грош цена. Ничего он не помнит. 1242 год. Ледовое побоище

вроде? Новгород, Александр Невский. Святой. Литпамятники. «Слово о полку Игореве». Это, может, и в тему, но от знаменитого «Слова» в памяти – одно название. А Игоря, кажется, древляне убили. Или не Игоря? А Владимир Русь крестил. Тысячу лет назад. То есть еще не крестил. Значит, тысячный год еще впереди.

«Вот и определились с хронологией,— мысленно усмехнулся Духарев.— Что тут поделаешь? Раз не гожусь в пророки, буду осваивать другую специальность».

С другой специальностью, то есть с квалифицированным мордобитием на радость кредитоспособной публике, все обстояло замечательно. Новый Торжок был бойким местом. Вниз по Сулейке, от волока в Двину, постоянно шли лодьи. А по дорогам, тоже сходящимся к Торжку, торопясь использовать сухое время года, ползли возы с добычей лесовиков, со всем тем, что не успели отправить до весны, когда здешняя земля превращалась в сплошную непроходимую топь. Часть добычи скупали торжковские купцы, часть – пришлые. Учетная доля отходила князю. За этим присматривали Скольдовы приказные. Лесодобытчики закупали снаряжение на зиму. Но в любом случае в руках торжковских оставалась немалая толика серебра: азиатских дихремов, ромейских монет с профилями императоров, рубленых славянских кун, витых гривен, резанов – совсем крохотных огрызков всего лишь по несколько граммов весом. К некоторому удивлению Духарева, выяснилось, что ни молодой, только что вокняжившийся полоцкий князь Роговолт, ни киевский Игорь монет не чеканили. Серебро все брали по весу. Еще учитывали качество. Те, кто в этом разбирался. Золото было в ходу только у самых знатных. Расплачиваться золотом, скажем, за наконечники для стрел или лисьи шкурки никому в голову не приходило. И на кон тоже ставили в основном серебро, иногда – ценные вещи по цене, что, впрочем, Серегу, Чифаню и остальных вполне устраивало. Кстати, наживались они в основном на пришлых. Торговые гости, скажем, из Плескова ставили своего борца и, соответственно, ставили тоже на него. Если пришлый борец оказывался Сычку не по силам (такое случалось все реже, но все-таки случалось), ставки удваивались, и в круг выходил Духарев. Серега же, вполне изучивший здешнюю народную манеру: «Дави сильнее, бей размашистей, авось попадешь!» – «делал» соперников играючи. Именно играючи, то есть давал возможность противнику помахать кулачищами и даже создать иллюзию близкой победы. И заваливал соперника быстро и аккуратно. Эффектные броски и прочее он оставлял Сычку. Такая «экономная» техника частично скрывала Серегины возможности и создавала у зрителя ощущение, что победа Духарева – случайна. А значит, можно рискнуть и поставить против него еще раз, особенно если против Сереги выступали двое или трое одновременно. Труднее всего было, когда против Духарева становился не какой-нибудь кузнечный подмастерье, с пудовыми кулачищами, а соблазнившийся вой³ из торговой дружины или даже сам купец, обиженный тем, что его ставленника вываляли в пыли. Эти ребятки бились совсем по-другому, но и их было заваливать не так уж трудно. Привычка к оружию делала их ущербными к рукопашной. Некоторые даже настаивали, чтобы им разрешили пользоваться дубинкой или шестом. Дескать, это ж не меч, а так, пустяковина. Вот в том же Новгороде, когда концы стенка на стенку идут, дубинка или там кистень деревянный не возбраняются. Новгородец Сычок готов был пойти на уступки, но Духарев был тверд. Никаких предметов. И установка себя оправдывала. За все это время Серега не только ни одной травмы не получил, но и даже мало-мальски сильного удара не пропустил. Главное – не дать себя схватить. Какой-нибудь кожемяка с пальцами, как клещи, запросто мог кусок мяса из бока вырвать.

Дела шли хорошо. Бочонок в семейном подполе понемногу наполнялся серебришком. Слада ходила торговать в свою лавочку в самоцветных бусах, которые стоили дороже всех трав и зелий в лавочке, вместе взятых.

Серега бы и золотом Мышову сестренку украсил, но Мыш отсоветовал. Не по званию ей золото носить.

³ Вой – воин не княжьей дружины, ополченец или купеческий охранник.

Вследствие ли бус или еще по какой причине, но у Слады вдруг объявился жених. И не кто-нибудь, а старый приятель Сереги Трещок. Причем с девушкой Гораздов подручник даже разговаривать не стал, а заявился к «старшему в роду», то есть Духареву.

Наслышанный о Серегиных вкусах, Трещок приволок бочонок, который они на пару с Духаревым в процессе разговора и приговорили. Набравшийся Трещок, у которого и по трезвяни язык был, что помело, бесхитростно выложил свои расчеты. Рассчитывал же он взять с родичей Слады хорошее приданое, поскольку «сами ж видите; девка что ни лицом, ни телом не вышла», а он, Трещок,— мужчина видный. Может, и родит от него девка что-нибудь приличное. Тут Трещок самодовольно погладил бороду и приосанился. У Сереги появилось большое желание взять «видного мужчину» за бороденку и выкинуть за ворота. Но Духарев сдержался, решил дальше послушать. И очень скоро узнал, что внешность да худородность невесты жениха, конечно, смущают, но он готов с этим смириться, поскольку работница Слада не ленивая, да и лекарка. А для мужских утех и рожания крепких отпрысков у Трещка ведомая, то бишь главная жена имеется. Так что пусть Серегей не думает, что Трещок такой глупый. Ну, сколько Духарев отстегнет, чтобы с ним, Трещком, правильным купецким пацаном, породниться?

Наивная самоуверенность Трещка обескураживала. Духарев даже слегка растерялся. Трещок продолжал трещать, а Серега думал, как бы его, убогого, выставить, не зашибив.

Надумал.

— Значит,— произнес он,— ты думаешь, что мне с тобой породниться — честь?

— А то! — гордо подтвердил Трещок.

— А я думаю: это тебе со мной породниться — великая честь!

— Чаво? — от удивления Трещок даже протрезвел немного.

— Того! — отрезал Духарев.— Приданого я не дам. Хочешь Сладу в жены взять да мне родичем стать — плати пятьдесят гривен. Тогда бери.

Дар речи Трещок сумел восстановить только через пару минут. Наверное, это был рекорд молчания для бодрствующего Трещка.

— Ты это... ума лишился? — тихо спросил Гораздов подручный.

Серега пожал плечами:

— Я сказал — ты слышал.

— Ага... Слышал.

Трещок подобрал с лавки шапку, поглядел на Духарева с жалостью, как на душевнобольного:

— Бывай здоров, Серегей!

И ушел.

— Эх ты! — в сердцах бросил Духареву Мыш, который подслушивал под окном.— Зачем справного жениха прогнал? Кто ж ее, непригожу да безродну, теперь замуж возьмет?

— Я,— сказал Сергей.

Глава девятнадцатая, в которой Сереге Духареву неоднократно предлагается связать себя брачными узами, Чифаня приобретает транспортное средство, а в заключение ставится под сомнение славянское происхождение Духарева

— Я,— еще раз, спокойнее, повторил Духарев.— Или вашим законом это не дозволено?

— По Правде? Нет, по Правде можно. Токо глупо это.

— Почему — глупо?

— Смыслу нет,— Мыш поглядел на названного брата снизу вверх, но — покровительственно.— Ты ж так и так наш родич. Вот ежели бы она была не сестра, а жена моя, а меня убили,— тогда ты б ее взял. По чести. А так — чего? Хошь жениться? — Мыш оживился.— Так я те вмиг невесту найду! Хошь — из Чифаниных сестер кого сговорим? Любиму ты по сердцу. Ну, по рукам?

– Ты лучше заткнись, Мыш, – тоскливо проговорил Духарев. – А то ведь не удержусь, врежу тебе пониже спины!

– Нет, ну ты дурной, что ли? – Мыш постучал себя по лбу. – Ну на что тебе на Сладке жениться?

– По-твоему, я хуже этого рыжего хвастуна? – набычился Духарев.

– Не, не хуже!

– Так в чем же дело? Или она – не твоя сестра?

– Сестра, – согласился Мыш. – Но ты-то – мой побратим!

Заявлено было так, словно этим все сказано.

– Все! – отрезал Серега. – Я решил. А ты... В общем. Сладе пока не говори, – заключил он. – Сам скажу, когда... когда... В общем, когда надо будет.

– Нет, правду сказал Трещок: ты точно ума лишился! – объявил Мыш. – Или его у ты и не было, ума-то? – и отскочил раньше, чем Духарев вознамерился отвесить ему подзатыльник.

Чифаня купил коня. Верхового. За две гривны. Просто так. Это считалось роскошью. Купить коня не для рабочей надобности, а для удовольствия. Конечно, собственные лошади были у многих. У огнищан. У купцов. У гридней. Хотя гридни коней покупали редко. Брали жеребенка подходящих кровей и приучали. К себе, к бою. К такому коню чужому человеку и подойти было рискованно: забьет.

Чифаня приобрел себе обычного серого в яблоках небольшого коника со смешным, обрезанным почти под луковицу хвостом. Кличка у животного была Шалун. Но продавец уверял, что конек необычайно спокойный.

И тут Серега обнаружил довольно странную вещь: отсутствие стремян. Серега, конечно, на крутого лошади не тянул: так, катался пару раз в Сосновке для развлечения, но отсутствия стремян не заметить не мог. Все остальное: седло, уздечка, подпруга – имелось. А стремян не было. При том, что у других наездников Духарев стремяна видел. Правда, далеко не у всех.

Чтобы усесться в седло, Чифане пришлось использовать помощь Сычка. Всадник из Чифани был – так себе. Сидел в седле примерно как... сам Духарев. Но вид у Любимова внука был гордый донельзя. Тем не менее он разрешил и друзьям прокатиться.

Мыш воспользовался приглашением немедленно, однако, оказавшись в седле, проявил, скажем так, осторожность. Проехался шагом от одних городских ворот до других и обратно и не без облегчения слез. Серега, хотя и вспрыгнул в седло без посторонней помощи, тоже в галоп пускать конька не стал. И дал себе зарок: поучиться при возможности верховой езде. Конь, конечно, не автомобиль, но тоже средство передвижения. Для начинающего Шалун был конем идеальным. Послушным, спокойным. Любимый аллюр у него был: пощипывать травку.

Из четверых приятелей лучшим наездником оказался Сычок.

Обмывать приобретение отправились не на постоянный двор, а к Белке. Ее заведение имело то преимущество, что располагалось на открытом воздухе, а следовательно, хозяин мог, не вставая из-за стола, созерцать у коновязи свое четвероногое приобретение.

Белка, рыжая бабица – минимум пятьдесят восьмой размер по кормовым обводам – лично подплыла осведомиться, довольны ли гости. При этом поглядывала на Серегу так многозначительно, что у Духарева возникли самые серьезные опасения на свой счет.

– А Белка-т на нашего Серегея глаз положила! – отметил Чифаня, когда хозяйка отплыла по хозяйственным надобностям.

– Ты давай, Серегей, не теряйся! – деловито сказал Сычок. – Баба справна, все при ей. Вдова, да не нища. Слы, Мыш, а давай мы его женим!

– А ты у него самого спроси! – фыркнул Мыш. – Хочет он жениться к Белке?

– А чево? – удивился новгородец. – Серегей! Ты глянь, какая баба! – Сычок, раскинув руки, обозначил Белкины габариты. – Ну не молодуха, зато пива твоего любимого у ней – хоть залейся. Ну и нам, конечно, чего-нибудь перепадет. Женись, Серегей! Тут и думать

нечего!

– Вот сам и женись! – отрезал Сергей. – На бочке с медом твоим любимым!

– Да она ж за меня не пойдет! – совершенно серьезно возразил Сычок. – Я ж Любимов закуп.

– Так откупись, – посоветовал Духарев. – Занять?

– Да есть у меня! – отмахнулся Сычок. – Че я, дурной, откупаться? Меня ж Любим враз со двора погонит. Так, Чифаня?

– Это точно, – согласился Любимов внук.

– А тебе она не откажет, – продолжал напирать новгородец, которому идея халявной выпивки понравилась необычайно. – Ты парень видный!

Тут он был прав. Теперь Серегу уже никто не счел бы голытьбой. Прикинут он даже получше Чифани, ростом и плечами и раньше был не обижен, да и лицом, по местным меркам, вполне стал пригож, когда оброс светлой бородкой и сменил питерский синевато-зеленоватый цвет физиономии на здоровый торжковский румянец.

Сычок между тем продолжал описывать несравненные преимущества женитьбы на хозяйке харчевни. Когда он по третьему кругу принялся восхвалять достоинства здешних подвалов, Серега не выдержал.

– Все! Достал! – зарычал он. – Еще слово – и в глаз, понял?

Сычок моментально заткнулся, поглядев опасливо на Серегин сжатый кулак.

С кулаком этим Сычок был знаком достаточно близко и продолжать знакомство в условиях приятного отдыха совершенно не желал.

Через некоторое время к ним за стол подседа компания Чифаниных приятелей во главе с пушным добытчиком Шубкой. Шубка активно сколачивал ватажку, чтобы, как только подморозит, двинуться в некие Черные Мхи – на охотничий промысел. Собственно, ватажку он уже почти собрал. Осталась мелочь – раздобыть денег на припасы и снаряжение. Будущие ватажники – парни бравые, но, увы, в основном пришлые, безденежные. Сейчас половина этих парней трудилась на Чифанина деда – за кормежку и мелкую – не разбогатеешь – поденную плату. Промысловый инвентарь тоже можно было взять у Чифанина деда, в кредит, но – за третью долю. А третью долю Шубке и остальным было жалко. Вот ежели бы сам Чифаня с ними пошел, глядишь, Любим сделал бы скидку. По мере уменьшения количества меда планы ватажки становились все грандиознее.

Чифаня слушал и помалкивал. Присматривался.

Через некоторое время Духарев и Чифаня отошли от стола по естественной надобности, а на обратном пути Серега спросил приятеля:

– Чифань, помнишь, как ты меня в тот первый день ошарашил?

– Биткой, что ли? Ну, помню.

– Она у тебя с собой?

– Она всегда со мной.

– А врежь-ка мне еще раз!

– Что, всерьез? – удивился Чифаня.

– Ага!

Чифаня молча сунул руку за пазуху, кистень свистнул... и шарик оказался в ладони Духарева. Как он и предполагал, это оказалось совсем не трудно. Не сложнее, чем поймать на лету теннисный мяч.

– А еще?

Чифаня крутнул шар на цепочке, выбросил руку... И Духарев опять поймал битку. На этот раз он заметил, что Любимов внук его щадит: придерживает руку.

– Да не жалея ты меня! – воскликнул он сердито.

– Ага, не жалея! А зашибу – виру кто будет платить?

Чифаня огляделся. На лавке, рядом с одним из его приятелей, лежала войлочная шапка, вроде тех, что надевали под шлемы здешние ратники.

– На-ка, надень! – потребовал Чифаня.

Сергеа нахлобучил войлочный колпак.

Чифаня отошел на шаг, размахнулся и ударил. Длинно, с вывертом... И с тем же результатом.

Минут десять Чифаня так и эдак пытался достать Духарева, но попал только один раз, по ребрам. Больно, но вполне терпимо.

– Все,– заявил он. И сунул кистень за пазуху.

Сергеа повернулся к столу... и обнаружил, что вся компания глядит на них, пооткрывав рты.

– Слышь, Серегей,– проговорил Сычок.– А ты, часом, не нурман?

Глава двадцатая Без названия, но зато с эпиграфом

*Маленький человечек
На узком карнизе баини.
Он засыпает вечером.
Видит во сне нестрашное.
А раз бояться нечего,
Можно и покапризничать...
Маленький человечек
Спит на узком карнизе.*
Автор

Серге снился Дом. То есть не его комнатуха в коммуналке на Дербях с видом на трамвайные пути. Просто Питер. Маленькая кафешка на Рижском проспекте, в которой они планомерно и систематически надирались с бывшим мастером спорта по биатлону, а теперь солдатом удачи Пашей Влакисом. Паша был старше Сереги на три года, и особой дружбы между ними не водилось. Больше того, Серегу уже выперли из универа, и армия ждала его, широко распахнув гноящиеся «горячими точками» объятия. Следовательно, будущий салабон Сергеа Духарев и профессиональный наемник Паша Влакис могли этак через полгодика сойтись по разные стороны «передка» в терпеливой снайперской дуэли. И победа в этой дуэли наверняка принадлежала бы Паше, а не Серге, поскольку Паша стал профи еще в Молдове, а стрелял всегда лучше, чем Духарев.

Об этом не говорили. О войне сначала вообще не говорили, потому что Паша сразу заявил: не будем. Но после литровой бутылки «Смирнова» разговор все-таки сполз на острую тему.

– Главное – не выеживайся! – Влакис глядел на Серегу налившимися кровью глазами. Он был пьянее Духарева, но заметно это было лишь по легкому прибалтийскому акценту, прорезавшемуся в его речи. – Сиди тише, зарывайся глубже. Вперед не лезь. *Никогда*. Тебе платят бабки за кровь.

Влакис забыл, что Духареву никто платить не собирается. Серегину кровь государство получит на халяву.

– Тебе платят бабки – вот и все. Какой-то козел наваривает гринны на крови и платит тебе, чтобы ты жрал говнище вместо него. И ты жрешь. Потому что тебе платят. Но если ты при этом громко чмокаешь и просишь добавки, то ты – полный... Короче, давай! За жизнь! Чтобы она, сука, нас не динамила! – Они выпили, закусили горелыми котлетками – им было все равно, чем закусывать, – и Влакис продолжал: – Там, бля, так: чемпионов нет. Чемпионы в Думе заседают. А кто в броне жарится, тот всегда в ауте, понял? Попал в говно – не чирикай, понял?

– Понял,– сказал Сергеа.

– Молодец,– похвалил Паша. – Ты, главное, не выеживайся. И вперед не лезь. Назад тоже не лезь. В середине держись. Но не в куче. Один. По одному «градом» утюжить не будут. То есть первое – выжить! Понял?

– А второе?

– Выжить!
– А третье?
– Выжить! Не сдохнуть! И первое, и сто, бля, девяностое! Выпьем!
Выпили.

– Слушай, Паша, а на хрена тебе все это надо? – спросил Духарев. – Ты что, иначе не можешь деньги зарабатывать?

– Могу! – Влакис энергично кивнул. – Не, не могу! Не в смысле бабок! По фиг, дым! Это, блин... Короче, Серый, живем раз, понял! И жить надо остро! С кайфом! Чтобы впереди все горело, а сзади, то есть позади, – все рыдало! А ты идешь, блин, остро! В кайф! Потому что живой, бля! Потому что вокруг все дымится и кишки на проволоке, но не ты горишь, и кишки – не твои, понял! А ты живой! Ты, бля, сидишь в чужом говнище по яйца, и все у тебя трясется, как у психа, а ты, бля, сигаретку шмалишь – и такой кайф, понял! Не, Серый, ты не поймешь! Короче, выпьем!

Как ни странно, но Серега понял. Не то чтобы въехал, но башкой уразумел. И выводы сделал. Свои. Нет, кайфа от сидения в говне или от чужих кишок на колючке он ловить не научился. Но принцип понял. Будешь страдать: как же это я так залетел? Как же это: меня – и убить хотят? Угодил в болото – не хлопай крыльями. Но и клювом не щелкай. Тогда выберешься. И грязь отмоешь. И если пуля не в башке застряла, а только по затылку чиркнула, то это тоже пруха. Но еще лучше башку под пули вовсе не подставлять. Все же человек, а не змей Горыныч. Одна она у человека, башка-то!

Почему Сереге приснился Паша Влакис, которого он и не видел с тех пор ни разу? Кто ж это знает? Но проснулся Серега до петухов. Сна не было.

Серега вышел во двор, постоял, поглядел на белые игольчатые звезды, подышал чистым воздухом. Двор, забор, за забором – чужой странный город. За городом – река. На реке рыба плещет и лягушки квакают. Река – настоящая, это точно. Да и город, наверное, тоже настоящий. Наверное...

Серега медленно пересек двор, открыл калитку. За калиткой не было ничего. Пустая тьма...

Серега постоял немного, держась за столб, затем осторожно закрыл калитку, повернулся и пошел в дом.

Досыпать.

Глава двадцать первая, из которой можно кое-что узнать о сексуальных традициях Нового Торжка

Серега взял у Мыша холстину и вытер взмокшую грудь. Зрители понемногу расходились. Те, кто ставил на Духарева, толпились вокруг Чифани. Таких было много: Серега стал признанным лидером. Против него закладывались только пришлые да еще такие, кто надеялся за грош получить гривну.

Круглощекая босоногая бабенка в кике ⁴ с «рожками» протянула ему кувшинчик с квасом. Серега опростал его в три глотка.

– Спасибо, родная!

Бабенка загадочно улыбнулась, взяла его за руку и потянула за собой. Серега противиться не стал: ему было любопытно.

Любознательность Духарева была удовлетворена очень скоро. Бабенка увлекла его в какой-то сарайчик, сняла головной убор, под которым оказалась белая коса толщиной почти с Серегино запястье. Бабенка нежно улыбнулась и завалилась на спину, на сено, задирая юбки. Моды на нижнее белье в Торжке не водилось.

– А голову мне не отрубят? – осведомился Духарев.

⁴ Головной убор замужней женщины.

– Дурачок! – Бабенка облизнулась.– Все видели, как я те испить дала! Ну давай же, давай!

Сергеа поглядел на раскинутые округлые ножки с грязными пятками, подумал: наверное, не стоит...

«Стоит, стоит! – не согласился Серегин организм.– Еще как стоит!»

Бабенка расшнуровала лиф, чтобы Духарев мог убедиться, что и сверху у нее тоже кругло, бело и аппетитно.

Процесс снятия штанов никогда не занимал у Сереге много времени.

– Ах! – воскликнула сочная блондиночка, увидав алые плавки.

– Ох! – выдохнула бабенка, когда он эти плавки снял.

Дальнейшее протекало в молчании, если не считать длинного глухого стона, испущенного инициативной красоткой, когда Серега проскочил первый этап дистанции.

Стоило ему привстать, как красавица проворно вышуршалась из-под него, сладенько потянулась, подтерлась подолом и принялась зашнуровываться.

– Эй! – удивился Серега.– Ты что, спешишь?

– А чего? – в свою очередь удивилась пышечка.

– А повторить?

Блондиночка нахмурила лобик, потом сообразила, расплылась в улыбке, снова расшнуровала лиф и завалилась на спинку.

– Нет уж,– заявил Серега.– Вариант: банкир-секретарша мы уже отработали. Давай теперь подойдем к делу ответственно.

Бабенка явно ничего не поняла, но, когда Серега взялся извлекать ее из одежек, противиться не стала. Одежду Духарев аккуратно разложил на соломе, чтоб не так колко было, хотя на этой самой одежде было столько плохо обработанного металла, что на подстилку она годилась с большой натяжкой. На шейке у блондиночки обнаружились аж три шнурка и тяжелая серебряная гривна. Гривну Сереге удалось снять, а при попытке освободить ее от прочих украшений: стилизованного медного петушка, мешочка с неизвестным содержимым и золотого полумесяца с мизинец длиной – бабенка выразила бурный протест. Серега настаивать не стал, разложил милку на рабочем месте и принялся обрабатывать по всем правилам.

Блондиночка сначала похихикивала, но очень скоро хихиканье сменилось вздохами, постаныванием и прочими более подходящими процессу звуками. Несмотря на явную новизну ощущений, нежная красотка завелась быстро и круто и активно попыталась перейти к основной части шоу. Но Духарев торопить события не позволил и приступил к кульминации, только когда гладкокожая любительница приятных ощущений начала рычать и повизгивать. Но и в финальной фазе Серега любил разнообразие, а потому когда, после дюжины описанных классиками эротической литературы позиций, он наконец совершил то, ради чего природа и наделила мужчин и женщин сексуальностью, блондиночка совершенно охрипла.

Духарев, впрочем, тоже изрядно устал, повалился на солому и подумал, что было бы совсем недурно выкурить сигаретку. Вообще-то Серега не курил, но была у него невинная привычка: потрахавшись, выпить бутылочку светлого пивка и подымить стрельнутой у подружки какой-нибудь «кэмэл-лайт».

Пока Духарев мечтал, блондиночка немного оклемалась и принялась со всей тщательностью вылизывать ему живот... и ниже. Причем именно вылизывать, а не... нечто большее. Серега не протестовал. В конце концов, он заслужил.

Одевала его блондиночка тоже собственноручно. Красные плавки попыталась заначить, но Серега не позволил. Где он другие возьмет?

Расставались они очень мило. Красотка, густо краснея, потупившись и с разными нежными словами типа «мой бычок», Духарев – сдержанно, поглаживая мягкую спинку.

Смущение красотки закончилось, когда она отперла дверь сарайчика и обнаружила добрую дюжину малолеток, не успевших отлипнуть от щелей в стенках.

«А я-то решил, что она выдохлась»,— подумал Серега, не без восхищения наблюдая, как бабенка, взбивая пыль, размахивая подвернувшейся хворостиной, мчится за улепетывающей со всех ног любознательной молодежью.

«Делу время, потехе час»,— подумал Духарев и отправился разыскивать Мыша, чтобы предложить названному братцу пообедать.

По пути Серега вспомнил о Сладе, о том, что городок маленький и велика вероятность, что о Серегиных «подвигах» могут рассказать и Мышовой сестренке. Почему-то от этой мысли замечательное настроение у Духарева стало чуточку менее замечательным.

Глава двадцать вторая, в которой подтверждается старое правило: если дела идут хорошо – жди неприятностей, если дела идут очень хорошо – жди больших неприятностей

Лафа кончилась. В город вернулся Скольд.

От Чифани примчался заполошенный пацаненок.

«Княжий наместник зовет!»

Пошли.

Чифаня, один, без Сычка, ждал у Детинцовых врат.

– Что стряслось? – спросил Духарев.

– Посыл ко мне прибежал от Скольда,– мрачно сообщил Чифаня.– Желает, мол, наместник, чтоб явились пред его очи устроители неподобающих игрищ.

– И что теперь? – глуповато спросил Серега.

– Поглядим,– буркнул Чифаня, отводя глаза.– Может, и обойдется...

«Боится,– подумал Серега.– Мог бы сказать: во что ты меня втянул? Не скажет. Гордый».

Деревянные стены Детинца уже примелькались Духареву, стали такими же знакомыми, как месяц назад – площадь перед метро «Балтийская». А вот внутри он с того, первого, раза больше не бывал.

Ворота, так же как и в тот раз, были приотворены. Их никто не охранял, в отличие от городских. Понятно почему. Большой вражеский отряд незаметно не подберется, а малого Скольдовой дружине бояться стыдно.

Ворота не охранялись, но на крылечке сидел незнакомый гридень: зрелый мужик с обвязанной серебряной нитью косой. Раз с косой – значит, с юга. Северяне кос не плели, а варяги и вовсе стриглись коротко, чтоб шлем носить сподручнее да живность всякая не заводилась.

– Кто такие? – не потрудившись встать, спросил гридень.

Друзья назвались.

Гридень кивнул, поднялся, свистнул.

Появился отрок. Молодой. Лет шестнадцати, но уже опоясанный мечом.

– Этих двоих – к батьке,– распорядился гридень. И Мышу: – А ты куда? За тебя никто не говорил.

– Я – с ними! – пискнул было Мыш, но гридень поймал его за шкирку.– Сказано – стой! А вы че ждете? Пинка под зад?

Серега удержался от того, чтобы выразить свое мнение о Скольдовом воине вслух. И так ясно, что подарков им дарить не станут. И не стоит прямо с порога нарываться на скандал. Тем более что оперативность, с которой княжий наместник осуществлял наказание виновных, Духарев видел собственными глазами.

Отрок, в отличие от южанина, Чифане был знаком. Поэтому он рискнул спросить:

– Сам – как?

– Увидишь! – посулил отрок.

По его физиономии чувствовалось: приятного зрелища Чифане ждать не стоит.

Увидев, куда их привели, Чифаня, судя по всему, окончательно пал духом.

Длинный зал, хорошо освещенный, с высоченными стрельчатыми окнами. Свежий ветерок невозбранно гулял по обширному помещению. Летом это было приятно, а зимой, наверное, не очень.

«О чем я думаю! – одернул себя Духарев. – Да нас, похоже, сейчас судить будут!»

Собравшиеся в зале действительно напоминали трибунал.

Скольд, князев наместник, в блестящей броне, восседающий на высоком кресле. По правую руку от него – аскетического вида старик с гладкой белой бородой, увешанный всякими фенечками и прибамбасами, с посохом, в колоритной шапке с желтыми оленьими рогами – тяжелый, должно быть, головной уборчик. Дед – наверняка жрец кого-то из местных богов. Скорее всего, Волоха. По левую руку от Скольда расположился городской старшина, тоже дедушка, заслуженный, из «гостей». «Гостями» же здесь называли купцов, что ходили дальше прочих. В Царьград, например. Очень важный дедушка и очень сердитый. Серега не ко времени вспомнил, как слышал от Мыша: дедушка этот трижды, через домочадцев, ставил на проигравших и влетел, вероятно, на приличные бабки.

«Надо было ему презент сделать!» – подумал Серега, но эта мысль явно припозднилась. Поздно пить боржом, когда почки отвалились.

Среди прочих важных персон Духарев углядел знакомого огнищанина, старшину деревянных дел мастеров (этот глядел с сочувствием) и... старого приятеля Горазда.

– Слыхал я, – начал наместник, – затеяли вы люд честной обирать по ромейскому обычаю?

– Почему по ромейскому? – удивился Духарев.

– Молчи! – прошипел Чифаня.

Наместник вроде и не услышал реплики.

– Людей обирать да в игры играть, что лишь в священных местах да во славу великих прашуров играть положено, – продолжал Скольд. – А дело это худое и большую беду кличет. Признаете вину свою?

– Да, – тихо проговорил Чифаня.

– Нет! – громогласно заявил Сергей.

– Чужак, он и есть чужак! – фыркнул Горазд. – Его это умысел! И богов отчих наших он хулил...

– Это как же, интересно, я их хулил? – возмутился Духарев столь явным поклепом.

– Да всеми деяниями своими непотребными! – усмехнулся Горазд.

– В огонь кошуна! – грохнул посохом длиннородый.

Ни хрена себе! Он что, всерьез?

Серега покосился на Чифаню. Тот стоял бледный и несчастный.

– Кто еще слово молвит? – грозно спросил Скольд.

– Я! – произнес старейшина плотников.

Серега глянул на него с надеждой. Напрасно.

– Чужаку – смерть, – сухо сказал старейшина. – А за Любимова внука я так скажу. Соблазнил его чужак, потому негоже убивать парня. И Любима обидим: то ж родич его. Наказать нужно. Дюжину плетей дать – и ладно.

– Дюжину? – скривился городской старшина.

– Да не сдюжит он боле! – настаивал «деревянный» мастер. – Вишь – хлипкий! К работе родовичей не годный. Потому и к дурному пристал.

– Верно, – поддержал плотника огнищанин, которого Серега пару раз видел на Любимовом подворье. – Дюжины хватит. А чужака Перуну отдать!

– Пускай, – согласился городской старшина. – Но хищенное обкраденным возвернуть следует.

– Сначала – вира князю! – строго произнес Скольд.

«Да это же они наше имущество делят!» – сообразил Серега.

– Чужака Перуну отдать не годится! – возразил Горазд. – Он – не добыча воинская и не рода нашего. Чужак, я слышал, белому богу поклоняется. Так? – Он обращался не к

Духареву, а к Чифане.

– Так, – упавшим голосом подтвердил тот.

– Вот! Сей дар не утолит Перуна, а осквернит! – объявил Горазд.

– Огонь все очистит! – бухнул посохом фенькастый жрец. – В огонь кошуна!

«Ах ты пердун рогатый!» – подумал Серега. Поглядел на окна. Выскочить можно... Если стрела не догонит. А если не догонит – то дальше что? Куда бежать? И к кому? И где гарантия, что эти не решат на Мыше со Сладой отыграться? За родича.

– Что Перуну угодно – мне решать, волох! – осадил дедушку Скольд. – Говори дальше, Горазд.

– Я вскорости в Киев на лодьях побегу, – сказал купец. – Чужака возьму и вместе с прочей челядью продам. Они за своих единоверцев добрый выкуп дают. А не дадут – так продам, но это вряд ли. Ихний он. Там в те же игры играют. Остах, ты к ромеям ходил: правду я говорю?

– Правду, – неохотно согласился городской старшина.

– А я говорю – в огонь кошуна! Иль кровь ему на священном месте отворить! – закричал жрец, вскакивая. – Накличешь беду, воин!

– Может, себе его возьмешь? – спокойно спросил Скольд.

– Мой господин крови не радуется. – Дед тут же успокоился и сел на место.

– Это мы знаем, – сказал один из княжких воев. – Твой господин иное любит, да мы слышали, чужак и в этом не промах.

Присутствующие заухмылялись. Напряжение в зале чуточку спало.

Серега, который все это время лихорадочно думал, как вывернуться из ситуации, кажется, отыскал лазейку.

«Была не была! – подумал он. – Терять мне нечего. Сожгут, зарежут или в рабство продадут. Хрен редьки не слаще!»

– А можно мне сказать? – крикнул он.

– Твоя вина установлена! – отрезал Скольд.

– А я не о моей вине говорить хочу!

– О чьей же?

– О твоей! – дерзко бросил Духарев.

В зале на несколько мгновений стало совсем тихо.

– Что ты сказал? – грозно сдвинув брови, осведомился наместник.

– Ты слышал! – с вызовом заявил Сергей. – Дашь мне говорить или как?

И как в их первую встречу, уловил в глазах воина нечто вроде одобрения: любил Скольд отвагу.

Горазд шевельнулся, порываясь что-то сказать, но не рискнул.

– Говори! – сурово произнес наместник.

– Помнишь ли ты, грозный в битве любимец великого Перуна, как я к тебе пришел однажды проситься в гридни? – спросил Серега.

«Грозный в битве» и прочее пришло ему на ум только потому, что он понятия не имел, как следует обращаться к военному вождю. А уж про Перуна он ввернул, чтобы опровергнуть Гораздово обвинение в богохульстве.

– Помню, – кивнул наместник, не догадываясь, куда клонит Духарев. – Только какой из тебя гридень! Смех один!

– А что ты мне сказал, бесстрашный сеятель вражьих погостов, помнишь?

– Ну речет! – вполголоса произнес один из княжких воев другому. – Чистый нурман!

– Что я тебе сказал? – нахмурился Скольд, пытаясь вспомнить, что он такое наговорил чужаку. Нет, не вспомнить. Только ему и дел, что разговоры свои со всякими бродягами запоминать!

– А сказал ты мне так, гроза недобрых гостей... – Духарев сделал торжественную паузу: – «Иди-ка ты лучше на торгу народ веселить!» Не помнишь?

– А-а-а... – Лоб Скольда разгладился: он тоже вспомнил. – Да, я так сказал.

– И от слов своих не отказываешься?
– Я от своих слов не отрекаюсь, чужак! – Наместник снова грозно сдвинул брови. – Дальше говори, если есть что сказать.
– А я все сказал, – Серега изобразил крайнюю наивность. – Ты велел – я и пошел. На торг. Народ веселить.
Купец Горазд задрал бородищу и стукнул себя по колену: до него дошло.
До Скольда дошло мгновением позже, а Серега тем же невинным голосом продолжал:
– Вот я и веселил, как умел. А что кому-то не шибко весело было, так и это нормально. Веселых-то все равно больше. Можно хоть у народа спросить?
– Выходит, это я тебе велел непотребные игрища затевать? – осведомился Скольд.
– Выходит, ты, – ответил на чисто риторический вопрос Серега. – А уж если я что не так сделал – моя вина, это признаю! И виру заплачу, какую скажешь, без базара, то есть сколько назначишь – столько и заплачу!
Он очень надеялся, что сумма не окажется запредельной.
В зале повисла напряженная тишина. Серега гордо выпрямился. Собственная логика показалась ему безупречной. И не ему одному.
– Заплатишь, – грозно произнес наместник. – И немало. А теперь ступай отсюда! – Скольд наклонил голову, но Духареву показалось, что губы Скольда, спрятанные густыми усами, кривятся в улыбке. Нет, классный мужик этот Скольд!
– Выдр, убери его с глаз моих! – бросил наместник.
– Ступай! – отрок подтолкнул Серегу. – Слыхал, чего велено?
А виру наместник назначил, точно, немалую. Ободрал как липку. Чифане еще и у деда занять пришлось. Вот такие дела.

Глава двадцать третья, в которой друзья строят планы на будущее

В общем, бизнесмен из Сереги не вышел. Ни там, ни здесь.
Кучка резаного серебра, пара-тройка заморских монет, одежда да нож в дареном чехле.
Вечером, как обычно, друзья собрались на постоялом дворе.
– Эх-хо! – горевал Чифаня. – Скоро ж летние Дажьбоговы празднества! Народу съедется – тьма.
– Брось, – махнул рукой Мыш. – На празднике княжьи гридни биться будут да волохи чудеса чудесничать. Куда уж нам!
– Не скажи, Мышка! – возражал Чифаня. – На воев заклад не поставишь, а мы...
– Сычок, а как ты, новгородец, к Любиму в закупы угодил? – спросил Духарев.
– Как, как... Обычно! – Сычок отхлебнул меду, закусил румяным крендельком. – Подрядился купчине одному служить. Приехали сюда, расторговались. Я долю свою взял... Ну и погулял маленько... До заморозков. Че делать? Пошел к Любиму и проданся. А Любим меня к Чифане приставил. Грит, внук у него умом востр, да телом слаб. Гляди, чтоб не обидели. Ну я и гляжу.
– По своим не скучаешь? – спросил Духарев. Он знал, как трепетно местный люд относится к родичам.
– Скучаю, как не скучать, – согласился Сычок.
– А по дому?
– А че по нем скучать? – удивился Сычок. – Я – пятый сын. Век буду под старшими ходить да спину гнуть со света до ночи. Вот кабы меня Любим к чанам приставил – может, и скучал бы, что не на свою кровь тружусь. А так... Мне моя жисть нравится!
– А дальше – что? – не унимался Духарев. – Теперь, когда Скольд нам на торгу бороться запретил, что теперь делать станешь?
– То пусть Чифаня думает! – отмахнулся Сычок. – Он умный. Небось уже и надумал чего-нибудь.
Сычок оказался прав. Чифаня надумал. Податься из городка. Сразу после Дажьбоговых

празднеств. Конь у них есть. Повозку, с верхом, он уже на своем подворье присмотрел. Ломаную, но починить можно. Если отправиться, пока дороги сухие, на прокорм да зимовку заработать можно. Скоморохи ж зарабатывают. Если Мыш с Серегой захотят – пускай присоединяются.

– Хотим! – тут же заявил Мыш.

– А Слада как же? – спросил Духарев.

– Так мы ж вернемся! – сказал он. – Побродяжничаем малость, а к урожаю – домой. Так, Чифаня?

– Можно и так. Поглядим, – солидно ответил Любимов внук.

– Это дело верное! – с энтузиазмом произнес Мыш. – Всяко лучше, чем с Шубкой на Черные Мхи идти!

Серёга вышел во двор, по надобности, заодно поглядел на небо. Солнышко уже спряталось.

Вернувшись под крышу, он быстренько дохлебал пиво и встал.

– Счастливо, братки, я вас покидаю! – сообщил он. – У меня тут дельце одно.

– Знаем, знаем! Дельце с тельцем! Гы-гы-гы! – сострил Сычок.

Шутка, впрочем, была не его – Чифанина. Но Чифаня пошутил однажды, а Сычок уже раз десять.

Серёга вернулся домой с первой звездой. Мыш был уже дома. После того как княжий наместник «закрыл» их «фирму», кореша не оставались за столом до полночи.

Брат и сестра сидели в дворике. Мыш – просто так, а Слада плела лечебный браслетик из собачьей шерсти. Темнота ей не мешала.

– Как потетешкался? – с ухмылочкой осведомился Мыш.

Серёга пихнул его в бок: болтай меньше.

Духарев еще не сделал Сладе официального, так сказать, предложения. И его отношения с юной девушкой были совершенно целомудренны: они даже не поцеловались ни разу. И все-таки...

– Мыш говорит: вы на заработки собрались? – спросила Слада.

– Есть такая идея, – без особой охоты подтвердил Духарев. – После ваших праздников.

– Это не наши праздники! – строго и важно поправила Слада. – Это буйство еллинское, дикое, христианам неподобающее.

– Ха! – воскликнул Мыш. – Это ромеям нельзя, а нам можно! Ты сама как, будешь травы в Сварожью ночь собирать?

– Так то травы, – смутилась Слада. – Про травы в книге ничего не написано.

– В какой книге? – заинтересовался Духарев.

– Мудрого святого Прокопия всеобщем лечебнике, – ответила Слада и повторила то же самое по-гречески, чего Серёга, разумеется, не понял.

– У тебя есть эта книга?

– Нет, – огорченно ответила Слада. – Мы ее продали. Но я наизусть все помню, так что это ничего. А про травы там ничего не сказано. Зато про жертвы кровавые да игры похотливые – сказано: великий грех. А пастыря, чтоб исповедовал да прощение от Господа Христа даровал, – нет.

– А я слышал: в Киеве храм Господень строить будут! – вмешался Мыш. – Князь дозволяет.

– А сам князь – не христианин? – заинтересовался Духарев.

– Да ты че! – воскликнул Мыш. – Князь же воевода, первый Перунов жрец! Как ему христианином быть можно?

– А гридню можно?

– Среди княжьих варягов, из тех, что ромеям служили, многие – истинной веры! – вмешалась Слада.

– Значит, гридню можно! – сделал вывод Мыш. – Да тебе что, Серёгей? Ты ж гриднем не будешь?

– Это почему? – слегка обиделся Духарев, который еще не оставил надежды примкнуть к воинскому сословию.

– Потому. А вот я мог бы, кабы меня Скольд в детские взял. Будь батька наш – из дружины, он бы меня точно взял. А ты, Серегей, уже не годишься. Старый. Поздно тебе ратному делу учиться. А я бы...

– Пошли спать! – решительно заявила Слада. – Мне до свету вставать. И тебя, Мыш, тоже подниму. Пойдешь репу полоть.

– Ну... – протянул Мыш, которому такая перспектива радости не доставила.

До сих пор он отлынивал от сельскохозяйственных работ под предлогом занятости. Но после запрета «тотализатора» оправдываться стало нечем.

Серегу тоже с утра ждала работа. Такая же неквалифицированная, как прополка. Чифаня «подписал» его и Сычка на строительные работы. Плотник из Духарева был никакой, зато спина здоровая, а бревна таскать можно и без специальной квалификации.

Глава двадцать четвертая Канун Дажьбогова праздника

– А кто найдет папоротников цвет, тому все тайное откроется: клады, схоронки, дива лесные. А сам он невидим станет для людей и духов и даже самой Морены-Смерти... – Мыш закатил глаза и всей своей веснушчатой мордашкой изобразил ужас и восхищение. – А цветет он, папоротник то есть, единожды в тыщу лет и токо одну ночь. Такую, как седнишня.

Мыш и Серега сидели на берегу Сулейки с удочками. А в соседней роще вовсю кипела подготовка к празднику. Практически все население Малого Торжка, исключая разве младенцев да совсем ветхих старцев, готовилось к трехсуточному непрерывному веселью.

За три дня до этого Скольд собрал всех вольных мужчин, способных носить оружие, и увел вместе с дружиной на Перунов холм.

Духарева, как иноверца, не пригласили, чем он был, честно говоря, огорчен. Перуновы игры почитались тайными, сокрытыми от женщин и чужих. Вообще по старине полагалось, что каждый род творит их самостоятельно от прочих. Но в последнее время эта традиция претерпела изменения. Хотя бы потому, что первый воин Торжка и, следовательно, первый Перунов жрец был пришлым варягом, а не коренным кривичем. По Перуновой Правде любой мог оспорить право Скольда, скрестив с варягом оружие пред его, Перуна, идолом. Кровь проигравшего считалась жертвенной, но ни один из торжковских исконных родовичей, даже совсем глупый и самонадеянный, не был самонадеян и глуп настолько, чтобы не знать совершенно точно, чьей именно кровью вымажут после поединка усы и губы идола. Только среди Скольдовых гридней были достойные противники князьему наместнику. Но гридень никогда не пойдет против «батьки».

В общем, пришлый варяг Скольд успешно насаждал принятую на юге традицию: за несколько дней до Дажьбоговых празднеств устраивал для будущего возможного ополчения военные сборы. Поселяне-кривичи относились к этому «новшеству» с большим неодобрением, поскольку предпочли бы вместо этого работать на своих полях. Вероятность же нападения врагов в полоцком княжестве была существенно ниже, чем на киевских землях, где до Великого Поля – рукой подать. Но «район» здешний был «промышленный», а не сельскохозяйственный, и Скольд мог не прислушиваться к недовольному ворчанию огнищан.

Зато к нему прислушивался Духарев и поэтому был неплохо осведомлен о том, что происходит на «тайных Перуновых Играх». Однако ж пойти к наместнику и попросить разрешения присоединиться к местным «партизанам»⁵ не рискнул. Потому что именно этого требовал волох на князем суде. А Скольд вполне мог внять просьбе христианина и взять его с собой... вместо одного из пяти рабов, которых назначили в жертву языческому

⁵ «Партизаны» – отслужившие, призванные на военные сборы (совр. жаргон).

богу. К роли же великомученика Духарев пока не считал себя готовым.

Перьевой поплавок заплесал, и Серега проворно подсек и вытащил из воды рыбешку с мизинец длиной.

Мыш издевательски захихикал.

Серега отцепил малька и выкинул обратно.

– Это не рыбалка, а позор один, – сказал он. – Пошли лучше туда! – Он махнул в сторону рощи.

– Иди, – отозвался Мыш. И добавил завистливо: – Тебе можно! Тебе Сладка ничего не сделает. А мне за еллински забавы голову оторвет.

– И ночью тоже будешь дома сидеть? – спросил Духарев.

– Не, ночью Слада уйдет травы собирать, я и сбегу. Буду папоротников цвет искать! – Мыш оживился. – Я уж и овражек один присмотрел! А то айда со мной! А то че я один, что ли, бессмертным стану?

– Спасибо, я лучше в другой раз. Ты лучше со мной каким-нибудь кладом поделишься, – Серега изо всех сил старался не улыбаться.

– Ну, ясное дело, поделюсь, – деловито ответил Мыш. – Токо сначала надо дом поправить, крышу перестелить. А еще я лодью купить хочу. Ты как, Серегей, не против? Купим лодью, будем гостями к ромеям плавать. Годится?

– Отличная идея, – согласился Духарев. – Удочку тебе оставить?

– Оставь.

В рощу Духарев не пошел, а пошел он в город. Ворота были открыты, более того, воин-привратник, обычно располагавшийся поблизости, на сей раз отсутствовал. И сам городок опустел. Непривычно голые рыночные ряды, безлюдные тротуары, улочки, отданные в безраздельное пользование свиньям и курам.

Серега миновал лавку гончарного старшины Жердяя. Двери в лавке – нараспашку, внутри – никого. Заходи и бери, что нравится. Но в Торжке воров не водилось. Почему-то. Точнее, Серега никогда не слышал о том, чтобы кого-то наказывали за воровство. В городе. За пределами городских стен тебя могли обобрать запросто. Сумеешь доказать, что ограбили, и указать обидчика: с него взыщут по полной программе: украденное, моральную компенсацию, штраф в пользу князя... Еще и спину плетью отрихтуют. Так что молодцы типа встреченного Серегой в первый здешний день Перши Лебеды в городе не показывались. В лесу же, если разбойнички особо не зарывались и не свирепствовали, их не трогали. Серега подозревал: Скольдовым ребятишкам попросту лень шариться по здешним болотам. Захотели бы – нашли.

На соседнем дворе опять лаялись. Жили там два женатых брата-близнеца. Бондари. Пришлые с юга. Жены у обоих – тоже как близнецы: толстые, рыжие и горластые. Но люди хорошие.

Серега распахнул калитку, подумал: надо бы собаку завести. Как-то это неправильно: двор без собаки.

Духарев подошел к колодцу, вытянул ведро, попил. Подумал немного, стянул рубаху и опростал ведро на голову. К луже тут же сбежались куры: купаться.

Слада была дома. Натягивала веревочки в сарае: для трав.

– День добрый, Серегей!

Духарев поморгал, привыкая к сумраку после яркого солнца.

Слада спрыгнула с лесенки, потащила ее к противоположной стене. Конец бечевки она держала в зубах.

– погоди! – Серега присел на корточки. – Становись мне на плечи.

Слада подумала немного, скинула башмачки и вскарабкалась на предложенную «подставку». Серега медленно выпрямился.

– Как там наверху? – поинтересовался он.

– Хорошо!

С вестибулярным аппаратом у девочки явно все в порядке.

– Привязала! – крикнула она сверху, и Серега плавно двинулся к противоположной стене, придерживая Сладу за лодыжки, чувствуя мышцами, как она балансирует, удерживая равновесие.

– Нравится?

– Ага!

Сереге тоже нравилось ощущать, как упираются в плечи эти смуглые маленькие ножки, нравилось чувствовать тяжесть... Хотя какая там тяжесть! Килограммов сорок пять от силы.

В сарае вкусно пахло сеном.

– Все! – звонко крикнула Слада. – Ой! – Серега присел слишком резко, девушка потеряла равновесие, но Духарев ее не уронил. Его ладони скользнули по ногам девушки, он обнял ее бедра, удержал...

М-да. Несколько смущенный, Духарев поставил ее на землю. Нижнее белье здесь еще не придумали.

Слада поглядела на него снизу, запрокинув голову. Кажется, она рассердилась.

– Ты нарочно, да? – выкрикнула она.

– Вообще-то нет, – Серега усмехнулся. Сердитая, она нравилась ему ничуть не меньше. – А даже если и нарочно, что с того?

– А то, что я тебе не эти... К которым ты бегаешь! Которые только и думают... Я...

Серега присел на корточки. Теперь уже он смотрел на нее снизу вверх.

– Я тебе... – по инерции повторила Слада.

– А я знаю, – спокойно и серьезно произнес Духарев.

Он подхватил ее на руки, отнес в угол, под окошко, где было сложено прошлогоднее сено, посадил на вязанки.

– Ничего ты не знаешь! – заявила Слада. – Ты думаешь, отец наш был – просто лекарь, да?

– Мне не важно, кто был твой отец. – Сережа взял ее ножку – меньше его ладони – поцеловал, щекоча усами. – Мне важно, что ты – моя царевна!

Слада молчала, но не пыталась освободиться.

Сергей ласкал ее ножки, целовал светлые, почти не загоревшие коленки.

– Ты – самая лучшая! Самая красивая!

Он заглянул ей в глаза.

– Ты правда так думаешь? – прошептала Слада.

– Да!

– А все говорят, что я уродка. Черная, тощая...

– Они дураки!

– Папа тоже говорил, что я красивая... Больше никто.

– И я.

– И ты. Ты тоже красивый. Только очень большой. И странный. К тебе привыкнуть надо.

– Ты привыкнешь.

– Да. Ты не думай, что я сержусь на тебя из-за этих... К которым ты вечерами ходишь...

– Знаешь, малышка, мужчине иногда надо...

– Знаю, – Слада оттолкнула его руку, соскочила вниз, развязала шнурок, на котором держались Серегины штаны...

Духарев настолько опешил от неожиданности, что с полминуты стоял столбом.

– Эй! – наконец воскликнул Сергей, пораженный ее уверенными действиями. – Эй! Кто это тебя научил?

От его окрика Слада вздрогнула, быстро убрала руки, даже спрятала их за спину.

– Это нельзя, да? – девушка глядела на него испуганными огромными глазами.

Наверное, что-то такое отразилось на физиономии Духарева, потому что Слада вдруг попятилась и остановилась, только упершись спиной в стену.

– Прости меня, Серегей, – прошептала она. – Я не знала...
Духарев увидел, как щеки ее покрываются румянцем.
Испуганная, совершенно невинная мордашка.
Серега подтянул штаны.
– Разве я сказал: нельзя, – негромко произнес он. – Я спросил: кто тебя научил?
– Шорох, – Слада опустила глаза.
Однако!
– Что еще за Шорох?
– Я за ним ходила, – чуть слышно проговорила девушка. – Он в отроках у Скольда был, потом к купцам нанялся, а тех нурманы побили. Шороху руки и ноги посекли да на дороге бросили. Его купцы витебские подобрали и домой привезли. Я за ним ходила, раны у него плохо заживали, особенно шуйцы ⁶ культяшка.
– А что с ним теперь? – зачем-то спросил Духарев.
– Умер. От огневицы. Три лета тому.
– Да... – только и сказал Серега.
Мог ли он осуждать калеку за то, что тот использовал малолетку для того, что в УК РСФСР квалифицировано как развратные действия?
Да какие, на хрен, развратные действия! Духарев представил себя без рук, без ног...
Серега шагнул вперед, осторожно опустил ладони на хрупкие плечи.
«Что за ночь! – подумал он. – Что это будет за ночь – после такого дня! А-а! Гори все синим пламенем!»
– Сладка! – сказал он. – Выходи за меня замуж!

Глава двадцать пятая Плохая ночь

Это было круто! Они бились на кургане, при свете костров, высоких – в человеческий рост. Голые по пояс, босые, без шлемов, без щитов, зато у каждого – по два меча. Лучшие клинки Скольда: Мороз, Ольдар, Жорх и Полич, южанин, скрутивший косу в узел, чтоб не мешала.

Это было круто! Курган над рекой. Внизу – безмолвная толпа, а наверху – огромный, как Ростральная колонна, черный идол на фоне неба. И высокое пламя, ровно рвущееся вверх, а между его языками – красные быстрые блестящие тела и еще более быстрые и блистающие – клинки.

Треск пламени, чистый звон металла, шелест рвущегося воздуха, глухие удары ног – по утопанной земле. Запах дыма, людей, воды и земли. Открытые рты, тяжелое дыхание...

Кто-то из бьющихся закричал тонко и пронзительно:

– И-и-и!..

Пламя взметнулось выше.

Общая дрожь прошла по толпе. Волна жара.

Серега обнял прижавшихся к нему Мыша и Сладу, почувствовал, как их колотит. Вдохнул медленно и еще медленнее выдохнул. Дикое возбуждение сотен людей, скованное, не находящее выхода, физически осязаемое... Толпа, балансирующая на грани безумия...

Духарев изо всех сил старался обособиться. Не чувствовать, а наблюдать. Следить за поединщиками наверху, изучать их технику... Уму непостижимо, как эти парни ухитряются не развалить друг друга пополам! Это походило на дикую пляску... или на показательные выступления. Но каждый прыжок лишь на миг опережал шелестящий полет клинка.

В стоячем ночном воздухе плыл запах сотен человеческих напряженных тел.

Серега выдохнул через стиснутые зубы. Он наконец понял, чего хочет. Быть там, на кургане, над рекой, над людьми, между жарких, пожирающих сучья костров. Чтобы волнами

⁶ Шуйца – левая рука.

прокатывалась по телу Сила и трепетал отблеск пламени на острое клинка и на блестящей от пота коже...

Такое острое, нестерпимое желание невозможного...

Сергея так сжал челюсти, что слезы навернулись на глаза.

– Сергей... – Прохладная ладонь Славы легла на его запястье. – Давай уйдем, Сергей.

– Уйдем, – согласился Духарев и стал протискиваться назад. Впрочем, они стояли с самого края. – Мыш?

– Я остаюсь! – заявил его малолетний побратим.

И полез на дерево, где уже сидели несколько мальчишек. Сергей и Слава пошли по тропе вдоль реки. Звуки языческого праздника остались позади, постепенно затихли. Лишь однажды над рекой прозвенел высокий пронзительный крик. Слава перекрестилась и забормотала молитву. Сергею тоже стало как-то неприятно. Он вдруг осознал, что это не его ночь и не его праздник.

– Давай искупаемся? – предложил он.

Слава быстро замотала головой и даже сошла с тропы, словно он собирался столкнуть ее в речку.

– Тогда я сам, – Духарев дернул завязки рубахи. Темная теплая вода, подсвеченная луной, манила его... Как женщина.

– Нет! – Слава вцепилась ему в руку.

– Да что с тобой? – воскликнул Сергей, не деля, впрочем, попытки освободиться. – Вспотел я! Сполоснуться хочу!

Нет, вовсе не поэтому Духареву так хотелось в воду, но Сергей намеренно назвал самую обыденную причину.

– Нет! – Слава изо всех силенок тянула его прочь от берега. – Сейчас нельзя, Сергей! Там... Опасно!

– Ладно, ладно... – Духарев позволил увлечь себя подальше от реки. Когда ее уже нельзя было разглядеть между стволами, Слава немного успокоилась, остановилась. Сергей уселся на пенек, притянул ее к себе, попытался заглянуть в лицо девушки. Не смог. Он вообще-то отлично видел ночью, но в лесу было намного темнее, чем у реки. Лунный свет не проникал сквозь плотные кроны.

– Что ты дрожишь, Славушка? – прошептал он.

– Плохая ночь...

– Что ты! – Сергей, преодолев слабое сопротивление девушки, усадил ее на колени. – Чудная ночь! Сладкая, как ты!

Притянув ее к себе, маленькую, горячую, трепещущую, как испуганная птичка, он целовал ее губы, щеки, глаза, жилку на тонкой шейке...

– Сергей, не надо, не надо... – шептала девушка, отталкивая его руки, отворачивая лицо.

– Славушка, Слава... Хорошая моя... Ну что ты боишься? Я же люблю тебя, глупышка...

Сергей поставил ее на ноги, встал на колени, развязал тесемки юбки...

Слава больше не протестовала, перебирала пальчиками его отросшие волосы...

Бедра у нее были узкие, как у девочки-подростка, а талия такая тоненькая, что двумя пальцами можно обхватить.

Расстегнутый Сергеев пояс тяжело упал на землю.

Крохотные сосочки, как ягодки, отвердели под его языком. Мягко-мягко Сергей опустил девушку на траву...

Внезапно расслабленные ее руки с силой уперлись Сергею в грудь.

Духарев мгновенно остановился. Нет, не потому, что не смог бы преодолеть сопротивление, а потому, что сразу почувствовал, что это уже не то «нет», которое означает – «да». Как всякий опытный мужчина, он умел улавливать эту разницу и никогда, даже

совсем пьяный, не преступал границы между настойчивостью и насилием.

– Сереге-ей! – голос девушки сорвался. В нем был настоящий страх.

Духарев мгновенно развернулся, увидел темную широкую, как капот грузовика, фигуру, нависшую над ними...

Рука автоматически нащупала пояс, нащупала рукоять ножа.

– Что надо? – хрипло произнес Духарев.

Поза, на корточках, не выглядела угрожающей, но из нее он мог атаковать так же стремительно, как из любой высокой стойки.

– Мне... Ее...

Голос был гулкий, как из бочки. Страшный.

Темная фигура качнулась вперед.

Духарев распрямился пружиной, врезал с левой в пах...

И за миг до того, как костяшки его пальцев соприкоснулись с врагом, осознал, что бьет не туда. Потому что в сложении противника была чудовищная неправильность. Потому что, будучи раза в полтора шире Духарева и длиною торса ничуть Сереге не уступая, враг был значительно ниже ростом.

Кулак Духарева врезался в живот противника. Ощущение было такое, слово Серега ударил в макивару. А враг даже не покачнулся. Духарев уловил движение снизу, к горлу, отклонился назад... Недостаточно. Невероятно длинная клешня все равно достала его. Духарев успел прижать подбородок к груди, уберечь горло. Шершавые пальцы ударили его в подбородок, обхватили... и сомкнулись на шее!

Инстинктивный ужас пробился сквозь панцирь холодного бойцовского опыта. Но не ослабил, а просто отпустил тормоза. Мощно, от бедра, Серега ударил правой, ножом – в непробиваемый живот и ощутил, как клинок, преодолевая сопротивление, погружается в плотное тело. Клещи на шее ослабли, Духарев невероятным усилием, одновременно разворачиваясь, привычно уходя от возможного удара в пах, выдернул нож и – раз-два – полоснул изнутри по длинным ручищам, вывернулся, отпрыгнул вбок, ни на секунду не забывая, что за спиной у него – Слада.

Приземистая туша врага медленно разворачивалась к нему. Духарев замер в низкой стойке, высоко держа нож, уравнивая дыхание... Дыхание... Серега слышал себя, слышал, как неровно, нервно дышит Слада... Его враг не дышал!

Блин! Только сейчас Духарев осознал, что запаха крови он тоже не чувствует. А ведь брюхо у врага пробито, а из располосованных вен кровь должна так и хлестать!

Слада что-то проговорила по-гречески. Громко и отчетливо. Ее светлокожая фигурка как будто светила в темноте.

Тварь так же неторопливо повернулась к ней.

Серега таращился во мрак, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, кроме неясного силуэта.

Силуэт сместился, шагнул к Сладе. Это движение привело Духарева в такую ярость, что он, не думая, ринулся вперед. Прыжок, мощный ки-ай ⁷, короткий полет... И промах.

Серега промахнулся, приземлился, заскользил по траве, удерживая равновесие... А враг уже убегал, громко топоча, с хрустом ломая кустарник. Всего несколько секунд – и топот и хруст растворились в ночной тишине.

Духарев потрогал лезвие ножа. Сухое. Не слабо.

Серега, переводя дыхание, подошел к Сладе. Отвел ладошки, которыми она зажала уши.

– Ты права, маленькая, – сказал он. – Это плохая ночь. Давай одеваться, детка. Кстати, кто это был?

– Нежить, – чуть слышно проговорила Слада. – Пойдем домой, Серегей, хорошо?

⁷ Ки-ай – мощный крик, выплеск силы, который сопровождает удар.

– О чем речь,– напряжение понемногу отпускало Духарева, уходило, сменяясь радостным чувством победы.– Нет, ты слышала, как он ломанул?– со смешком спросил Духарев.

– Он крика испугался... – проговорила Слада, обматывая и завязывая юбку.– Ты так кричал... Как волох!

– Я могу,– самодовольно заявил Духарев.

Внутри него шевельнулась мыслишка, что все могло кончиться совсем скверно...

Но не кончилось же! И Серега прогнал зазорную мыслишку прочь. Но выводы сделал.

«Дурак ты, Дух! – сказал он сам себе.– Разомлел, как будто в каком-нибудь Репине за пансионатом на лужайке. А здесь, блин, медведи по лесам гуляют, и такие вот йети, и еще черт-те что! Хорошо хоть, дурак, Сладку послушался – купаться не полез. А то оторвал бы яйца какой-нибудь местный водяной!»

И опять прихлынуло неприятное чувство, что он здесь – чужой. И совсем не так крут, как хочет казаться. И в понятиях местных не разбирается, и вообще...

«Ничего,– успокоил он себя.– Какие наши годы! Прорвемся!»

Он застегнул пояс, и они пошли обратно. Сначала – к реке, потом по тропке вдоль берега.

На кургане догорали костры. С его верхушки сорвалось огненное колесо, покатилося вниз, подпрыгивая, разбрасывая искры. Рядом с колесом прыгали и верещали крохотные человечьи фигурки. Колесо сорвалось с берега и ухнуло в реку. Фигурки с плеском и смехом посыпались следом. Эти совсем не боялись. Наверное, для них это была хорошая ночь. Замечательная!

Курган они обогнули стороной. И священную рощу, где стояли идолы, тоже обошли по краю. Пару раз на них выбегали голые веселые люди с факелами, кричали что-то жизнерадостно и исчезали между деревьями. Каждый раз Слада крестилась и бормотала молитву. Ей было страшно.

Обойдя рощу, они снова спустились к берегу и у самой воды наткнулись на огромный шевелящийся ком из переплетенных мужских и женских тел. Серега приостановился, но Слада решительно потянула его прочь.

В городе не было никого. Даже собак.

В молчании Серега и Слада поднялись вверх, к дому. У калитки Слада отпустила Серегину руку, отошла в сторону и присела над канавкой. Серега тоже сделал пару шагов и развязал гашник. С точки зрения отправления надобностей, здешняя женская одежда была удобнее, чем мужская.

Спать пошли не в дом, а на сеновал.

Сладина головка уютно лежала на Серегиной руке.

– Слад, слушай... А как Мыш? Его никто не обидит?

– Нет,– сонно ответила девушка.– Он – с мальчишками.

– Ничего себе защита! – Серега вспомнил, как сдавили шею клешни урода.

– Их пращурь оберегут,– пробормотала Слада.– А Мыш – с ними. Спи, Серегей, спи...

Глава двадцать шестая, в которой Серега Духарев изготавливает страшное оружие, перенятое японскими ниндзя у китайцев, а теми – у дикарей Суматры, или – наоборот, но очень скоро убеждается, что, к сожалению, в существующих условиях оно оказывается не более эффективным, чем ТТ без патронов

Трубка получилась хоть куда. Серега тщательно удалил перегородки, отполировал стебель изнутри. Стрелку изготовил из стальной иглы, насаженной на деревянный цилиндрок. Цилиндрок для плотности обмотал шерстяной ниткой. Набрал воздуха, прицелился... Бум! Прямо в точку!

После получасовой практики Серега наловчился попадать в мишень сантиметрового

диаметра с расстояния в двадцать шагов четыре раза из пяти. Очень довольный, отправился на поиски Мыша. Похвастаться.

Мыша он нашел в лавке. Слада припахала его растирать какие-то зернышки. Сама она занималась изготовлением «бактерицидного лейкопластыря по-малоторжковски»: натирала мазью льняные лоскутки и развешивала внутри кожаной коробки, чтобы уберечь от мух.

Увидев Серегу, Мыш оживился и отложил ступку.

– Это у тебя чего?

Духарев показал: всадил три стрелки в донышко деревянной тарелки.

– Дай попробовать! – потребовал Мыш.

Попробовал.

– Мыш, ты что, закончил? – поинтересовалась Слада.

Ее брат погрустнел, вернул трубку.

– Чифаня был, – сообщил он. – Сказал: через три дня уходим. Слышь, Серегей... – Он опять оживился, отложил ступку. – А давай во Фришоп пойдем!

– Куда?!

– Во Фришоп, – деловито повторил Мыш. – Ну, где ты твои эти, красные, купил.

– Хорошая у тебя память, – усмехнулся Духарев. – Только ничего не выйдет. Нет больше фришопа.

– Пожгли, что ли? Кто?

– Таможенники.

– Не слыхал. Должно быть, далеко отсель?

– Ох далеко! – Серега подмигнул. – Сладушка, а скажи мне, у тебя яда какого-нибудь быстрогодействующего нет?

– Зачем тебе?

– А вот для этого, – Серега показал на стрелку. – Чтобы попал – и наповал.

– Нет.

Серегина идея Сладе явно пришлась не по душе.

– Я слыхал, меряне ядом стрелы мажут! – сообщил Мыш.

– А какое-нибудь снотворное? – не отставал Духарев. – Быстродействующее?

– Снотворное? Сонное зелье, что ли? – Слада задумалась, но додумать не успела, потому что в лавку заглянул мужичок в шитой красным рубахе.

Физиономия – как блин. Мерянин. Легок на помине.

– Девка-знахарка тут? – поинтересовался он.

– А тебе чего? – спросил Мыш. – И сам – кто будешь?

– Дык на Пнищах кабан огнищанина погрыз, – сказал мужик. – Я закуп евойный. – Глянул на Сладу: – Ты, что ль, знахарка будешь?

– Я, – кивнула Слада.

– Пойдешь? Иль мне до волохов идтить?

– Сильно погрыз? – деловито спросила Слада.

– Жилу порвал. Пойдешь?

– Пойду, – сказала Слада.

– Ну тады бывай.

– Эй! – крикнул Мыш. – А не проводишь?

– На что? – махнул мужичок. – Дойдет. Ить, дорога утоптана.

– Пускай идет, – сказал Духарев. – Я провожу. Далеко эти Пнищи?

– Да не, – ответил Мыш. – Шесть верст от развилки. Идите. А я в лавке посижу. Трубу мне свою оставишь?

– Оставлю, – Серега поднялся.

Слада быстро собрала свою лекарскую суму.

– Огнищанин – эт добре! – заметил Мыш. – Кун десять даст. А то и целую гривну.

Тут он был прав: огнищанин – не простой пахарь. Для Слады такое приглашение – удача. Ну не все же ей чирьи лечить!

Глава двадцать седьмая, в которой спокойная полоса в жизни Сереги Духарева заканчивается большими неприятностями

До развилки дошли быстро. Слада молчала, обдумывала, должно быть, будущую работу. Серега тоже был болтать не настроен. Шагаль, по сторонам поглядывал.

Идти было легко. Теплый ветер обдувал лицо и шею. Воздух был так вкусен и легок, что от этой чистой легкости просто летать хотелось.

Последние дни погода была замечательная. Солнышко светило вовсю. Надо полагать, Дажьбог остался доволен своими почитателями.

Утомленный трехсуточной праздничной каруселью, весь Малый Торжок лежал в лежку. И гости города, и его постоянные обитатели. Слада и Духарев были, вероятно, единственными взрослыми жителями городка, способными к прямохождению после Дажьбоговых игрищ. В лавку то и дело прибегала посланная старшими ребятня: за укрепляющими снадобьями. Трехдневное отсутствие покупателей окупилось сторицей. Впрочем, и эти, праздничные, дни «семейство» Сереги не бездельничало. С раннего утра Слада с Мышом отправлялись в лес. На заготовки. Но возвращались всегда до темноты. Сереге же нашлось мужское дело. Косить и возить сено для коз. Телегу и лошадь дали соседи. Лошадь, преклонных лет гнедая кобыла, в управлении оказалась проста, как трамвай. Нагрузил телегу, скомандовал: «Домой!» – и ложись на сено да спи. Через час проснешься у соседских ворот.

В общем, Серега мог бы сказать, что жизнь его наладилась. Правда, он мог бы назвать такую жизнь скучноватой. Если бы не Слада.

Сбоку от дороги лежало сломанное ветром дерево. На стволе сидел мужчина. Лица не разглядеть, но и издали видно, как блестит на солнце начищенная броня. Духарев не сбавил шага, только быстро глянул на Сладу и встретил ее вопросительный взгляд. Девушка тоже заметила мужчину и ждала, какое решение примет Духарев.

Серега решил продолжать путь. Через полсотни шагов он разглядел, что мужчина – не один. На обочине, на корточках, сидели двое. А еще через сотню шагов Серега признал сидевшего: Горазд.

Нехорошее чувство шевельнулось внутри, но Духарев не хотел выглядеть трусом. Ни в глазах купца, ни тем более в глазах Слады. Наверное, это было глупо.

– Здорово, чужак, – Горазд поднялся, заступая дорогу. – Далеко собрался?

По обе стороны от него встали двое бойцов. Тоже в бронях, но вместо боевого оружия – дубинки. Морды у обоих деловито-сосредоточенные.

Серега быстро оглянулся. Так и есть: сзади выступили из чащи еще четверо.

«Уважают», – без особой гордости подумал Духарев.

Он уже понял, что сделал глупость.

Наклонившись к Сладиному ушку, шепнул:

– Скажу «назад» – беги в город. Поняла?

«Только бы не спорила!»

Но девушка была не так воспитана, чтобы спорить с мужчиной, старшим. Она просто кивнула.

– Здорово, купец, – Духарев шагнул вперед, отметив боковым зрением, как поползли следом тени тех, кто позади.

Солнце светило Сереге в спину, и это было хорошо.

– Ну, говори, что надо, – буркнул Духарев.

Горазд не отступил.

– Больно ты дерзок, чужак, – спокойно сказал он. – Но я тя обломаю. Берите его. И девку тож.

– Ах ты козел сраный! – зарычал Духарев, бросившись вперед. Молодцы по бокам Горазда вскинули дубинки, а те, что сзади, бросились к Сереге... Но это был лишь обманный

маневр.

Духарев стремительно развернулся, приседая... и один из нападавших, подшибленный, полетел на обочину, второго Серега подсек под колено, и тот плюхнулся на задницу. Двое других быстро затормозили и завертели дубинками...

– А ну назад! – заревел Духарев во всю мочь. У него на поясе висел кинжал, но поначалу Серега о нем просто забыл.

Слада сорвалась с места и помчалась по дороге. Один из нападавших бросился было за ней, но его остановил окрик Горазда.

Двое сбитых Духаревым с ног поднялись. Один прихрамывал, второй потирал ягодицы. Серега подхватил оброненную одним из них дубинку.

– Драться хочешь? – почти мирно спросил Горазд. – Ну, давай драться. Дай-ка мне... – Он забрал дубинку у одного из своих. – Ну? Дерись!

Серега, которому терять было нечего, широко размахнулся и нацелился подшибить купцу голень, поскольку бить по голове, прикрытой шлемом, или по защищенному железом туловищу Духарев полагал бессмысленным.

Дубинка свистнула. Горазд поймал ее своей на полпути – и оружие едва не вырвалось из Серегиной ладони. Тут же последовал ответный удар, Серега отшатнулся – и конец Гораздовой дубинки свистнул в сантиметре от Серегиной груди. А купец тут же прыгнул вверх, едва не угодив Духареву в пах. Серега успел выбросить вниз ладонь. Больно, однако!

Горазд, с виду неповоротливый, оказался куда как проворен. Дубинка так и свистела. Серега уже и не пробовал размахивать собственной. И за кинжал хвататься тоже не рисковал. Вдруг противник решит пустить в ход меч? Короткий клинок играет против длинного только в умелых руках. То есть не в Серегиных. Поэтому Духарев просто прижал палку к предплечью, чтобы в крайнем случае можно было поставить блок, не рискуя сломать руку. Но в основном Серега не отбивал, а уклонялся. Через две минуты он уже дышал, как паровоз, схлопотал один раз по бедру, другой раз по ребрам и, больше всего, по голени при неудачной попытке лягнуть противника в пах. Этого Духареву было достаточно, чтобы понять: ловить нечего. Надо делать ноги. Оставалось только надеяться, что за это время Слада успела отбежать подальше.

– Хватай! – крикнул Духарев и метнул свою дубинку в лицо Горазду.

А сам повернулся, отшвырнул плечом зазевавшегося парня и припустил со всех ног.

Горазд смахнул брошенную палку небрежным движением собственной и сделал знак одному из своих. Тот перехватил дубинку наподобие копья, откинулся назад – и с силой метнул вслед Духареву.

Удар пришелся в левую лопатку и швырнул Серегу на дорогу. Духарев не воткнулся физиономией в твердую землю только потому, что успел, на рефлекс, выбросить вперед руки. Оглушенный, он тем не менее ухитрился довольно быстро вскочить на ноги, получил еще один удар, по шее, затем под колено – и свалился опять. На него тут же навалились, растянули, сунули жердь в рукава рубахи, прикрутили Серегины руки к палке, спутали ноги, затем подхватили и привели в вертикальное положение. Процесс «стреноживания» занял меньше минуты. Чувствовалось, у ребят хорошая практика.

– Так-то, чужак! – Горазд похлопал Серегу по животу. – Это те не на кулачках биться!

Сказано было без малейшего гнева, просто с удовлетворением от хорошо выполненной работы.

Глава двадцать восьмая, в которой выясняется, что прилежный холоп ложится спать сытым

– Я тя ромеям продам, – говорит Горазд.

Купец сидит на краю телеги, свесив ноги. Броню он снял, кожаную поддевку и рубаху тоже. Жарища! Солнце палит вовсю. Душный болотный дух: справа – заболоченный берег озера, слева – лиственный лес. Старый.

Горазд почесывает грудь. Тупые ногти скрипят по жесткому волосу. Сложение у купца богатырское. На животе, правда, порядочный слой сала, но плечи и руки – сплошные переплетения мышц и жил. Пожалуй, на чемпионате по армреслингу у Горазда были бы серьезные шансы на победу.

– Ромеи таких любят. Здоровых. Будешь в ихнем цирке бороться.

– Не буду! – мрачно заявляет Серега.

Руки его связаны за спиной, на ногах – веревка полуметровой длины. Нормального шага не сделать, приходится семенить. И семенить быстро, поскольку еще одна веревка одним концом привязана к телеге, а другим – к Серегиной шее. Отстанешь или споткнешься – и потащит по дороге волоком. Петля не затяжная, но приятного мало. Серега уже попробовал. Конечно, его подняли, поставили на ноги, но не сразу. Дали, так сказать, ощутить все прелести кандидата в висельники. Спина болит, нога болит, бок... И пить хочется. Серега облизывает сухие губы...

– Будешь, – говорит Горазд. – Ты упрямый, но не дурак. Тебе же лучше. А то посадят на галеру – там и сдохнешь. Или в рудники. А так, может, и выкупишься. Тем боле ты с ромеями одному богу кланяешься. Слушай, что я говорю, чужак, и не спорь. Я тебе добра желаю.

Добряк нашелся!

– Пожалел волк кобылу, – бурчит Духарев. – Пошел ты!

– Напрасно серчаешь, – возражает купец. – Какое мне уважение от богов будет, если со мной всякий чужак да пришлый, навроде булгарова отродья, прекословить начнет? Тебя продам, да и булгарят тож продам. За девку степняки гривен пять дать могут. – Купец говорил неторопливо, рассудительно. – Пять, а то и поболее, поелику девка в болячках людских понимает. А что чернява да худа, так у них свои бабы такие ж.

Серега угрюмо молчал.

– Мы – кривичи, – разглагольствовал Горазд. – Это наша земля от прашуров. А всякие там варяги, меряни да древляни здесь корню не имеют.

– Ты это Скольду скажи, – проворчал Духарев. – Или этому, который в Полоцке. Роговолду.

Горазд пожал плечами.

– Князь Игорь со своей русью придет да уйдет, – заявил он. – А Роговолд полоцкий вообще из-за моря пришел, да тож как пришел, так и уйдет. А мы, кривичи, всегда будем.

Серега вступать в дискуссии по национальному вопросу не стал. У него были более насущные проблемы: водички бы попить. Да отлить. Да смыться, если получится.

На следующий день Духарев решил: надо менять тактику. Если за ним будут приглядывать так же качественно, как этой ночью, ни за что ему не удрать. Поэтому весь следующий день он демонстрировал упадок духа, с Гораздом больше не спорил, а к вечеру стал даже и поддакивать. И немедленно получил послабление: утром с его ног сняли веревки. Хотя, может быть, дело было не в поведении Духарева, а в том, что Горазд решил поспешить. В этот день Серега отшагал в общей сложности километров сорок. А к вечеру караван из четырех телег, шести всадников, одного разговорчивого купца и одного неразговорчивого кандидата в галерники выехал на речной берег. Река была настоящая, не чета Сулейке. Гораздов поезд уже поджидали. В песчаной бухточке стояли два суденышка, каждое – метров по пятнадцать в длину. Гораздовы лоды.

Серегу развязали и заставили перетаскивать груз с подвод на корабли. Духарев упрямиться не стал, работал усердно, не отставая от Гораздовых парней. Попытки удрать он тоже не сделал, поскольку место было открытое, а на удобном бугорочке разместился наблюдатель, в руках у которого имелся лук, а тул со стрелами был расстегнут. Духарев совсем недавно имел возможность убедиться, что такой вот стрелок способен снять бегущего зайца. Серега же был намного крупнее самого крупного зайца, а бегал значительно медленнее.

Весь груз был переправлен к заходу солнца. Поужинали лепешками и жареной

олениной. В еде Духарева не ограничивали, а расщедлившийся Горазд охотно угощал Серегу пивом. Духарев заглотал литра три и даже слегка опьянел. Но сделал вид, что не слегка, а в полный рост окосел.

После ужина пустые телеги и лошадей отправили обратно в сопровождении четырех Гораздовых удальцов, остальные погрузились на корабли, отчалили от берега и встали на якорь посреди реки.

Духареву связали руки, уложили на корме и оставили в покое, решив: куда он денется посреди реки, пьяный и связанный?

Ночь выдалась безлунная, удачная ночь, одним словом. Хмель из Серegiной головы выветрился мгновенно. Да и что ему несколько литров слабенького домашнего пива?

На носу лодьи маячил силуэт караульного. Очень скоро сторож, тоже приложившийся к пиву, начал клевать носом. Но Серега не спешил. Дождался, пока совсем стемнело, встал, на корточках проследовал на корму и очень аккуратно перевалился через борт. Плеск разбудил дремавшего караульщика. Разбудил – но не обеспокоил. Подумаешь – рыба играет! А Духарев вынырнул, перевернулся на спину и тихонько поплыл к противоположному берегу. Спустя минут двадцать он выбрался на бережок, перетер веревки об острый камушек, вскарабкался наверх, оставляя, вполне сознательно, заметные следы. Стянул с себя сапоги, мокрую одежду, отжал, свернул в тючок, перевязал гашником от штанов, пропустил ремень через подвязанные рукава, приспособил на спину... А затем по кривому деревцу сполз обратно к реке, ухватился за длинную ветку и снова оказался в воде. С развязанными руками да без сапог плыть в тепленькой водичке – чистое удовольствие. Серега плыл почти час, стараясь держаться ближе к середине, где течение сильнее. Подустав, свернул к берегу, углядел темнеющую ветку и вылез из воды, не касаясь ногами песка.

Обнаружив пропажу раба, Горазд наверняка огорчится и захочет вернуть «собственность», а среди купцовых парней наверняка найдется пара-тройка хороших следопытов. Духарев вовсе не собирался облегчать им жизнь. Теперь его и с собачками не вдруг отыщешь.

Темень в лесу была абсолютная, и разумней было бы подождать рассвета, но тут на Духарева с невероятной силой наехали оголодавшие комары. Пришлось натянуть на себя мокрое и двинуться дальше. Впрочем, через некоторое время Сергей наткнулся на светлую тропку, и идти сразу стало веселее. Он даже припустил рысцой и согрелся.

Тропка оказалась так себе. Очень скоро под ногами зачавкало. Выбирая между комарами и болотом, Серега однозначно выбрал комаров, поэтому вернулся назад, вскарабкался на дерево потолще, кое-как привязался к ветке и задремал. Вокруг ухал, шуршал и звенел незнакомый лес, но Духарева это не пугало. Зверья он не боялся. Лето, жрачки у всех – от пуза. Ни один самый отморозженный хищник не станет при таком раскладе связываться с человеком. А комары... Бывало и похуже.

Мысль, пришедшая Сереге перед сном, вопреки обыкновению, была не «Как же я сюда попал?», а «Как там мои?» Чем обернется сегодняшний эпизод для Мыша со Сладой? Отважный Мыш несомненно пойдет к Скольду требовать справедливости. Но чем он докажет вину Горазда? Только показаниями Слады. А если Скольд сочтет ее свидетельство недостаточным? Тогда жалоба, по местным законам, автоматически превращается в навет, и доказать свою правоту можно только с оружием в руках: пусть боги укажут правого и сильнейшего. Именно с оружием, а не на кулачках. А кто из тех, кто по-настоящему умеет рубиться, встанет за пришлого Мыша против думного советчика Горазда?

«Только тронь их, кабан толстый, и я тебе печенку вырежу!» – посулил он мысленно купцу.

К сожалению, Серега отлично понимал: даже услышь его Горазд – вряд ли испугается. Грозить расправой купцу, который запросто нашинкует Духарева на дольки, – пустая похвальба.

«Господи! – взмолился Духарев. – Если уж Ты не дал мне прихватить с собой „калаш“, научи меня биться по-здешнему. А я уж постараюсь Тебя не подвести! Помоги, Господи, а за

базар я отвечу. Ты знаешь!»

Трудно сказать, дошла ли до Бога эта странная молитва, вознесенная в ночном лесу человеком, прикорнувшим в развилке ветвей. Но это было последнее, что думал Духарев, перед тем как уснуть.

Глава двадцать девятая, из которой можно узнать, что «свободный» – еще не значит «сытый»

Утро принесло Духареву ноющую боль в отлежанных частях организма. Его нынешняя постель была далека от идеала.

Сергеа отвязался, кряхтя, сполз на землю, облегчился и одновременно прикинул свои возможности.

Возможности были невелики. То есть примерно такие же, как в первый день его пребывания в этом прикольном мире.

Правда, у него было немного денег: кошель слуги Горазда отобрали, но потайной карман в штанах не обнаружили. Одежка у Сереги теперь – местная, значит, слово «чужак» уже не вышито большими буквами на заднем кармане его джинсов... А нацарапано маленькими буковками на лбу. Не трудно догадаться, что для здешнего люда всякий незнакомец – чужак. А следовательно – или опасность, или добыча.

Надо пробираться обратно в Торжок. Теоретически городок должен быть где-то в пределах досягаемости. Теоретически. А практически Серега даже не знал, в каком направлении двигаться. И куда, например, текла река, по которой он плыл ночью. К Торжку или наоборот? Куда идти и чем питаться по дороге – неясно. Ножа нет, спичек нет, нет карты, компаса, рыболовных крючков... В общем, ничего нет, а кушать уже хочется. И пить тоже.

Узкая тропка убегала, петляя, между деревьев. Где-то позади осталась река... И молодцы Горазда, которые, зуб давая, всюду ищут беглеца. Нет, назад идти пока не стоит.

Восходящее солнце угадывалось справа, слева энергично трудился дятел. Серега отыскал подходящую ветку, отломил, ободрал, получилась дубинка. Или посох. Теперь – в путь.

Болото он обошел. Заморил червячка черникой и сыроежками. Повстречал лису и ежика. Предпочел бы Колобка. К полудню опять наткнулся на болото. Может, то же самое. Опять перекусил черникой. Встретил гадюку. Змея, конечно, тоже еда, но Серега еще не настолько изголодался, чтобы есть гадюку. Да еще сырую. От змей, лягушек, улиток, червей и прочей экзотической пищи он пока воздержится. Сырым Духарев слопал бы, скажем, утиные яйца. Но хотя утки ему попадались, даже с крохотными утятами, ни одна из них почему-то не пригласила Серегу в гости, а сам найти гнездо он был не в состоянии.

К болоту Серега выходил еще дважды, хотя каждый раз поворачивал на сто восемьдесят градусов и кругами точно не шел, поскольку направление по общеизвестным приметам держал точно. К вечеру Духареву подфартило: он нашел скелет. Правда, без закопанного под ним клада, зато с ржавым ножом, застрявшим в позвоночнике. Неплохой удар был у убийцы: нож пробил насквозь толстый грудной позвонок и вышел на пару сантиметров наружу. Кроме ножа при покойнике имелись клочки истлевшей одежды и обгрызенная зверьими кожаная сумка. Мысленно извинившись перед усопшим, Серега раздавил позвонок каблуком и забрал нож.

Еще через час Духарев набрел на ручеек с хорошей водой и песчаным дном. Водой поужинал, а песочком вычистил найденный нож, вполне приличную штукуну с двадцатисантиметровым клинком, кое-где иззубренным, но вполне годным к эксплуатации, если подточить о камушек. Ручеек впадал в небольшое озерцо с заболоченными берегами. В озере плавали утки.

Последние светлые часы Духарев истратил на изготовление лука. Тетивой послужил шнур от штанов, которые, чтобы не спадали, пришлось завязать сбоку узлом. Стрелы Серега

изготовил из сухих тростинок, которые расщепил спереди, а в расщепах закрепил пластинки кремня. Лег спать удовлетворенный. Пустоту в желудке питала надежда на завтрашнюю охоту.

С охотой вышел облом. Глупые утки подпускали совсем близко. Серега даже два раза ухитрился попасть, но его импровизированные стрелы не причиняли птицам существенного ущерба. Так, вышибали пару перьев. Поскольку взрослые птицы оказались неуязвимы, Духарев попробовал подстрелить утят. Но те представляли собой слишком маленькие мишени для такого стрелометателя, как Серега. Раньше, чем кончился запас стрел, порвалась «тетива». Серега обругал ее нехорошими словами, связал и вернул на законное место: поддерживать штаны. А «лук» выбросил и попытался охотиться совсем по-первобытному – камнями. Вот тут его ждал успех. Духарев подбил селезня. Правда, не потому, что был очень метким, а потому, что селезень был полный дурак и, в отличие от уток, предыдущие неудачные броски игнорировал.

Оглушенного селезня Серега с немалым трудом вытащил из воды, свернул ему шею, частично ошипал и попробовал съесть. Для его зубов это оказалось крайне трудной задачей, хотя вообще-то для коренного питерца зубы у Сереги были вполне приличные. Ощущение было такое, словно жуешь подметку, армированную толстой леской. Хотя Духарев допускал, что качественная подметка все-таки жестче. Теоретически. Питаться подметками ему как-то не доводилось.

Селезневу ногу он все-таки доел. Вечером. Остальное на следующее утро пришлось выбросить: мясо стало ощутимо пованивать. Выбросить и вернуться к прежней ягодно-грибной диете.

А еще через день Серега вышел к дубу.

Часть вторая Подходящий материал для изготовления клинка

Глава первая Священный дуб и его обитатели

Дуб был невероятно огромен. Метров шесть или семь в диаметре. Мощные перекрученные корни на полметра выпирали из земли. Вместо нижних ветвей из неохватного ствола торчали обломанные сучья. С них бородами свисал серый мох.

Серега присел на корень.

«Да уж, – подумал он. – Теперь я точно заблудился».

И вдруг увидел в стволе, в буграх и желваках коры, удивительно ровную щель. Серега невольно проследил ее взглядом и обнаружил, что примерно на высоте полутора метров щель загибается на девяносто градусов. И внизу, что характерно, тоже.

Заинтригованный Духарев встал, вытащил нож и сунул его в щель.

Такого кощунства не позволил бы себе никто: ни кривич, ни мерянин, ни даже самый отмороженный клявшийся Одином нурман. Запустить железо в тело священного дуба!

Но Серега понятия не имел, что дуб – священный.

Поэтому он не только запихнул нож, но и поковырял внутри... просто так. И кусок дуба отвалился!

То есть не совсем отвалился, а откинулся вбок и повис на ремнях, обнаружив за собой пустоту.

Как поступил бы в таком случае любой абориген? Правильно! Дунул бы от сомнительного места со всех ног. Самый жадный и бесстрашный и то попятился бы: вдруг выскочит из ствола неуловимое для глаза лесное лихо и вырвет глотку? Серега о такой, вполне реальной, возможности даже не подозревал, поэтому не побежал и даже не попятился, а с большим интересом заглянул в дупло.

Сначала он не разглядел ничего, но потом...

Е-мое! Вот это апартаменты!

За толстой живой стенкой обнаружилась целая комната. Стол, стулья (вернее, чурбаки, покрытые сверху мохнатыми шкурами), полукруглый стеллаж, глиняные горшки, ларь...

На «стенах» тоже висели шкуры. Серега откинул одну, пощупал: под шкурой – сухая глина. Серега наклонился и шагнул внутрь.

Сверху сочился свет. Вроде потолок?

Потолок, да не совсем! Ничего себе! Квартирка-то многоэтажная!

Серега полез вверх по приставной лестнице.

На «втором этаже» оказалась «спальня». Здесь было уже совсем светло, потому что в стволе присутствовало «окно».

Вдоль стены – широкая лежанка. А на лежанке – живой горноста́й. Очень красивый и очень сердитый. Увидав незваного гостя, горноста́й противно заверещал.

– Да ладно тебе! – сказал ему Духарев. – Не нужна мне твоя шубка!

И заметил на полу глиняную чашку с кусочками сырого мяса.

– Твое? – спросил он горноста́я. – А хозяин где?

Зверек глядел на него черными глазами-бусинками. На вопрос, само собой, не ответил.

«Окно» было естественным. Дупло сантиметров тридцать в поперечнике. Это снаружи, внутри – шире. Тактически «окно» располагалось очень удачно: подходы к «дому» просматривались прекрасно. Учитывая толщину стен и относительную слабость местного оружия, выковырять засевшего в дубе стрелка очень непросто. Разве что огнем...

На полу лежала пыльная медвежья шкура. Метрах в трех над головой густо висели связки шкур. Горноста́евых среди них Духарев не разглядел. Еще одной примечательной деталью был повешенный над лежанкой меч. Серега снял его, вытянул из кожаных ножен узкий почти метровый клинок, отточенный с обеих сторон, но только до середины. Ближе к рукояти клинок был намеренно затуплен, а у самого эфеса украшен свирепыми зубцами. Клевая вещь.

Серега вздохнул, сунул меч в ножны и повесил на место. Во-первых, чужое, во-вторых, даже дубинкой Духареву было сподручней орудовать, чем длинным боевым клинком. Рубиться на мечах – все равно что из тяжелого револьвера навскидку бить. Это только кажется, что просто: навел да нажал на спуск. А на деле: из шести выстрелов пять – в «молоко», а шестой – в ворону на дереве. Это если в мишень стрелять. А если в вооруженного противника, так, скорее всего, и на спуск нажать не успеешь, а твои мозги уже в стенку полетят. В общем, повесил Серега дорогую вещь на прежнее место и...

– А вот это ты верно решил, – проскрипел за спиной голос. – Поворотись-ка, паря, да погляди на меня.

Духарев послушно обернулся.

Перед ним стоял совершенно седой старик, одетый, несмотря на лето, в теплую меховую одежду. На плече старика сидел горноста́й, другой, не тот, что расположился на кровати, а в руках деда наличествовал взведенный заряженный арбалет, именуемый здешним народом – самострел. И этот самый самострел был очень красноречиво направлен Сереге в живот.

– Зачем пришел, дурень? – спросил старик.

Слова он выговаривал не очень внятно: через коричневое от загара лицо пролегла страшная борозда: серый рубец от уха, голой полосой протянувшийся через бороду, к подбородку. За разорванной губой проглядывала пустота: зубов в этом месте не было. Серега скосил глаза вниз и увидел, что одной ступни у деда нет и опирается он коленом на деревянную раскоряку. Как он сумел без ноги, беззвучно, подняться наверх и застать Серегу врасплох? Уму непостижимо! Серега прикинул, сумеет ли в броске перехватить самострел. Решил: рискованно. Слишком тесно. А старик, скорей всего, только *выглядит* немощным.

Дед качнул перехваченной кожаным ремешком головой.

– Даже и не помышляй! – угадал он Серегины прикидки. – Так чего тебе надо, репка-сурепка? Зачем ко мне влез?

Наконечник, который глядел Духареву в район пупка, был двойной, зазубренный.

Такой вынуть можно только с потрохами вместе. Вынутые потроха Серега видел. Это было неприятное зрелище, хотя потроха были не его, а совсем другого человека. И все, чего хотел тот человек, – десять кубов обезболивающего в вену. Или – ножом по горлу. Только побыстрее.

Вряд ли собственные внутренности понравятся Сереге больше, чем чужие. А обезболивающего тут нет. И искусственного сердца с почками. А как работают местные хирурги, он уже видел. Строго по анекдоту.

Доктор: «Ампутация левой ноги!»

Фельдшер топориком – тюк!

Доктор: «Ампутация правой руки!»

Тюк!

Доктор: «Ампутация левой руки!»

Тюк!

«Я сказал – левой!»

Тюк!

«Я сказал – руки!»

Тюк!

Вот и у дедушки с местной медициной явно были проблемки!

– Что, язык проглотил? – сердито рявкнул ему старик. – Пошто священное место испоганил?

– Я ничего не трогал, – осторожно проговорил Духарев. Раздвоенный наконечник действовал на Серегу гипнотизирующе. – Не крал и не поганил... Дверь надо запирать! – буркнул он.

– Чего-о? – старик задрал лохматую бровь.

– А того! – Серега фыркнул и уселся на пол. Да пошел этот дед!.. Захочет стрельнуть – все равно стрельнет.

Старик не выстрелил, тоже уселся, на край лежанки. Глядел на Духарева стылыми немигающими глазами. Молчал. Горностаи у него на плече завернулись в пушистый хвост и тоже таращились на Серегу. Второй – тоже.

– Заблудился я, – сказал Духарев. – Что ж теперь, меня убивать? Ну не лесной я человек!

– Что не лесной – это я вижу. – Дед усмехнулся.

Усмешка у него была... Как у старого рваного волчары. От такой усмешки мужские семенные органы сразу хотят в животе спрятаться.

– А вот кто ты есть – не вижу. А должен бы.

– Почему? – заинтересовался Духарев.

– Потому что ведун, – ответил дед неожиданно мягко.

– Ведун – это как?

– Так! – Старик покачал головой и опустил самострел. – Грех тебя убивать, убогого! – пояснил он.

Серега не шевельнулся. Он нутром чуял: и без самострела старик смертельно опасен.

– А может, ты и не убогий, – рассуждал дед. – Морда у тебя вроде тутошняя, но токо – на простой погляд. А внутри, вовсе чужинская. То ли ты ума лишенный, то ли – духом схваченный. А может, ты сам – дух? – старик пытливо глядел на Серегу.

– Звали меня и Духом, – сказал Сергей.

Хрен знает, может, к духам дедушка более снисходителен?

– Не врешь, – констатировал старик. – Звали. Токо ты не дух. И не кромешник... А похож! – Дед мелко захихикал, и сразу стало заметно, что лет ему – не меньше шестидесяти.

– Можно я уйду? – попросил Серега. – Я тебе плохого не сделал? Твоего не взял. Я, можно сказать, твой гость!

– У-ху-ху! – развеселился старик. – Какой ты гость, репка-сурепка? А взял бы вот хоть его... – Кивок на меч. – Стал бы я с тобой лясы точить? Со злодеями у меня разговору нет. Со злодеями вот он беседует! – Старик похлопал по самострелу. – Ну-тко амулет свой покажь!

Сергея нехотя (кто его знает, как здешние ведуны к христианам относятся?) вытянул наружу крестик.

Пронесло. Хвататься за самострел дед не стал.

– Видал такие,– кивнул он.– У ромеев. Но ты не ромей, поговору слышу. И не болгарин.

– Да я вообще не отсюда! – честно признался Духарев.

– Звать тебя как?

– Сергей.

– Сергей... – Старик, первый из здешних, произнес его имя правильно, несмотря на порванный рот и отсутствие зубов.– Сергей... – будто попробовал на вкус.– Потому и ко мне влез, не испугался... – Дед не спрашивал, рассуждал сам с собой.

Старик посидел с полминуты молча, хмурясь и шевеля бровями, потом глянул своими стылыми, цвета грязного льда глазами на тоже притихшего Серёгу.

– Вот что, Сергей-Не-Отсюда, поживи-ко ты у меня!

– Да я... – замялся Духарев.

– Боишься, что ли? – задрал бровь дед.

– Боюсь! – не стал кривить душой Духарев. Что толку, если этот одноногий дедушка и так видит его насквозь?

– А вот он – нет,– усмехнулся старик, погладив горностая.

Как ни странно, но этот аргумент для Духарева оказался решающим. И он остался.

Глава вторая Что такое «ведун»

Деда звали Рёрах. Почти как знаменитого художника. Был дед – из варягов, да вдобавок ведун. Не колдун, не волох-жрец, а именно ведун. То есть умел абсолютно безошибочно определять, когда человек говорит правду, а когда лапшу на уши вешает. Одноногий детектор лжи, одним словом. Еще старик умел предугадывать чужие действия, но об этом Серёга узнал позже. Свои особые способности старик относил за счет отсутствия конечности. Идея была проста. Ежели тебе что-то оттяпали, то это что-то оказывается в «том» мире, «за кромкой», как выражался ведун. И, соответственно, бывший хозяин потерянной части тела приобретал связь с потусторонним миром и получал возможность скачивать оттуда кое-какую информацию. А поскольку в том мире все вещи выглядят в своем истинном виде, то ведун мог интуитивно отличать истину от параша. По крайней мере, так это понял Духарев. А чем он сам приглянулся ведуну, тот выложил Серёге прямо и незамысловато.

– Я б ты убил,– добродушно сообщил он,– да кто знает, чего из ты выйдет?

И пояснил:

– Ты, паря, вроде как живой, а вроде как немножко чужеватый. Мертвечинкой от тебя пахнет.

– Да я просто не мылся давно! – подавляя некоторую внутреннюю дрожь, попытался отшутиться Духарев.

– А нет! – Дедок поднял узловатый палец.– Того запаха не смоешь. Или у ты живой запах, и тады любой мертвец ты за поприще учует. Или ты – оттудова,– старик потыкал пальцем через плечо.– Тады ты всяк чуйный, ведун ли, волох, да хоть знахарь толковый завсегда узнает и, коли силы хватит, обратно за кромку спихнет, потому как неча мертвякам по белому свету шастать! – Старик решительно рубанул ладонью и продолжал: – А коли ты и живой, и мертвый, как я, к примеру, то ты и туда не загнать, и оттуда не вытянуть.

– А убить – можно? – живо заинтересовался Духарев.

– Можно,– кивнул ведун.– Меня, к примеру, ежели по вые секануть,– Рёрах похлопал по морщинистой коричневой шее,– так и помру. И ты помрешь, ежели те стрелу в печенку загнать. Да чуется мне, что по той стреле оттуда к нам такое пролезть может, что на моей культяпке не ускакать.

– Врешь ты все, дед! – не слишком вежливо заявил Духарев. Было у него стойкое ощущение, что дедок над ним попросту издевается. – Ты скажи лучше, это твой меч там, в дубе, висит или подарил кто?

– Мой, – подтвердил Рёрах, пошевелив палкой в костре. – А тебе что за дело, репка-сурепка?

– Хороший меч.

– Хороший, – согласился варяг.

– И пользоваться им ты, наверное, тоже умеешь? – О варягах Серега знал не много, но достаточно, чтобы понять: эти ребята – местная воинская элита.

– Умею, – не стал оспаривать старик. – Токо это дело прошлое.

Всем своим видом старик показывал, что обсуждать эту тему не намерен. Но Духарев так просто отступить не собирался.

– Нет, я, конечно, понимаю, что ты уже не молодой, – с напускным сочувствием проговорил он. – Сила ушла, опять же...

Варяг глядел на него с интересом, ожидая, до чего Серега может договориться. Развлекался варяг, одним словом.

– Я, конечно, понимаю, что как настоящий воин ты уже биться не можешь...

– Это почему? – поднял дед мохнатую бровь.

– Ну я ж говорю: старый, ноги нет...

«Ох я сейчас дотреплюсь! – подумал он. – Мало не покажется!»

– Ноги нет, верно, – согласился ведун. – И старый, тоже верно. – Варяг ухмыльнулся. Ухмылка не сделала его симпатичнее. – Верно, старый. Так и меч тож не новый... Ну, может, еще что хочешь сказать?

– Хочу, – признал Духарев. – Слушай, дедушка, то есть Рёрах! – поправился Духарев. – Ежели у тебя найдется немного свободного времени, ну, как-нибудь на днях... Поучи меня биться, а? Я б тебе отслужил... как-нибудь.

Ведун поглядел на него, прищурился.

Серега даже взмок от волнения.

– Вижу, – сказал варяг. – Хочешь. Да сможешь ли?

– Смогу! Смогу! – горячо произнес Духарев. – Землю рыть буду! Все, что скажешь... Ты только попробуй!

Старик задумался.

Серега ждал напряженно, не сводя с него глаз. Чувствовал: вот его шанс! Может, последний...

– Добро, – наконец произнес Рёрах. – Попробуем. Завтра.

Глава третья Проблемы обработки железа, изготовленного сыродутной плавкой

– Это жердина, – сказал дед. – Ею можно болото щупать, плот толкать, а можно и по башке дать. Потому как она, жердина, своего ума не имеет. Понятно?

– Вполне, – кивнул Духарев.

Они стояли на солнечной полянке примерно в километре от священного дуба. В руках варяга находилась упомянутая выше жердина. В руках Духарева имелась точно такая же: трехметровый упругий шест, затупленный с обоих концов.

– Тады вдарь меня! – потребовал дед.

Серега перехватил палку поудобнее, примерился и ударил, но не просто, а с вывертом. Одним концом показал, другим, снизу, хлестанул по дедову протезу.

Клац!

Деревяшка по деревяшке. Но не по протезу, а по дедовой жердине, которую варяг, не хитря, просто воткнул в землю.

– Во! – сказал он. – Можно треснуть, а можно в выгребной яме поковырять. Вроде как

ты сейчас. Ну, чего стал? Бей!

Следующие несколько минут Духарев с воодушевлением изображал ветряную мельницу, а старик – столб с большим количеством жестких выступов. И сколько Серега ни махал крыльями, натыкался он исключительно на эти выступы. Все ладони отбил, запыхался...

– Притомился? – сочувственно спросил Рёрах. – Экий ты неуклюжий, паря. Никак те до меня, старого да слабого, не достать. Совсем руки с ногами перепутал!

– Да мне эта оглобля только мешает! – в сердцах воскликнул Духарев.

– Попробуй без нее, – предложил старик.

Серега положил шест на траву. И сразу почувствовал себя увереннее. Все же он – матерый, битый рукопашник. А тут – замшелый дедушка, без ноги к тому же. Не зашибить бы только...

Серега медленно двинулся по дуге, находясь вне досягаемости дедова шеста. Мягко, уверенно, чувствуя на этот раз и дистанцию, и противника. И как только дед, поворачиваясь вслед за ним, перенес тяжесть со здоровой ноги на протез, Серега рванулся вперед, но не дуrom попер, а с полным контролем, уловил быстрое движение шеста сбоку, нырнул...

Дыхание у него восстановилось минуты через полторы.

Непонятно каким образом дедова палка поменяла направление, обогнула выброшенную в блоке руку и воткнулась Духареву в живот. Да не просто воткнулась, а поддела Серегу, оторвала его весьма увесистое тело от земли... Тому, кто никогда не повисал в воздухе, упираясь диафрагмой в затупленную, но тем не менее довольно острую и твердую палку, трудно представить всю глубину ощущений того, кто на этой палке повисал!

– Вот так оно и выходит, репка-сурепка! – Кривая тень варяга упала на Серегину побагровевшую физиономию. – А кабы я тя копьём саданул, а?

– Замаялся бы его из меня вытаскивать... – прохрипел Духарев и сел, осторожно вдыхая воздух и борясь с подступившей к горлу тошнотой.

– То верно, – в голосе Рёрах прозвучало одобрение. – Тока у меня удар, вишь, на броню поставлен. Сквозь броню дальше хребта не вошло б. Крутнул да вытащил. Поднимайся, репка-сурепка. Да дальше слушай.

Серега с кряхтением выпрямился, потер брюхо. Синяк точно будет. Да в первый раз, что ли?

– Ты, репка-сурепка, матерьял не самый поганый, – сказал дед. – Дышишь правильно, ногами землю чувствуешь, тулово держишь как надо... Ты уже не руда – крица⁸. Но ковать ты еще и ковать. А теперь слушай меня. Вот жердина. Она дурная. А зброя – умная. Зброе волю дать надобно. Слушать ее, чуют. Когда за ней тянуться, когда к себе тянуть. Оно как рука твоя, только сильнее. Ну-ка руками подвигай, помаши!

Серега послушно «подвигал» руками. В технике «вин-чун». С «тенью».

– Ай молодец! – Варяг даже засмеялся, так ему понравилось. – Молодец! А теперь гляди!

Варяг шагнул назад и завертел шестом. Кисти его так и мелькали. Но еще быстрее мелькал шест. Так быстро, что у внешнего наблюдателя, то есть Духарева, возникало полное ощущение, что это не руки крутят шест, а шест сам, совершенно самостоятельно вертится и катается по телу варяга, таская за собой его руки, которые и тянутся за ним как будто нехотя. Серега помнил, как бились на кургане Скольдовы гридни. Это было потрясюще. Но то, что Духарев видел сейчас, на самом деле было еще круче. Потому что делал это не молодой крепкий парень, а разменявший седьмой десяток дедушка. Потому что каждое движение варяга было предельно экономно. Потому что это была высшая, высочайшая школа мастерства. Серега достаточно долго и достаточно серьезно занимался боевыми

⁸ Крица – слиток «сырого» железа, выплавленный из «болотной» руды по технологии описываемого времени.

искусствами, чтобы *увидеть* именно это, а не просто безногого старика, ловко вертящего палку. В общем, Духарев въехал. И варяг въехал, что Серега въехал. И варягу это понравилось. Но...

Но дальше умственного понимания дело не пошло. Шест в руках Духарева упорно оставался «жердиной». Рёрах гонял его несколько дней. И так и эдак. И хвалил, и лупил. И давал вместо шеста настоящее копье-сулицу. Даже меч собирался дать, но в последний момент передумал, не без основания опасаясь, что косорукий ученик отрубит себе что-нибудь жизненно важное.

Серега прекрасно понимал, что от него требуется. Но объяснить это своему телу не мог. Его тело было приучено к тому, что руки свободны. Эту свободу не очень стеснял кастет или нож. Но тяжелая длинная палка кардинально меняла все. Вместо того чтобы стать «продолжением» руки, она становилась довеском, ломающим безукоризненный баланс духаревского тела. Может, Серегиным кистям и предплечьям не хватало силы, может быть, ему было не перешагнуть через барьер привычки... Короче, несколько дней упорных усилий не принесли Духареву ничего, кроме кровавых мозолей на ладонях. На ладони плевать. Огрубеют. За дело обидно!

Глава четвертая Лесная «учебка»

Пропитание Рёрах добывал охотой. Бил птицу, зверя. Из своего арбалета-самострела стрелой с широким наконечником-срезом попадал в утку за восемьдесят шагов. А из лука, тяжелого, с «рогами» из самых настоящих лакированных рогов, – и того лучше. Всаживал на одном дыхании восемь стрел в соломенную мишень шагов за сто. Сереге стрелять пока не давал. Единственное, чему научил: натягивать на лук толстую вощеную тетиву. Это оказалось не таким уж легким упражнением. Освобожденный от тетивы лук выгибался наружу, «рога» выворачивались из рук. С Духарева семь потов сошло, пока он научился хитрым приемом «укрощать» непокорный инструмент. Это Духарев, который играючи жал от груди сотку! Стрелять из лука наставник Сереге пока не позволял. Из самострела – пожалуйста. А лук ему разрешалось только держать да оттягивать тетиву к уху. Еще то развлечение, потому что тянуть приходилось так, что мышцы хрустели. Тут не то что удержать и прицелиться, натянуть и то проблемно. Рёрах, впрочем, при стрельбе натянутым лук и не держал. Выдернул стрелу из тула, наложил – отпустил, выдернул следующую. Ф-фыр-р-ф-фыр-р... Щелк! Щелк! И стрелы уже летят, чуть ли не гуськом, да не просто летят, а еще и попадают куда надо. И стрелы какие! Идеально прямые, с ровными одинаковыми перышками, вставленными под одинаковым углом, чтобы придать летящей стреле вращение, помеченные для удобства в соответствии с наконечником. А уж сам лук! Не оружие, а скрипка Страдивари! Каждый изгиб идеален, каждый узор! Отпущенная тетива гудит сочным басом. Кайф!

Серега понимал, почему варяг охотится с самострелом. Бить уток из такого чуда – все равно что на беккеровском рояле «чижика-пыжика» барабанить.

Стрелять из самострела Серега научился довольно ловко. Биатлонист все-таки. Как только наловчился угадывать превышение и правильно давать поправку на ветер, стал попадать не многим хуже дедушки варяга. И селезней больше не бил. Зубов у дедушки осталось не так уж много. Часть выбили, часть сама выпала. Перышки у уточки не такие яркие, как у самца, зато мясо нежнее.

В общем, кормил его старик доброй мужской едой – дичью. Да с травками, корешками, ягодками. Иной раз – ухой с тетеревом баловал или поросеночком с грибами. Готовил дедушка на костре так, как иная хозяйка на плите не сделает. Хотя и продукты сплошь натуральные. Никакой химии. Мясо – парное, мед – лесной, земляника – прямо с полянки. Вот только с хлебом была некоторая напряженка. Вместо хлеба дедушка время от времени замачивал в котелке сырое зерно, а через пару дней они это зерно кушали большими ложками. Ничего, под запеченного поросенка нормально всасывалось.

Короче, кормил Рёрах Серегу – от пуза. Но и гонял с утра до ночи. Учил сразу всему. Как по лесу ходить, как стрелу вырезать, чтоб наконечник не попортить, и как этот самый наконечник должен быть насажен на легкое древко. Учил ползти и по деревьям лазать. Вот уж никогда не думал Духарев, что залезть на березку – целая наука. Оказалось: да, наука. Влезть тихо и быстро, затаиться, чтобы снизу не разглядеть. Или наоборот, того, кто наверху затаился, вскарабкавшись тихонечко, тихонечко же и зарезать. Болоту учил. В краю, где болот больше, чем сухого места, – очень полезная наука. Учил огонь добыть кремнем или теркой-лучком. Это же позор, сказал варяг, в сухую погоду мужчине сырого селезня жрать. Тут же и выяснилось, что старик обнаружил Серегу значительно раньше, чем тот залез в дуб. Это как раз было дело нехитрое. Духарев наследил и нашумел как истинный горожанин. Как испуганная корова в антикварном салоне.

Единственное, чему варяг не стал учить Серегу, – плавать.

Глянул разок – и кивнул. Годится. Показал только, как из тростника дыхательную трубку делать.

В общем, обучение шло активно и разнообразно. Но система ощущалась. Очевидно, Духарев был не первым, кого старый варяг натаскивал в «жнецы полей смерти». Не первым и не десятым. И Серега честно старался. Во-первых, потому что учиться умел и любил, во-вторых, потому что очень хотелось перестать быть лохом, которого любой разбойник может в пыли вывалить. Крутым хотелось стать. Чтобы чувство собственного достоинства находилось в равновесии с возможностями это достоинство отстоять. Стараться-то Серега старался, да выходило не очень. Кое в чем он тупил. И в это «кое-что», что особенно обидно, входило самое главное: работа с оружием.

Следует признать, что Серегиному наставнику тоже была огорчительна ученикова «тупость». Но старый варяг попусту огорчаться не привык, а привык устранять причины огорчения. Радикально. Поэтому одним прекрасным утром он нацепил на конец своей деревяшки плетенный из прутьев щиток, нагрузил Серегу здоровым мешком с припасами, и они отправились в путь.

Глава пятая Сильное место

Шли три дня. В основном по болоту. Этакий марш-бросок с полной выкладкой. Рёрах впереди, шлепая привязанной к костылю плетенкой. Было непривычно видеть старика без неизменного горностая на плече. Но оба зверька остались дома. Почему остались, варяг, разумеется, Сереге не объяснил. Тот, впрочем, и не спрашивал. Время от времени старик щупал топь череном рогатины. У Сереги была точно такая же рогатина, но он нес ее на плече. Чтобы не ухнуть в трясины, ему было достаточно идти след в след варягу. Шли с восхода до заката, и быстро. Особенно если учесть «рельеф местности». На третий день у старика разболелись поясница и суставы. Пришлось устроить дневку на болотном островке. Полечиться. Лечился дед просто. Сварил какой-то травы. Поймал гадюку, нацедил из нее яду. Добавил яд в отвар. Не весь. Малость оставил для ученика. Добрая душа. Велел Сереге снять рубаху и царапнул сучком Серегину спину. «В правильных местах», как он изволил выразиться. «Продезинфицировал» царапины гадючьим ядом, садист старый! Ощущения были – в полный рост. Но никакого снисхождения к Серегиным страданиям проявлено не было. «Обработав» ученика, варяг снял рубаху, поставил солнышку густо исчерченную шрамами спину и велел втирать в нее загустевший отвар. К вечеру Рёраху стало намного лучше. А Сереге – совсем худо. Спина и руки распухли, температура прыгнула, пошли какие-то глюки на военную тему: то мертвый чечен с оскаленной черной рожей, то двое ребят из его отделения, которых в первый день накрыло гранатой... После «войны» поперло всякое говно из «прежней» жизни. Пьяные бомжи вперемешку с толстомордыми политиками, еще какие-то бляди... В редкие минуты яви, разлепив глаза, Серега видел Рёреха, полуголового, поскольку в варягову меховую одежду был завернут Духарев, совавшего в зубы Сереге чашку с горячей жидкостью. Духарев пил – и снова проваливался в бред, и в

бреду думал: может, это и есть явь? Может, он валяется в какой-нибудь питерской вонючей луже, пьяный, избитый, невменяемый, а Рёрах и весь этот древнерусский цирк – его предсмертный глюк...

А утром все прошло. То есть не «древнерусский цирк», а горячка. Проснулся Серега с вполне нормальной температурой и приличным самочувствием. Слабость, конечно, была, и спина болела, но это мелочи.

Рядышком, на войлоке, спал варяг. На его спине, в ее холмах и распадах, паслись стада комаров. Серега поломал комарам кайф, накрыв варяга курткой.

Зря. Рёрах сразу проснулся и скомандовал: развести костер и заняться завтраком.

После завтрака старик отдыхал, а Серега работал: метал топорики в сухую ольху. С одной руки, с двух, со спины, лежа... Из всех положений попадал одинаково редко. Запыхался и взмок, поскольку за топориками приходилось бегать.

Часика через два варяг позволил ему передохнуть, попить кипятку с брусничными листьями.

Спина уже почти не болела.

– Рёрах, ты зачем меня ядом травил? – решил спросить Духарев.

– Обратно пойдем – еще раз смажем, – флегматично ответил старый палач. Минуты через две добавил: – Второй раз легче будет.

– Я счастлив! – желчно отозвался Духарев. – А без первого мне еще легче было бы, кстати.

– Не легче, – покачал головой варяг. – Воин боли не боится, железа не боится, воды и земли не боится. И отравы тоже. Привыкнуть должен.

– Угу, – пробормотал Серега.

Это, выходит, ему иммунитет к яду прививали. Спасибо, что не к отрубанию головы!

Еще через три дня вышли к речке. Сварганили небольшой плотик – не для себя, для вещей, переплыли на другой берег. Сухой, что приятно. На берегу и заночевали. А утром наконец пришли к цели.

– Это сильное место, – чтобы сесть на землю, Рёрах оперся на древко сулицы. Не похоже, чтобы «сильное место» прибавило ему сил. Угонял дедушку форсированный марш-бросок.

– В каком смысле – сильное? – Духарев оглядел заросшую клевером поляну. Ничего примечательного, кроме почерневшего от времени столба, врытого в холмик метровой высоты. И столбик, и пригорок совершенно терялись в тени великолепного, не менее семи охватов, высоченного дуба. Ну, дубов и там, откуда они пришли, хватало. И потолще найти можно.

Рёрах прислонился спиной к стволу, вытянул покалеченную ногу, а здоровую поджал под себя.

– Сильное. Ты почувствуешь. Попробуй.

– Ладно, – легко согласился Духарев.

Он аккуратно положил на траву рогатину, снял обувь, вышел на середину полянки, остановился. Трава еще не просохла от росы. Солнышко грело щеку, деловито гудели шмели.

Серега согнул ноги в коленях, вытянул руки, прикрыл глаза и сосредоточил мысли в нижней половине живота.

Никаких дополнительных ощущений не возникло, но стоять было легко и приятно. Серега чувствовал, что может так простоять подольше, чем в своей комнате на Дербрах. И даже дольше, чем в зале.

Духарев медленно вдохнул носом, выдохнул еще медленнее через сжатые зубы. Длинный вдох, короткий выдох – активность, короткий вдох, длинный выдох – самопогружение. Серега «почувствовал» землю ногами. Огромный теплый шар – под собой. Упругий шар, к которому «липнут» стопы. Серега сосредоточился на этом ощущении и медленно вдохнул «из земли», представляя...

Представить он ничего не успел. Земля под ним дернулась, как живая волосатая спина, колени разогнулись, и Серега оказался вдруг лежащим на траве. Он совсем не ушибся, но встать почему-то не хотелось. Все было – в кайф. Здоровенный шмель опустил к нему на щеку, мазнул лапками и тут же взлетел.

Дребезжащее хихиканье вытолкнуло Духарева из расслабухи.

Серега мгновенно подскочил, уставился на старого вояку.

– Как ты это сделал? – сердито спросил Духарев.

– Я? – Варяг фыркнул. – Я-то при чем? Сказано же: сильное место.

– И что оно еще может? – озадаченно спросил Серега.

– Оно – не может. Оно – поможет! – отозвался Рёрах, слегка раздраженный Серегиной непонятливостью. – Ты не стой, делай чего-нибудь!

Серега спорить не стал, подхватил рогатину, завертел ею, как показывал старик. Рогатина слушалась не в пример лучше, чем обычно. Как будто ожила. Так и вертелась сама по себе, Серега ее только пальцами придерживал. Но через несколько минут это ему все равно наскучило. Хотелось самому прыгать и вертеться.

Духарев положил рогатину в траву, разбежался, выпрыгнул повыше и пробил аж три йоко, третий – с лихим «ки-ай», переполошившим птичью братию. Классно получалось. Серега попрыгал еще, пронзая и разрывая воздух мощными прыжковыми ударами. Ноги были – как на пружинках. Разбежавшись, Духарев прошелся колесом, ни с того ни с сего вдруг крутанул сальто вперед. Надо же! Никогда не получалось! Какой из него, почти двухметрового дылды, гимнаст? А ведь может! Серега попробовал крутануть сальто назад. И это вышло. И еще раз. И еще.

– Дед! – крикнул он в восторге. – А мне нравится, дед!

– Это не штука, – ехидно отозвался варяг. – Главное – чтоб ты, дурная голова, *тут* понравился!

– Это как? – не понял Серега.

– А ты подумай, – посоветовал Рёрах. – Может, и сообразишь. А пока не сообразишь, отсель не уйдешь. Хоть три дни думай, хоть все десять.

– Ну ты шутишь! – Духарев усмехнулся. – А пить-есть что я, по-твоему, буду?

– Росу попьешь, – старик ухмылялся во весь дырявый рот. – Роса от хворей шибко помогает. А оголодаешь, клевер пощиплешь. Он сладкий.

И тут до Сереги дошло, что дед не шутит, а говорит на полном серьезе.

«Соображал» Духарев аж до полудня. И после полудня. И еще полночи соображал, и от таких мыслительных усилий не на шутку утомился и уснул, где сидел: на пригорке под столбом.

А когда проснулся утречком, то спокойненько отправился к ручью: водички попить. Серега «въехал».

Глава шестая, где сначала говорится о богах и прочих высоких материях, а потом Сереге предоставляется возможность вывалиться в грязи

– Вот небо, – сказал Рёрах. – Там Перун гневный и Дажьбог светлоокий. Там Стрибог рождает ветра и дождь со снегом. Там великие воины скачут на крылатых конях.

А вот земля. В земле Мокошь живет, корни гладит. Корни питает. Женская сила – от земли. И мужская сила – от земли. Все живое живет на земле, кормится от земли, а тянется к небу. Землю и небо вода вяжет. Вода – жизнь. Через воду земля силу пьет. И отдает – тоже через воду. Земля водой от огня бережется, но огнем из земли крепость вытягивается. Вот гляди, – варяг потянул к себе рогатину. – Вот дерево, – он погладил черен, – живая крепость, легкая. А вот железко, – Рёрах щелкнул по наконечнику, отозвавшемуся тусклым звоном. – Мертвая крепость. А вместе – жизнь.

– Не понял, – проговорил Духарев. – Им же убивают.

– Что врагу смерть, то тебе жизнь,– варяг поглядел на него снисходительно, как на ребенка.– Воину нужна сила. Сила от земли. Воину нужна доблесть. Доблесть от неба. Попроси Мокошь дать силу – и она даст. Не поделишься силой с Перуном, и Перун отнимет все. Без доблести сила обратно в землю уходит. А Перун кровь любит.

– Это я уже знаю,– буркнул Духарев.

Он ничего не имел против «сильных мест», но насчет Перуна и прочих имел вполне твердое мнение. Единственное, какое следует иметь православному христианину. Даже такому плохонькому, как Духарев.

– Связанному горло перерезать – невелика доблесть,– сказал он.

Варяг захихикал.

– Молодец,– похвалил он.– Правильно понимаешь, даром что кривич с лица. Глупый человек вырезает из живого дерева мертвую рожу, мажет ей губы рабьей кровью и думает: вот я молниерукому угодил! Потому что дурак! – гаркнул Рёрах.– Доблесть – к доблести. Храбрость – к храбрости. Храбрый воин врага рушит, вражьей кровью умывается, битвой дышит – и храбрее становится. И доблесть его – Перунова пища. И Перунов дар. Это как из малого желудя могучий дуб вырастает. Но чтоб дуб вырос, земля нужна. Сила земная, от Мокоши.– Варяг помолчал минуту. Серега ждал.

– Силе я тебя научу,– наконец продолжил Рёрах.– Без силы от храбрости проку нет. Зарежут ты и не заметят, что храбр. Доблести же – не научишь. Это ты сам должен. И говорить мы о том боле не станем. Все.

– А о чем станем? – поинтересовался Серега.

– А вообще седни говорить ни о чем не станем. Иди-ка гадюку мне излови.

– Опять поясница болит? – озаботился Духарев.

– Не болит,– варяг неприятно усмехнулся.– У меня не болит. А у тебя – будет.

Несмотря на мрачный прогноз, худшие ожидания Духарева не подтвердились. Второй сеанс «иммунизации» прошел значительно легче, чем первый. Без бреда и почти без жара.

На обратном пути варяг решил научить Духарева «болоту». Система обучения у Рёреха была, как всегда, проста и эффективна. Он просто махнул рукой, указывая направление, и велел Сереге идти первым. Минуты через полторы варяг уже выуживал Духарева из трясины. Выудил.

В этот день они прошли не много. Зато Серега раз тридцать окунался в вонючую жижу.

На второй день варяг предупредил, что больше вытаскивать не будет. И нарушил обещание только один раз. Первый. И то не сразу, а когда Серегу уже по ноздри в трясину затянуло.

В этот день они прошли еще меньше.

На третий день варяг снизошел до объяснений. Суть их сводилась к тому, что иная кочка только *выглядит* кочкой. И что если опора выдерживает нажим черена, то это еще не значит, что она выдержит такую оглоблю, как Духарев...

Короче, обратно они шли не три, а полных семь дней. Причем три из этих семи дней почти непрерывно лил дождь. Зато на седьмой день Духарев уже топал довольно бойко и не провалился ни разу. Правда, с полудня они шли уже не по болоту, а по твердой, хотя и довольно мокрой земле.

Глава седьмая, в которой Серега Духарев узнает много интересного, например: почему старый варяг поселился в дубовом дупле

Вечера были самой приятной частью суток. Даже если ночью планировался не сон, а очередная тренировка, сразу после заката Рёрах и Сергей уходили на озеро, на песчаный мыс, где почти всегда дул ветерок, сносивший комаров. Серега высекал искру, разводил костер – он научился это делать в считанные минуты – жарил мясо или варил похлебку. Ужинали вчетвером: два человека и два горноста. Затем разговаривали. Вернее, старик говорил, а Духарев слушал. Иногда спрашивал – и варяг отвечал. Иногда.

Однажды к числу слушателей присоединилась русалка. То есть не то чтобы присоединилась, а выглянула из воды неподалеку. Рёрах, пользуясь воинской «азбукой для глухонемых», которую в свое время заставил вызубрить ученика, обратил Серегину внимание на «гостью», и Духарев несколько раз, исподтишка, на нее поглядывал. Разглядел, надо сказать, совсем немного; темную грудку похожих на водоросли волос, синевато-белые пятнышки глаз... Но даже это небольшое на некоторое время отвредило Духарева от ночных заплывов. Потом, правда, всезнающий Рёрах объяснил ему, что русалки боятся людей куда больше, чем люди – русалок. За исключением нескольких ночей в году. А иные водные обитатели, которых действительно следует опасаться, плевать хотели на какого-то там Серегу Духарева. Опять же никакая нежить не рискнет покуситься на человека, которому благоволят боги. Варяг, правда, уточнил, что по поводу Белого Христа, которому поклоняется Серега, ничего определенного сказать он не может, но ежели, например, человеку покровительствует тот же Волох, то ни леший, ни водяной, ни иная лесная нежить покуситься на человека не посмеет. Что же до здешнего божественного пантеона, то разобраться в нем оказалось не просто, но кое-что Духарев все-таки просек. Например, что есть – небо, а есть – Небеса. И есть свет, в частности свет солнца, которым «заведует» бог по имени Хоре. А есть Свет, с которым все более сложно, поскольку распоряжаются им коллегиально Стрибог, Дажьбог, Род и Перун. Причем первый, судя по всему, – и есть этот Свет, а последний, по мнению Рёрах, среди прочих единственный, с кем следует реально считаться, поскольку Перун-молниерукий и есть Небесный Воин, а следовательно, рангом повыше остальных. Но и с остальными ссориться не стоит. Серьезные ребята. Да и с мелкими племенными божками тоже препираться не стоит без должной причины. Особенно если пребываешь на их территории. Но это не значит, что уважающему себя воину пристало прогибаться перед каким-нибудь Радегастом. Да воину вообще прогибаться не пристало! Даже и перед самим Перуном. Не любит Перун согнутые выи. Перерубленные – другое дело!

Вообще мир, в котором жил Рёрах, а теперь, естественно, и Духарев, был густо населен всевозможными невозможными существами. К большинству из них варяг относился примерно так же, как домашняя хозяйка – к тараканам. То есть: гонять надо, но все равно обратно придут.

Серега до попадания сюда относился ко всякой мистике с обычным скептицизмом здорового неглупого мужика. Но кое-какие события, в частности тварюга, с которой он схватился в Дажьбогову ночь, существенно повлияли на его мировоззрение. К силам же, о каких толковал варяг, Серега относился практично. Примерно как к своей оставшейся в Питере потрепанной «восьмерке»: капризна, прожорлива, склонна ломаться и портить воздух, но ведь ездит же!

Короче говоря, русалки с лешими стояли в самом конце списка опасностей, угрожавших человеку в этом славном мире.

Духарев не спрашивал, как варяг потерял ногу. Он полагал, что вспоминать об этом тому не очень-то приятно. Еще Серега обратил внимание на то, что подошва уцелевшей ноги варяга покрыта сплошными рубцами. И как-то, в простоте душевной, поинтересовался, откуда они взялись. И варяг, тоже попросту, объяснил, откуда берутся такие рубцы.

Рёрах и его (!) дружина как-то взяли на щит один городок. Не здесь, далеко на Дунае. Штурм обошелся дорого, поскольку городок был крепкий. Но взяли. И добыча того стоила. Правда, десятую долю пришлось отдать киевскому князю. Тому, которого Олегом звали. Но это справедливо. Олег был сильный князь, мог и все забрать, а взял только десятую долю, а у тех, кто к нему в дружину пошел бы, вообще ничего, сказал, не возьмет. Но никто не перешел.

А когда возвращались, уже здесь, на Двине, налетел на них плесковский воевода. Тот, что нынешней киевской княжне Ольге был ближний родич, а у Олега-князя в большом почете был, и потому закон для воеводы не писан. Услыхал он, видно, что Рёрах с ватажкой большую добычу домой везут, и решил поживиться.

Рёраховских побили. Их было меньше, да каждый второй ранен, а у плесковского

воеводы в дружине – три руки нурманов. Нурманы же биться всегда горазды, а когда золотом пахнет – в особенности. Без нурманов воевода напасть бы не рискнул. Рёрехова дружина – матерая. Все в железных бронях, ромейских, в бою взятых, щиты крепкие, мечи да секиры – лучшего железа. Из пятнадцати нурманов только шесть уцелели. А плесковских – половина. А Рёреховы, кто остались, – все полегли. Зато он сам и с ним еще четверо сумели уйти на большой лодье. Вместе с добычей. Ушли-то они ушли – по ночному времени. Да понимали – не надолго. В три пары рук – двое из-за ран грести не могли – от погони лодью не уведешь. Рёрах решил так: добычу спрятать, чтоб врагу не досталась, а дружинникам разойтись на четыре стороны. Сам же он остался в лодье, повел ее под парусом вниз по Двине, потянув за собой погоню.

Рёреха, конечно, догнали. Хотел он в реку прыгнуть – в доспехах враз на дно ушел бы. Не прыгнул. Решил в бою смерть принять.

Но погибнуть с мечом в руке варягу не дали. Подошли с двух бортов, набросили сети, взяли живым. И нурманам отдали, чтоб те вызнали: где добыча спрятана? Нурманы же пытаться умеют...

Тут старик прервал рассказ для того, чтобы обратить внимание ученика на важность этого самого искусства: языки развязывать. И примерно полчаса разъяснял, как, где и чем следует жечь и резать, чтобы добиться максимального эффекта, и какие увечья наиболее результативно ломают упорство пытаемого. Особо предупредил о нежелательности нанесения ран, «несовместимых с жизнью», а равно – о необходимости наладить психологический контакт с допрашиваемым. Иной раз страх действует надежней боли. Главное же – завоевать доверие пытаемого. Измученный человек подобен ребенку, то есть склонен искать защиты и поддержки. Даже у палача. Если время позволяет, сломать можно почти любого, авторитетно заявил варяг. Даже того, кто боли не боится, а радуется. Или пытаемый все расскажет – или умом тронется.

Говорил старик с большим знанием дела, и чувствовалась за его словами богатая практика. Духарева никто не рискнул бы назвать особо чувствительным, но не один раз в течение этого занимательного урока к его горлу подступала тошнота.

После вводной лекции по палаческому делу Рёрах вернулся к собственной истории. Выяснилось, что у нурманов времени было не очень много. Кроме того, палачи были молоды и получали удовольствие от самого процесса. И наконец, последнее: опять-таки по молодости, нурманы не могли себе представить, что человек с сожженными до костей подошвами способен ходить. А Рёрах смог.

Нурманы допрашивали его посменно. Двое пытаются, остальные другими делами занимаются. Рёрах дождался ночи, он убил тех двоих, что его пытали. Причем сделал это так, что никого в лагере не побеспокоил. Правда, «работали» с варягом не в самом лагере, а на отшибе. Чтобы вопли пытаемого не мешали здоровому сну воинов.

Прикончив палачей, варяг доковылял до лагеря, зарезал часового, украл коня и ускакал, оставив плесковского воеводу с носом. У воеводы были хорошие псы-следопыты, но под утро зарядил дождь, смывший следы.

Примерно в полдень следующего дня варяг слез с коня, чтобы попить, – и потерял сознание. Когда очнулся – коня не было, и Рёрах решил, что пришло его время умирать. Ходить он уже не мог, даже ползти не мог. Лежал на берегу ручья и говорил с богами, которые подошли совсем близко. И наверно боги решили, что варягу еще рано умирать. Поэтому боги привели к Рёреху не волка, а волоха.

К этому времени душа варяга уже стояла на кромке и глядела в Ирий.

Волох вернул душу обратно. Правда, Та Сторона взяла с Рёреха выкуп. Та нога, которой варяг заступил за кромку, почернела и стала ногой мертвеца. Волох отрезал ее и отдал миру мертвых. После этого Рёрах выздоровел, а волох, который жил в священном дубе, научил варяга ведовству и ушел, оставив Рёреха хранить священное место. А перед этим сказал, что открывается это место лишь тому, кто не от сего мира. Например, такому, каким был сам Рёрах, когда умирал у ручья. Сначала старик надеялся, что Духарев – именно

таков и он сможет передать ему свою участь и уйти к людям, потому что даже мудрому трудно жить без людей. Но теперь старик видит, что Духарев – не тот, кто станет хранителем. По крайней мере – сейчас не тот. И это ему, Рёреху, весьма огорчительно.

На этой «оптимистической» ноте варяг завершил беседу, велел ученику залить костер и отправляться спать, потому что завтра его, ученика, ждет трудный день. А он, Рёрех, позаботится, чтобы этот день был не просто трудным, а *очень* трудным.

Глава восьмая О скрадывании

– Ты по траве ходишь, а не в траве, – недовольно проговорил Рёрех. – Даже я на своей култышке лучше хожу.

– Я стараюсь! – возразил Духарев. – Мне кажется, у меня уже лучше получается, разве нет?

– В скрадывании не бывает лучше, хуже, – проворчал варяг. – Вот скрадываешь ты оленька. Не услышал, не унюхал – он твой. Услыхал: шась – и нет его. И без разницы: листом ли старым ты зашуршал или в било грохнул. Олешка-то – нету! Или другой случай. Увидел тебя чудин. И шапка ему твоя понравилась. И подобрался к тебе чудин, стрелку наложил – и фыр-р! – полетела твоя смерть! – Рёрех резко взмахнул рукой. Горностаи на плече варяга недовольно зашипели. – Цыть, – сказал ему старик.

– Услыхал ты чудины, – продолжал урок Рёрех, – пропала его стрела. И сам он пропал. Не услышал: носить чуждину твою шапку. Вон в траве кто бежит? – внезапно спросил варяг.

Сергея поглядел в указанном направлении, но никакого движения не заметил. О чем и сообщил.

– Ты б еще почесался сперва, а потом башку повернул, – недовольно бросил старик. – Бурундучок это был. А была б мышка, или ящерка, или змея – я б знал, что то ящерка, мышка или змея. Хотя в траве не видно. Глаз на траву глядит, только траву и видит. А умное сердце воина видит, что под травой. Сердце слышит, когда выпь крикнула, а когда враг врагу выпьем криком знак подал. Или когда змея шуршит-ползет, а когда – чудин. Понял, репка-сурепка?

– Понять-то понял, – буркнул Духарев. – Да что толку? Вспомни, как ты меня оружие чувствовать учил. Пока на ту полянку не привел – все без толку. А понимать я тебя понимал прекрасно. Вот я иду... – Сергей сделал несколько шагов, ставя ногу, как учил варяг, стараясь не ступать, а притрагиваться к земле подошвами. На его взгляд, получалось совсем неплохо, но Рёрех скривился:

– По мертвой глине ходишь, а не по живой земле. Ох, показал бы я тебе, кабы не деревяшка моя... Хотя, погоди! Пошли!

Он прытко захромал по тропе. Духарев – следом.

Шагов через триста варяг показал: стой! На буковой ветке сидела тетерка. Рёрех осторожно снял горностаю с плеча, поднял, показал ему птицу. Затем так же осторожно опустил зверька на землю. Мохнатое длинное тельце скрылось в траве, вынырнуло у соседнего дерева. Горностаи стремительно взбежали по стволу, меховой стружкой протек по горизонтальной ветке, прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапками... Тетерка оглушительно хлопнула крыльями, сорвалась... Поздно! Комок из бьющихся перьев и шелковистого меха рухнул в траву. Рёрех не спеша двинулся к месту падения. Когда он подошел, тетерка уже не трепыхалась. Горностаи оторвали от ее горла окровавленную мордочку и победно заверещали. Хвастались.

– Ну? – спросил варяг. – Уразумел?

К сожалению, Сергей не мог ответить ему утвердительно.

Ничего, научится. Палкой, мечом и копьем он уже орудовал неплохо. Это и Рёрех признавал. И ножи кидал, и топоры, даже с обеих рук. Правда, при двойных бросках один, как правило, выходил «в молоко». Вогнать два топорика в столб так, чтобы между ними остался просвет шириной точно в ладонь, как это умел Рёрех, Сергею пока не светило.

Значит, надо тренироваться.

Вечерами у Духарева теперь был дополнительный урок: изготовление разных приспособлений для отработки силы удара. В основном, грубых щитов, ростовых и поменьше. Щит подвешивался на глубоко врытый в землю столб. Иногда варяг головешкой малевал на щите контур человека и точно указывал, в какое место должно воткнуться копьё.

Бились они и друг с другом. Серега натягивал толстую стеганую куртку и шлем, подбитый войлоком. Пользоваться щитом в поединке ему Рёрах обычно не разрешал, хотя сам всегда брал небольшой овальный щит. Впрочем, орудовать щитом, большим и малым, уводить, отражать удары, бить краем при необходимости Серега уже умел. Вообще, Рёрах Духарева хвалил: молодец, стараешься, растешь. Но в поединках со стариком Серега неизменно проигрывал. Если иногда Духареву и удавалось достать учителя, то лишь потому, что на протезе особо не попрыгаешь. А вот Сереге прыгать приходилось постоянно. А что бывает, когда человек интенсивно бегают и прыгает летним днем в зимнем прикиде?

Правильно! Семь потов с него сходит. И весь завязавшийся в сытой жизни жирок. И приобретает идеальную боевую форму.

В свое время Духарев восхитился, глянув на торс гридня, охранявшего торжковские ворота. Теперь у него самого торс был не хуже, если не лучше. И сальто крутануть он мог не только на «силовой» полянке, но и на обычной лужайке.

Тем не менее Серега понимал: до уровня настоящего воина, такого, как калека-варяг, ему еще учиться и учиться. А лето между тем уже заканчивалось.

Глава девятая Посетители

На жесткой старой шкуре были разложены рядом стрелы. Отдельно – Рёрахов лук со спущенной тетивой. Тот, что похуже.

– Натяни, – велел варяг.

Духарев упер один из концов в землю, ухватился, поднапрягся и набросил петлю. Перехватил за середину. Напряженный, лук даже стал как будто легче. Серега поднял его на вытянутой руке, зацепил тетиву, медленно оттянул к уху, чувствуя, как приятно, мощно твердеют мускулы, словно в них перетекает упругая сила лука. Напряг – подержал (тридцать медленных вдохов-выдохов) – отпустил плавно. Повторил то же, но уже с роговым кольцом на большом пальце правой и перчаткой на левой руке. Спустил тетиву, звонко щелкнувшую по толстой коже. Положил лук на шкуру. Руки не дрожали.

– Назови, – потребовал Рёрах, и Серега послушно перечислил части оружия:

– Рукоять, спинка, живот, плечи...

Наставник кивнул. Взял с рогожки одну стрелу, с граненым узким наконечником.

– Бронебойная, – тут же сказал Духарев. – Против панциря, против доспеха пластинчатого, литого...

Варяг взял следующую, длинную, почти метровую, с наконечником острым и круглым...

– Бронебойная, против кольчужного плетения! – отбарабанил Духарев. – Наконечник черешковой крепки.

– Назови.

– Черешком крепят или прочно, на клей, или мягко, чтоб при тяге за древко древко выходило, а наконечник оставался в ране. Берестой обертывают для легкости полета.

– А эта бороздка – зачем?

– Для яда. Зазубрина же служит для затруднения вымания, – Духарев повторял слово в слово, память у него была хорошая.

– Зачем?

– Чтобы кровью яд не вымыло.

Рёрах взял следующую.

– Срез, – тут же доложил Духарев. – Против бездоспешного, против зверя, против

лошади всадника, только лошадь бить – позор.

Именно так говорил варяг, и сейчас он удовлетворенно кивнул, отложил срез, стрелу с широким плоским наконечником, взял другую, двурогую, ту самую, какая была у него в самостреле, когда они с Духаревым в первый раз увидели друг друга.

– Охотничья, – сообщил Серега. – Для водоплавающей птицы...

Контрольная длилась почти час. Варяг дотошно выпрашивал каждую детальку. Почему одна стрела короче, другая длиннее. Как подобрать перья для хвостовика, какой стрелой бить и куда. Для чего иные стрелы делают со свистулькой, как сделать стрелу зажигательную и такую, чтобы горела, обозначая свой полет. Потом опять вернулись к луку. Серега спускал пустую тетиву, имитируя выстрел на дальность, выстрел бесшумный, выстрел с упреждением сильного ветра...

Наставник был удовлетворен.

– Добро, – сказал он. – Завтра возьмем стрелы, что ты сам делал. Будем учиться, как их в дело пускать. – И добавил, понизив голос: – А сейчас замри и слушай.

Серега послушно замер... И буквально в то же мгновение отчетливо услышал дыхание. Двух... нет, трех человек. Примерно в двадцати шагах от них в темноте прятались какие-то люди. Серега в изумлении уставился на варяга. Тот медленно опустил и поднял веки.

Серега подумал, что они у костра – как на ладони. Но варяг ничего не предпринимал, поэтому Духарев тоже решил от действий воздержаться.

Прошло несколько минут. Засада безмолвствовала. То есть звуки оттуда доносились: вздохи, посапывание, скрип кожи, похрустывание, как будто стоящий человек перенес тяжесть с носка на пятку. Духарев даже удивился, насколько он теперь чуткий. Чуткий-то – чуткий, а подкравшихся прохлопал.

– Ну! – неожиданно громко и резко произнес варяг. – Выходите или убирайтесь. Или этим пощупать?

В правой руке старика обнаружился метательный топорик. Собственно, как сообразил Духарев, топорик уже давно был в руке варяга, только это как-то... не афишировалось.

За кустами кашлянули, задышали чаще, потом отчетливо захрустел валежник, и на полянку выбрались точно трое: заросшие до глаз мужики в кожаных шапках, таких же штанах, с короткими охотничьими луками. Не кривичи. На меряй похожи. Встали по ту сторону костра, переминаясь с ноги на ногу. Духарев, отрабатывая выученное, держал в поле зрения всех троих сразу, фиксировал положение рук, прикидывал, как перехватить, если кто попытается схватиться за нож...

– Так пришли или дело есть? – строго спросил варяг.

– Дело, – сказал один из троих, и по его голосу Серега определил: трусит. И тут же заметил, что остальные тоже боятся, хотя изо всех сил стараются не подать виду.

– Присядьте, – негромко произнес варяг, и все трое разом опустились на землю и замерли, скрестив ноги.

– Дай им пить, – приказал варяг, и Серега подхватил котелок.

Трое, как по команде, извлекли деревянные чашки.

Духарев налил в эти чашки, довольно, кстати, грязные, остывшего травяного чайку.

И увидел, как ночные гости расслабились, глаза утратили настороженное выражение. Угостили хоть водой – значит, убивать не станут. Сразу, по крайней мере. Соображают ребятишки. Хотя на их месте Духарев от варяга в кустах таиться бы не стал. С деда сталось бы: метнул бы копьёцо в эти кусты на всякий случай, и, можно не сомневаться, кое-кому резко бы поплохело.

– Ну? – повелительно произнес варяг.

– Ты, это, ведун, верно-ть?

– Говори.

– Мы, это...

И тут другой мужик вдруг быстро залопотал на языке, которого Духарев не понимал. Остальные шумно запротестовали. На том же языке.

– Цыть! – рявкнул Рёрах грозно, и дискуссия прекратилась.

– Говорить будешь ты, репка-сурепка! – Варяг ткнул пальцем в первого. – А ты, Сергей, возьми дубинку: ежели кто еще рот откроет – хряпни по макушке. Ну, слушаю!

– Князь к нам приходил. Игорь киевский. Дань брал. Шкурки брал, воск. Мы дали.

– Дали и дали, – кивнул Рёрах. – Он – князь.

– Дык мы ж Новгороду даем! – воскликнул бородач.

– Так не давали бы.

– Да как же не дать? – удивился бородач. – У киевлян щиты крепки, мечи остры! Побьют!

– Так новгородским скажите.

– Сказали ж!

– И что же?

– Бают: не давайте. У вас, бают, кусты густы, луки туги, стрелки остры, ядом мазаны. Бейте, гряд, киевлян, как белок бьете.

– Ну и бейте.

– Дык боязно.

– Тогда дайте.

– Мы ж новгородским даем.

– Так не давайте.

«Какой разнообразный и содержательный разговор получается», – подумал Духарев.

– Дык побьют.

– Ну, ну... – Варяг повернулся к Сереге: – Что скажешь?

– Да ясно все, – буркнул Духарев. – Если они Новгороду платят, значит, Новгород с Киевом должен разбираться. А если – Киеву, то Киев – с Новгородом. Пусть между собой решают, кто кому платить должен.

– Во-во! – оживились бородачи. – Верно!

– Верно-то верно, – Рёрах поскреб шрам. – Да не будут они меж собой решать. Ссориться им не с руки. А эти вот... – он кивнул на пришельцев, – и два раза могут дать, не помрут. Можете?

– Ну, можем, – мрачно ответил бородач.

– А все ж это не совсем по справедливости, – задумчиво проговорил варяг. – Ладно! Сколь от вас до Белоозера? Далеко?

– Не близко. Лесами дней шесть бежать.

– А сюда сколько шли?

– Тож шесть дней.

– Так до меня же дальше!

– Да мы ж водой шли! – сказал бородач с удивлением, оттого что ведун не понимает такую простую вещь.

– А до Белоозера водой нельзя?

– Когда как.

– Понятно. Значит, слушай меня, репка-сурепка. Пойдете на Белоозеро. Там городок стоит. Городок тот держит Ольбард-князь. Обскажете ему свои беды. Обещайте честно и щедро дань ему слать – он вас под себя возьмет.

– Ага... – Бородач поскрипел мозгами, осмысляя. – А, это... Выходит, еще и этому Ольбарду давать?

– Не еще ему, а только ему! – поправил варяг.

– Не-е! – мужик замахал руками. – Все они одинаковы! Меха берут, а как помочь – их нету! Бона...

– Сергей, тресни его по маковке, – приказал Рёрах.

Духарев замахнулся – мужик испуганно прикрыл голову.

– Ольбард поможет, – сказал варяг. – Скажете: я вас прислал. Рёрах-ведун.

– А Киев с Новгородом его послушают? – спросил бородач, опасливо покосившись на

палку в руках Духарева.

– Послушают. Его проще послушать. Дружина целей будет. Подарки где?

– Да в лодке,– сказал бородач.

В глазах у него проступила легкая печаль оттого, что халява не прокатила.

– Так несите сюда! – велел Рёрах. – Или мне на деревяшке за ними скакать?

Бородачи молча поднялись и канули в темноте.

– Варенье у них доброе,– мечтательно проговорил Рёрах. – Клюковка, орешки с медом...

– Слушай,– неуверенно проговорил Духарев. – А ты уверен, что этот Ольбард не обдерет их, как остальные? Ему-то какой смысл с Киевом и Новгородом ссориться?

– Потому что я попросил,– варяг шевельнул костлявыми плечами.

– А вдруг он тебя не послушается?

– Послушается.

– Уверен?

– Ясное дело. Он же мой племянник.

Глава десятая, в которой Серега прогуливается по лесу и размышляет о том о сем

Серега бежал по лесу. Это был очередной урок, который задал ему Рёрах. Просто бежать по лесу. Просто бежать по лесу ночью, в полной темноте. Просто бежать по лесу в полной темноте до маленького, метров сто в поперечнике, озерца, обойти его кругом (притом что один конец озерца упирается в болото), а затем вернуться обратно к дубу. Всего-то километров семь в один конец. Пустяковое дело.

– Пустяковое дело,– сказал Рёрах. – Вот кабы ты леший устерег да кружить начал, так нет тут лешего.

– Почему? – механически поинтересовался Духарев.

– Да прогнал его волох. Поссорились они.

– Понятно,– пробормотал Серега.

Ну ясно же тебе сказали: обычное дело! Ну поссорились леший с волохом, и волох лешего прогнал. Ну нормальные разборки. Повторяем для тупых: волох, реально, лешего покруче будет, вот и прогнал. А без лешего по ночному лесу шастать – ну просто нечего делать. То есть даже смешно об этом говорить. Семь кэмэ в одну сторону, почетный круг через болото, и семь кэмэ обратно. Пустяки, в общем. Любому волку или там медведю дошкольного возраста, лет четырех-пяти то есть от роду,– как два пальца. А Серега Духарев, он, блин, три курса универа прошел, причем два раза. Ему это ваще – лег-ко!

В общем, бежал Серега прямо и зигзагами и думал о приятном. Например, о том, что месяц, хоть и узенький да между крон почти не проглядывающий, но все-таки светит. А зайдет, так звезды же останутся. Хорошо ведь, когда небо чистое. Вона – Большая Медведица, именуемая по-здешнему Лосихой. А вона – Малая, которую Рёрах Олененком зовет. А были бы тучи да дождик, так вообще ни хрена видно не было бы. И не слышно тоже ни хрена, кроме грома и шуршания капель. Хотя и в дожде приятное найти можно. Молния, например. Молния очень ярко светит. Потом, правда, уже совсем ни хрена не разглядишь, пока глаза опять к темноте не привыкнут.

Вот такие мысли возникали у бегущего Сереги Духарева, пока ноги его приминали опавшую листву, обнося своего хозяина вокруг стволов, по тропке, которая не столько виделась, сколько чувствовалась, угадывалась подошвами.

Правду сказать, урок был не такой уж трудный. Ходил Серега к тому озеру и с дедом, и сам один разок был. На болотистом конце куликов бил. Куликов там много.

В общем, ничего особенного. А если заплутает, так спать ляжет. А утром по собственному следу – обратно. А след Серега предусмотрительно оставлял заметный. Где веточку обломит, где носком старую листву взрыхлит. Бояться нечего. Кого бояться, зверей?

Так на что у Духарева сулица на руке лежит? Ежели рысь какая прыгнет – пусть пеняет на себя. Одну рысь Серега уже убил. Правда, днем. Волков не убивал, но волки – звери умные, с человеком связываться не станут. И медведь. Рёрах обещал: как снег выпадет – пойдут мишку брать. Мишка, сказал варяг, зверь полезный. Жир, шкура, мясо, все в дело идет от мишки-то.

В отличие от других лесовиков, Рёрах мишку мишкой звать не боялся. Иногда величал еще бером, но это было не прозвище вроде «хозяина» или «медведя», а просто другой диалект. Коли услышит зверь да придет – пусть на себя опять-таки пеняет. Рёрах – ведун. Его врасплох не возьмешь. А интересно, он, Серега, может стать ведуном или нет? Если, как утверждает варяг, какая-то Серегина часть осталась вне этого мира, может, Серега тоже ведун? Интересно, какая это часть? И как там ей живется? А может, где-то в сумрачном Питере такой же Серега Духарев потягивает пивко с корешами или коктейльчик с пузырьками в каком-нибудь клубе с накрашенной девчушкой и ловит законный кайф, пока его неудачливый двойник упирается, чешет по лесу хрен знает куда...

«А ведь тебе это нравится! – сказал себе Серега. – Тебе ведь это по кайфу, мужик! Вот так вот бежать с настоящим копьём на согнутой руке по настоящему лесу! И ни хрена не бояться, потому что знаешь, что точно не пропадешь. Потому что это круче, намного круче, чем сосать пузырьки через соломку и прикидывать, сколько бабок останется к утру в тощем лопатнике. Потому что если я, Серега Духарев, не обломаюсь (а вот хрен я обломаюсь!) и вытяну из деда всю его дедову науку, то буду я в этом мире – король. Буду свежее мясо жрать и воду пить, хрустальную от чистоты, и даже к меду их дрянному привыкну, наверное, потому что не бывает, чтоб все – из шоколада. И девчонки у меня будут самые лучшие, а друзья – самые верные. И если я и уступлю кому, то не какому-нибудь засаленному хмырю с натыренными баксами, а тому, кто по-настоящему круче. Вроде того же Рёрах».

Вот о чем думал Серега, когда бежал по ночному лесу. Ему было – по кайфу. И он больше не задавал себе вопрос: «Почему я здесь? И зачем?»

Не задавал. Но вопрос – остался.

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев осваивает очередную воинскую игрушку

Рёрах порылся в ларе и извлек из него внушительных размеров топор с серповидным лезвием.

– Нурманская секира, – сказал он. – Неси на лужайку.

Рукоять у секиры была длинная, в двух местах обмотанная шершавой кожей. Лезвие широкое, с заостренным и вытянутым верхним концом. По нижнему краю был сделан глубокий вырез, вероятно, для облегчения оружия.

На лужайке дед отобрал секиру. Помахал ею в воздухе.

– С мечом видишь разницу? – спросил он.

– Замах другой, – тут же ответил Духарев.

– Молодец, – похвалил варяг. – Секира с плеча рубит. В одну руку. В две руки. Колет так... – Рёрах перехватил рукоять и ударил верхним, заостренным концом почти как копьём. – Щит на столб зацепи.

Серега поспешно закрепил на столбе один из изготовленных вчера «щитов».

Секира в руках варяга описала дугу. Верхний край полумесяца с хрустом прорубил ребро щита. Рывок к себе – и щит слетел со столба под ноги Рёрах. Варяг наступил на него деревяшкой, дернул, освобождая оружие.

– Секира рубит все, – сказал он. – Ежели умеючи. Секира – сокрушитель мечей. Ни один меч не вынесет ее прямого удара. Запомни это. Клинок – только против древка. Секиру можно принять на щит. Добрый щит выдержит. Раза три-четыре. Не больше, если рубить умеючи. Или меньше, если не умеючи – отбивать. Повесь-ка новый!

Духарев поспешно зацепил еще одну свою поделку.

– Рубят так, – показал варяг. – Или так. А если хочешь достать врага через щит – то так.

На втором ударе духаревское творение плотницкого искусства рассыпалось, и он повесил следующее, а Рёрах продолжил:

– Если ударить всей силой сюда, в середку, напротив руки, да не лезом, а обушком, то иной раз рука от боли немеет и щита удержать не может. Без щита против секиры устоять трудно. Но можно. Ты – быстрый и шустрый. Ты сможешь, если умеючи. Лови! – Он неожиданно бросил секиру в Духарева. Как копье. И она продырявила бы Серегу не хуже копья, если б тот не уклонился и не перехватил ее за рукоять, поймав, как ловил копья. Только секира была существенно тяжелее.

Рёрах взял щит. Не из тех, что мастерил Духарев, а лучший из трех, сделанных самим варягом, обитый грубой кожей, со стальным ободом вдоль края и стальным же выпуклым диском в середине.

– Руби! – велел он.

Серега рубанул старательно, но по краю не попал. Старик резко вывернул щит и отшиб секиру в сторону с такой силой, что она увлекла за собой Духарева, полностью открыв для встречного удара.

Варяг поморщился.

– Еще бей! – скомандовал он. – Хват пошире, а то мотает тебя, как девкину косу.

Минут десять Духарев сосредоточенно рубил, а варяг – парировал.

Потом они поменялись. Вернее, дед взял секиру, а Серега другой щит, потяжелее и без стальной оторочки. Первый же удар, снизу, подбросил Серегин щит вверх, и его край впилился в Серегину челюсть.

Очухался он уже без щита, сидя посреди полянки.

Серега помотал головой. Глупого вопроса: «Что это было?» он не задал. И так ясно. Пощупал челюсть: рассечена, борода слиплась от крови. Но зубы – на месте. Правильно варяг ему щита с железной окантовкой не дал.

– Может, тебе под зад утиных яичек подложить? – раздался насмешливый скрипучий голос Рёрах. – Глядишь, птенчиков высидишь!

Духарев вздохнул тяжело и поднялся.

Безжалостный варяг немедленно повторил коварный удар, но Серега уже не попался. Некоторое время они кружились по полянке. Рёрах рубил, Духарев отбивал. Потом варяг ударил по ногам. Духарев, вместо того чтобы отбить, чисто рефлекторно подпрыгнул – и оказался на травке. На обратном движении варяг ухитрился подцепить его под колено нижним вырезом секиры.

После этого они опять поменялись.

Духарев постепенно осваивался, приспосабливался к новому оружию. Оно даже стало ему нравиться... Но меч все равно лучше!

Глава двенадцатая «Мы идем в Смоленск!»

Когда листья на кленах тронуло багрянцем, Рёрах решил отправиться в город Смоленск. Вернее, на смоленскую ярмарку.

Духарев узнал об этом, когда, вернувшись к вечеру с подстреленным поросенком, обнаружил, что дед сбрил бороду и патлы. Теперь с подбородка его, вместо седой с прожелтью ботвы, свешивались до груди толстые усищи, такие же седые, естественно. А от спутанной гривы остался казацкий чуб примерно такой же толщины, что и усы. Серега вспомнил «запорожца» Скольда и решил: усищи и оседец – что-то типа местной стрижки для крутых. Очень довольный, варяг поглядывал на себя в серебряное зеркало (Духарев понятия не имел, что у дедушки вообще имеется зеркало) и самодовольно ухмылялся. Должно быть, полагал себя писанным красавцем. С точки зрения Духарева Рёраху внешность могли исправить только очень хороший хирург-косметолог и большие темные очки. Но ни хирурга, ни очков в здешних лесах не смог бы добыть даже лучший из

охотников.

Впрочем, и добытый Духаревым кабанчик удостоился благосклонного взгляда.

– Прожарь мясо хорошенько да посоли, – распорядился дед. – С собой возьмем.

– Куда опять? – обреченно спросил Духарев.

Дальний поход с наставником – последнее, о чем Серега стал бы мечтать. Зловредный варяг непременно приготавливал для таких случаев какую-нибудь особенную пакость. Последний такой вояж Серега проделал в свежесодранной лосиной шкуре. То есть свежесодранной она была только сначала, а потом ее не назвал бы свежей даже самый непривередливый любитель тухлятины.

– В Смоленск пойдем, – сообщил Рёрах. – Коней покупать будем.

– Коней? – недоверчиво спросил Духарев. – А зачем нам кони?

– Ездят на них, – ухмыльнулся варяг. – Садятся на спину и едут. Не знал?

Серега тяжело вздохнул и отправился разводить костер. Он ничего не имел против верховой езды, но мог догадываться, во что превратит это занятие изощренный ум старика. Достаточно вспомнить, как дедушка ухитрился извратить обычный бег трусой. А ведь бегал Серега куда лучше, чем держался в седле.

Отправились на рассвете. Старик нес на плечах блестящую от жира кольчугу, за спиной – меч в ножнах и тщательно упакованный лук. «Расконсервация» и перевод лука в режим «походного хранения» заняла у Сереги часа четыре. Разумеется, под неусыпным присмотром хозяина лука. При этом в туповатое (по мнению наставника) сознание ученика в сотый раз вкладывалась мысль, что лук – оружие нежное и хрупкое. И внимания требует несравненно большего, чем, например, меч. И ежели мастер-лучник может истратить целый год на изготовление этого великолепного инструмента для порчи человеческих организмов, то ленивый или неумелый парень вроде Духарева может испоганить сие совершенное оружие значительно быстрее. А лук, даже на самую малость потерявший форму или упругость, станет пригоден исключительно для охоты на зайцев. И то, если заяц подпустит к себе на пятьдесят шагов. В то время как из этого шедевра добрый стрелок без проблем попадет в грудь врага на расстоянии «перестрела», то есть двух-двух с половиной сотен метров, и стрела эту грудь продырявит. Если, конечно, не встретит препятствия в виде не менее доброго панциря. Однако обычную кольчугу хорошая стрела с нужным наконечником пробьет и на таком расстоянии. Духарев, который полагал и точный выстрел из карабина на такую дистанцию – удачным, мог бы усомниться в словах наставника. Если бы наставник в заключение не решил испробовать лук, избрав в качестве мишени рыжую белку на противоположном берегу озера.

Через озеро (почти двести метров шириной) Серега перебирался вплавь. Рыжую белку он нашел легко, а вот стрелу, пробившую зверька навывлет, искал почти полчаса и обнаружил метрах в сорока от мертвой белки.

Стрелу Рёрах отправил в колчан, белку отдал горностаям, а Духарева обругал: почему так долго копался?

Итак, дед нес на себе кольчугу и оружие, а Серега – все остальное. Килограммов сорок пять. Правда, всего три перехода. Потом ученик с наставником пришли в какое-то село, где старик купил лодочку типа байдарки, только из коры. Остойчивостью лодочка могла уверенно соревноваться с яхтой, к которой вместо киля приделали большой кусок пенопласта. Дно лодочки можно было пробить пальцем, зато веса в ней было – всего ничего.

Почетная обязанность грести, естественно, досталась Духареву. Время от времени Рёрах разнообразил эту монотонную работу полезными советами и сожалениями по поводу того, что из этой лодочки никак нельзя сделать ни драккар, ни боевую лодью, ни даже южный насад, пригодный, по мнению варяга, лишь для плавания по спокойным речкам. Воин же, который не умеет сутки напролет ворочать настоящее корабельное весло, не воин, а недоразумение. Вроде вот Сереги Духарева.

А Серега Духарев в это время, выбиваясь из сил, гнал хлипкий и вертлявый челнок против течения.

Зато еще через пару дней они, сушей, перебрались через водораздел и спустились к одному из притоков Днепра.

Теперь течение играло на их стороне, а старик несколько раз, не доверяя ученику, на порожистых участках самолично брался за второе весло. В общем, правильно не доверял: Серега бы их точно выкупал.

Глава тринадцатая Ярмарка

В собственно Смоленск они не пошли.

– Нечего там делать! – заявил варяг.

По некоторым элементам варягова недовольного бурчания по поводу «спесивых нурманов» Серега сделал вывод, что в городе у Рёреха есть знакомые, которых он предпочел бы не видеть.

Так что Духарев лишь издали полюбовался на белые стены города и поплелся вслед за варягом к заставленному шатрами полю. На ярмарку.

Торжковский рынок отдыхал в сравнении с этим буйством свободного предпринимательства. Если бы не Рёрах, Серега в этой толпе просто потерялся бы. Или дал кому-нибудь по морде, поскольку каждый лоточник норовил схватить за рукав, а от воплей зазывал просто в ушах звенело. Вот уж точно – навязчивая реклама!

Правда, за рукав хватали только Духарева. Варяга тронуть никто не смел. От него попросту шарахались. Длинноусый, чубатый, бритоголовый, в блестящей кольчуге, с мрачным прищуром и изуродованной рожей, Рёрах внушал такое уважение, что ему тут же уступали дорогу даже оружные воины.

Лошадьми торговали на южной окраине ярмарки. Покупателей здесь было существенно меньше. У загородок с годовалыми жеребьями стояли несколько отроков и гридень с пегими усами, взглянувший на Рёреха с интересом.

У Серегина наставника гридень интереса не вызвал. Жеребья тоже. Он уверенно проследовал дальше, приглядываясь, прицениваясь, даже принюхиваясь, пока не остановился перед мужиком, продававшим двух не слишком крупных лошадок светло-серой масти с подрезанными хвостами.

В лошадях Серега разбирался достаточно, чтобы уверенно отличить жеребца от кобылы. Поэтому интерес Духарева сосредоточился на лошадишке. Раньше подобных ему Сергей не встречал. Здесь. В Питере-то подобные попадались на каждом шагу. Лицо «кавказской национальности». Черные волосы, черные, щеткой, усищи под горбатым носом.

Рёрах коротко поздоровался с продавцом. Не по-русски. Тот ответил. Тоже по-своему.

Внимание варяга переключилось на лошадей, и им он уделил значительно больше времени: щупал, хлопывал, изучал зубы.

Остался доволен.

– Сколь хочешь за пару? – спросил он.

– Хорошие кони, – сказал черноусый. – Овсом вскормлены.

– Вижу.

– К седлу приучены, послушны, не норовисты... Девять гривен.

У Духарева отпала челюсть. Нормальная цена на взрослую лошадь колебалась от одной до трех гривен серебром. А эти даже ростом поменьше, чем прочие.

– Без изъяну коньки! – сказал черноусый.

Рёрах молчал.

Черноусый хотел еще что-то сообщить, но передумал. Ждал.

– Кобыла не пуглива? – наконец спросил варяг.

– Есть немного, – ответил лошадишник, преисполняясь еще большим уважением к покупателю.

Варяг подошел к жеребчику.

– Подсади, – сказал он.

Черноусый помог ему взобраться на неоседланного коня.

Рёрах взял поводья.

– Побудь с ним,– велел он Духареву, шевельнул коленями, щелкнул языком – и конь с места взял ровной рысью.

– Ой молодец! – похвалил черноусый.

По-русски он говорил без акцента.

– Хочешь? – он кивнул на кобылу.

Духарев покачал головой.

Рёрах вернулся минут через десять. Неловко сполз на здоровую ногу, дал коню купленную, видно, по пути морковку и похромал к кобыле.

Ее пробовал тоже минут десять, вернувшись, спросил черноусого:

– С седлом продаешь?

– Нет,– качнул головой тот.

Варяг повернулся к Сереге.

– Дай ему семь гривен,– сказал он.

Черноусый открыл было рот... и закрыл.

Сергей вручил торговцу деньги, тот передал Духареву лошадей.

– Не много дал? – позже спросил он варяга. – Вон хоть те и покрупнее, а стоят дешевле.

Рёрах фыркнул, но тем не менее снизошел до объяснения.

– Те,– сказал он,– хоть и крупнее, да на подножном корму и сене росли. А наших хузарин зерном подкармливал, потому и ценит дороже. Зато им четырех лет нет, а уже в полной силе. И выезжены. А что мелки, так им корму меньше надо, а повыносливей крупных будут. Я эту породу знаю.

Поехали покупать седла. То есть варяг ехал на кобыле, а жеребчика Духарев вел на поводу и по указанию Рёрах угощал морковкой. К себе приучал.

У седельника они провели почти час. Варяг придирчиво изучал товар и наконец выбрал два седла. Довольно потертых.

– На новом, необмятом ляги сотрешь,– сказал он ученику.

Кроме седел, купили еще большие перекидные сумки и охапку разных ремней с пряжками и без. Ремни старик сунул в одну из сумок. Туда же спрятал и стремяна.

– Они те токо посадку испортят,– буркнул он. Сделав, что планировалось, Рёрах немедленно двинулся в обратный путь. Задержался только, чтобы поесть.

Серега был огорчен. Он уже Бог знает сколько времени не видел людей... И женщин. Пока жил в лесу, об этом как-то не думалось. Да и до женщин ли, когда тебя вумат затрахал одноногий свирепый дедок? Но стоило глазу увидеть знакомые выпуклости и изгибы...

Варяг, сучок корявый, Серегиным намекам не внял.

«У самого, небось, с этим делом уже лет двадцать – никаких проблем!» – злобно размышлял Духарев.

В трактире им принесли кучу всякой снеди – в дорогу. Еще подали горячей похлебки, горшок тушеных овощей. Серега умял все. Соскучился он по овощам. В лесу все мясо да мясо.

За длинным столом они сидели, считай, одни, ни слева, ни справа никто не подсаживался. словно вокруг варяга была обозначена черта, за которую заступать не смели.

Уезжали верхом, по хорошей дороге, поначалу довольно оживленной. Однажды им навстречу попался отряд из дюжины воинов. Молодые, крепкие парни, кто – с бородой, кто брит, шли налегке, сгрузив поклажу, в том числе и брони, на нескольких выючных лошадей, которых вели в поводу двое мужчин невоинственного вида. Рабы. Один из воинов, что нес на плече здоровенный боевой топор, неожиданно шагнул в сторону и заступил дорогу Рёраху. Серега напрягся, а варяг и бровью не повел. И даже не подумал придержать кобылку. Парень оглушительно свистнул, хузарская лошадка, испугавшись, едва не вскинулась на дыбы, но Рёрах осадил ее, прикрикнул...

– Хаг! – сердито рявкнул на свистуна другой воин.

Свистун захохотал, отпрыгнул в сторону. Тот, кто кричал, подскочил к нему, грубо схватил за руку и показал на Рёрехову деревяшку.

Свистун сразу перестал ржать, приложил кулак к груди и наклонил голову. Рёрах тоже чуть заметно кивнул. Духарев расслабился.

– Это кто? – спросил он, когда они разминулись.

– Нурманы, – буркнул Рёрах.

Глава четырнадцатая Лошадь – друг человека

Своего жеребчика Серега назвал Пеплом. По масти. И ладили они просто прекрасно. Не без помощи варяга, разумеется. Держаться в седле Духарев научился довольно быстро. Даже и без стремян. Но оказалось, что для всадника умение не вывалиться из седла – необходимое, но не главное. Задачей номер один было поддержание четвероногого друга в рабочем состоянии. Для этого коня надо было регулярно кормить, поить, чистить, не перегружать сверх меры, а меру эту можно было определить только опытом. Конь мог заболеть, повредить ногу или спину, сожрать что-нибудь не то. Сообщить об этом хозяину животное, естественно, не могло и в этом было сродни автомобилю. Вот только заменить поврежденную деталь было невозможно. Да и жаль животину: ей же больно. Таковы были азы всадничьей науки. Кроме этого, воин, намеревавшийся биться в седле, должен был научиться с седла же рубить и колоть, отбиваться и уворачиваться, стрелять на скаку из лука (желательно попадая в цель), перепрыгивать через препятствия и не ломать при этом костей – ни своих, ни животного. Еще нужно было уметь пересекать водные преграды, мгновенно останавливаться (но так, чтобы лошади не было больно), мгновенно бросать коня вскачь, разворачиваться... Короче, много чего было нужно, чтобы в дороге или после окончания боя конь остался цел и не сменил хозяина. Все это требовало нешуточного упорства. Пепел оказался коньком понятливым... Если ему понятно объяснять. Варяг умел. И учил Серегу, попутно школя собственную кобылку. Очень скоро Серега понял, почему варяг взял себе эту лошадку, а ему отдал Пепла. Жеребец был значительно толковее и спокойнее. Уже через несколько недель он стал понимать и выполнять голосовые команды и никогда не устраивал сцен, вроде биться задом и попыток укусить хозяина. Кобылка же – пыталась. Но с варягом такие номера не проходили. Зато Пепел был добряк, что для начинающего всадника – плюс, а для боевого коня – минус. Однако к зиме, под мудрым руководством варяга, удалось внушить жеребцу кое-какие понятия о том, когда и кого можно и даже должно ошарашить копытом по макушке. Впрочем, если у Духарева и возникала мысль, что после приобретения лошадей занятия его сведутся к одной верховой езде, то он быстро убедился в ее ошибочности. Уроки, преподаваемые варягом, были интенсивны и разнообразны. И их в равной мере нельзя было назвать ни приятными, ни спокойными. Единственное исключение – строительство конюшни.

Глава пятнадцатая, в которой Серега Духарев заглядывает в омут и обнаруживает у себя дар ясновидения

– Пей! – Рёрах протянул Духареву деревянную фляжку.

Серега понюхал... М-да! Оставалось надеяться, что вкус лучше запаха. Духарев зажмурился и, стараясь не дышать, втянул содержимое фляжки. Вкус был не лучше. Хуже. Вяжущее, как неспелая хурма, и жгучее, как чилийский перец. Серегу аж передернуло.

– Это что, гнилой мухомор или настойка бледной поганки? – кривясь, сострил Духарев.

– Нет, – совершенно серьезно ответил варяг. – Это другие грибы. *Не плевать!* – рыкнул он грозно, увидев, что Серега собирается сплюнуть. – Давай полезай на ветку, сядь туда, в развилку, и смотри в воду.

– А чего там?

– Омут. Лезь!

Сергеа вспрыгнул на толстую ветку, пробежал по ней, наслаждаясь собственной ловкостью, до развилки, сел верхом.

– Не так! – рявкнул варяг. – Скрести ноги!

Духарев послушно поменял позу. Под ним была ровная черная вода с зелеными рисками ила.

– Просто сидеть и смотреть? – спросил Серега.

– Да. И думай о том, кто думает о тебе. Это все.

Не оборачиваясь, Духарев следил, как уходит варяг. Слушал, как мнет траву деревяшка, как поскрипывает кожа. По звуку он чувствовал расстояние и направление так хорошо, что мог бы навскидку, с разворота послать стрелу... От которой наставник, впрочем, увернулся бы.

Во рту и горле все онемело. Экую дрянь он выпил, честное слово!

Сергеа поглядел вниз. Черная, как смола, вода, гладкая. Без единой рябинки. Над ухом раздалось ликующее зудение комара. Скоро слетится целая орава. На прощальный осенний пир. Серега не обращал на комаров внимания. Его всерьез прикололо, что лесные звуки как будто стали намного отчетливей. Ну точно! Это началось, когда уходил Рёрах, только Духареву тогда это показалось естественным. Оказывается, не совсем. Раньше такого не было. Чтобы он различал каждый насекомий цвирк, шелест каждого куста... Нет, такого с ним точно не было. То ли он вдруг страшно окрутел, то ли дело в варяговом зелье. Последнее более вероятно.

«Кто же обо мне думает? – подумал Духарев. – Родители? (Надо же, вспомнил!) Нет, родители – это вряд ли. Папаша думает только о марках и конкурентах-филателистах, а мать шляется со своими онанистами-евангелистами и учит, как Бога любить. По-американски. Нет, хорошо, что Серега – поздний ребенок, и нет у него младших сестер-братьев, с такими-то родителями. Хотя, в сущности, их ли это вина? Не поперли бы папку с работы, и не превратилось бы хобби в призвание. И не дал бы он маме в это говно влезть...»

«Можно подумать, ты – замечательный сын...» – сказал он сам себе самокритично.

«Так кто же обо мне думает?» – вернул себя Духарев к теме занятия.

Тут же понял – кто. И попытался увидеть в черном зеркале. Сначала, конечно, не увидел ничего. А потом поверхность воды вроде как поплыла вверх («Или это я падаю?» – успел подумать Серега.), встала у ног, под самой развилкой, и он увидел. Четко. Как на экране монитора. Сразу обоих. Сладу и Мыша. В лавочке. Серега подумал, что надо бы удивиться, но почему-то не удивился. Только смотрел, как Мыш, сосредоточенно, высунув кончик языка, шьет что-то кожаное, а Слада перебирает крупу на струганом столе и, кажется, что-то напевает. Но звука не было. У Сладиных босых ног вертелся пятнистый щен размером с крупную крысу и примерно такого же вида и цвета.

«Надо же, – подумал Духарев. – Где они такого ублюдка нашли?»

У Сереги запершило в горле. То ли от нежности, то ли от дедова зелья. Захотелось сгрести обоих, расцеловать Сладу, потискать Мыша... Захотелось прыгнуть с ветки... туда. Только Серега не мог. Ног не чувствовал. И еще вертелась где-то на задворках сознания мыслишка, что *туда* прыгать – *нельзя* .

Слада закончила с крупой, щенок напрудил на пол, и его выгнали.

«Слада, Сладушка!» – мысленно позвал Серега. Он ужасно захотел, чтобы она повернулась, захотел заглянуть ей в глаза... И она повернулась к нему. Или он сам как-то ухитрился... Ее нежное лицо вдруг стало совсем близко, черные загнутые ресницы почти касались Сереговых бровей, он видел каждый волосок...

Но Слада-то его не видела.

Внутри Духарева что-то оборвалось... И Мыш со Сладой пропали. Вместо них появился завернутый в меха мужик примерно Сереговых лет, который лежал на спине, на какой-то деревянной решетке. Кожа у лежащего была очень бледная – до подбородка. От подбородка до переносицы – загорелая до черноты, а выше – снова бледная. Этого человека Духарев точно видел в первый раз в жизни. Мгновением позже лежащего заслонила чья-то

спина, а еще через секунду хозяин этой спины обернулся... и встретился взглядом с Духаревым. В какой-то миг Сереге показалось, что этот человек тоже его видит. Наверное, так и было, потому что тот мотнул головой, словно отгоняя наваждение...

Серегина голова моталась из стороны в сторону, потому что Рёрах методично лупил его по морде: слева, справа, слева, справа...

– Х-хорош... – выдавил Духарев, и поднятая для очередной оплеухи ладонь замерла.

Сереге лежал на песочке, варяг стоял над ним на коленях, и физиономия у него была, мягко говоря, озабоченная. Это у Рёрах, который даже из трясины вытаскивал Серегу в последний момент и с ехидной усмешечкой.

– Ты чего? – удивленно спросил Духарев.

Но тревога уже сошла с лица варяга.

– Выкарабкался, значит, – проворчал он обычным голосом. – Сядь, чего разлегся!

Сереге сел и сразу почувствовал, как накатила слабость. И голова заболела.

– Видишь как? – спросил Рёрах.

– Мутно, – ответил Серега.

– В глазах не двоится? Тени видишь?

– А чего бы мне их не видеть? – удивился Духарев.

– Где видишь?

– Да вот! – Серега, крайне удивленный, показал на собственную тень на песке.

– Я про *другие* тени спрашиваю! – рявкнул варяг. – Видишь – нет?

Сереге потер лоб. Соображалось плохо – башка буквально раскалывалась.

– Нет, – проговорил он. – Других теней не вижу, только обыкновенные.

– Ага, – сказано было таким тоном, что не понять: хорошо или плохо то, что Духарев не видит этих самых «других теней».

– В седле усидишь? – спросил Рёрах.

– А может, я тут останусь? – пробормотал Духарев.

Мысль о том, как отзовется на тряску его несчастная голова, не принесла радости. Оно, конечно, воин должен стойко переносить боль, но совсем не обязательно при этом быть мазохистом.

Вместо ответа варяг взял Серегу за бородку, запрокинул ему голову, заглянул в зрачки.

– Нет, – отрезал он. – Здесь не останешься.

Ухватил Духарева ладонью за затылок и вдавил железный палец Сереге в лоб. Чуть повыше бровей. Боль, только что бывшая просто нестерпимой, превысила всякие пределы – Серега не удержался, застонал. Но вырваться и не пытался. И правильно. Достигнув максимума, боль внезапно исчезла. Совсем. Обратилась в звенящую пустоту.

– Как ты это сделал? – восхитился Духарев. – Научи!

Варяг отрицательно покачал головой.

– Вставай и пошли, – сказал он. – Не знаю, как ты, репка-сурепка, а я проголодался.

Глава шестнадцатая Туманные тропы предназначения

Этот же эксперимент они повторили еще два раза. Недель через шесть, на том же самом месте, но уже ночью, безлунной и безветренной. Серега сидел и глядел, а Рёрах стоял над ним, держа в руке факел. А третий, последний раз – уже зимой и опять там же, над омутом, но на сей раз Духареву пришлось изрядно потрудиться, чтобы прорубить лед, и сидел он уже не на ветке, а на толстом войлоке.

Слады и Мыша он больше не видел. Один раз, совсем недолго, видел того незнакомого человека, уже не завернутого в меха, а нормально (по-местному) одетого, с заметным усилием ворочающего большое и, вероятно, тяжелое весло. Еще Серега видел какую-то молодую женщину, очень сердитую и тоже незнакомую. Прочие образы были совсем смутными, особенно – по третьему разу. Хотя именно к третьему «глядению» Рёрах поставил Сереге совершенно конкретную задачу. Думать, за каким таким хреном он,

Духарев, явился сюда из мира духов или из какого там он мира явился...

Нельзя сказать, что Сереге ответ на этот вопрос был безразличен. Сам он уже раз триста задавал его себе. Особенно когда от перегрузки или еще по какой причине не мог сразу заснуть. Иногда Духареву представлялось некое inferнальное существо, выдерживающее его, Серегу, из катящейся по трассе машины и зашвыривающее в сей дивный мир. Дабы он, Духарев, изменил его к лучшему: наказывал зло, освобождал царевен и творил добрые дела. Правда, образы, возникавшие у Сереги в сознании, больше напоминали всякие фантастические фильмы, а могущественное существо подозрительно смахивало на дедушку варяга. Ах, мечты, мечты... Нельзя сказать, что неведение относительно своего «великого предназначения» очень огорчало Серегу. Где-то в глубине души Духарев был уверен, что рано или поздно все и так станет известно и торопить события – чревато. Потому что единственное действительно неоспоримое доказательство существования посмертного бытия человек может получить только в одном случае. Более того, всякий человек получит его наверняка. Когда помрет. Экспериментировать же в этой области Духареву как-то не хотелось.

Пожалуй, Рёреха вопрос о предназначении Духарева волновал значительно сильнее, чем самого Духарева. Потому что варягу страшно надоело жить в лесу и хранить священное место, как велел ему когда-то волох. Дедушка все еще лелеял надежду, что Духарев – тот самый кадр, которому можно будет передать бессрочную вахту. То, что Серега – крещеный и, следовательно, не очень-то близок по духу местным божествам, конечно, смущало. Но с другой стороны, Духарев проявлял недюжинные способности во всех науках, в коих натаскивал его варяг. А науки эти, издревле, от варягов пращуров, да и не только варягов, но и прочих славянских, что полян, что ильмян, – считались вотчинами исконных местных богов, в особенности же – воинственного и кровожадного Перуна. О Христе же варяг имел понятие самое поверхностное и считал его почему-то покровителем богатства. Логика его была проста. Кто поклоняется Перуну – тот здоров насчет подраться. А кто поклоняется Христу, у того карманы полны злата. Вот те же ромеи: грабят их, грабят, а богатства их все прибывают. Потому что христиане. Спорить с ним Духарев даже и не пытался. Ему ли, символ собственной веры помнившему через слово, наставлять закоренелого язычника. Пусть лучше язычник Серегу научит грибную шляпку копьём подхватывать. В галопе.

Язычник учил. Честно. А когда понял, что Духарев воинскую науку освоил вполне прилично, а можно ли его брать в ведуны – своими силами не выяснить, Рёрах решил прибегнуть к помощи специалистов. Но это случилось позже.

Глава семнадцатая Медвежья охота

Мишку они выследили еще осенью, до снега. Выслеживали аккуратно. Не потому, что боялись. Не медведица с медвежатами, чай, а здоровенный лесной хозяин. Такой зря рисковать не станет, предпочтет убраться с человеческой дороги. Вот то-то и оно. Уйдет – и ищи его потом. А так – вот он. Хороший мишка. Жирный. Такой как осенью заляжет – так до самой весны проспит.

По указанию наставника Серега наблюдал за зверем очень внимательно. Как ест, как двигается, как купается. Днем наблюдал, а вечером слушал варягов байки про варяжских воинов, что у могучего мишки воинскому делу учились. А иные даже сами медведем перекидывались при необходимости. Сила зверя, помноженная на человеческий ум и отвагу (сам-то мишка трусоват), вершили чудеса. Тем более что такого оборотня сталь не берет, а только особое, с наговором, оружие.

Серега в байки насчет оборотней не очень-то верил, тем более что Рёрах честно признался, что таких, перекидывающихся, сам он не видел, а только байки слышал. А вот к «звериной» технике относился серьезно. Еще с «той», цивилизованной жизни. «Школа богомола», «Школа обезьяны»...

Один из варяговых горностаев взобрался на Серегино плечо. Только так их Духарев и различал: один признал нового человека, второй – нет.

Несмотря на немалый рост, Духарев предпочел бы «школу горностая» «школе медведя». Рядом со стремительным, обтекаемым, как пуля, зверьком Топтыгин выглядел неуклюжим увальнем.

Медведь перестал есть обычную пищу, зато жрал траву, какую-то глину... в общем, малосъедобные вещи. Постился по-своему, по-медвежьи.

– Скоро ляжет, – определил Рёрах. И точно. Мишка еще несколько дней пошатался по лесу, помечая территорию, а потом забрался в берлогу под вывороченной старой березой и больше не объявлялся.

– Всегда тут спит, – заметил варяг.

– Зачем тогда мы его пасли? – осведомился Серега, который предпочел бы не за мишкой ходить, а лишний раз с мечом или копьем поработать.

– Надо – вот и пасли, – отрезал варяг. – Больше сюда не ходи. Пускай спит до времени.

За мишкой пошли после третьего снега. Точнее сказать, после зарядившего на целую неделю снегопада. Пошли на лыжах, коротких и широких, подбитых снизу остистым мехом. На голове у Духарева красовался шлем, похожий на строительную каску: формой и натянутыми изнутри кожаными ремешками. Правда, в отличие от каски, шлем был довольно тяжелый, да еще «украшенный» прицепленной к краям кольчужной бармицей. На плечах у Сереги, под курткой из лосиной шкуры, наличествовал пластинчатый панцирь. Вообще-то его полагалось надеть не под, а поверх куртки, но он и так еле налез. Вооружен был Духарев крепкой рогатиной с упором и узким топором на длинной рукояти. Серега предпочел бы меч, но Рёрах велел взять топор. Что ж, ему виднее. Сам варяг ничего, кроме лука, не взял.

– Может, добуду кого, – заметил он. – А мишка твой. Сам и завалишь.

Если бы Серега не знал точно, где медвежья берлога, так и не нашел бы. «Вентиляционная» дырка в снегу оказалась прикрыта молоденькой елочкой. Заметить слабый парок, выходящий из отверстия, было практически невозможно.

– И что теперь? – спросил Духарев.

– Палку подлинней сруби да пошуруй внутри, – сказал Рёрах. – Вот он и вылезет.

Серега послушно вырубил шест, сунул его в сугроб и принялся шуровать.

Из берлоги раздалось недовольное ворчание. Серега выпустил шест и поспешно схватил воткнутую в снег рогатину.

– Еще шибурши! – недовольно буркнул стоящий поодаль Рёрах. – Это он во сне бурчит.

Серега снова взялся за палку.

Рычание стало громче...

– Счас полезет! – крикнул варяг.

Когда его наставник сказал «полезет», Серега именно так себе это и представил: из сугроба медленно вылезает недовольный мишка. Представление это было правильно только в одном. Мишка действительно оказался недоволен. А точнее сказать: очень недоволен! Просто в бешенстве. И то, что произошло в следующий миг, меньше всего соответствовало ленивому слову «полезет».

Сугроб внезапно взорвался. Как будто гранату внизу рванули. И в этом снежном гейзере как-то сразу материализовался стоящий на задних лапах здоровенный медведь.

Мгновение назад его и в помине не было – и вот он уже здесь и летит на Серегу, размахивая лапищами. А лапищи эти машут уже над Серегиной головой. Удивительно, что Духарев успел отбросить шест и схватить рогатину. Но он успел – и дальше, на рефлекс, всадил ее в мохнатую мишкину тушу...

Тр-ресь! – рогатина с хрустом переломилась, Серега полетел в сторону, а мишка пронесся мимо, с шумом упал на четыре лапы, развернулся со скоростью фигуриста, снова встал на задние лапы и, ревя, попер на глупого человечешку.

Серега, однако, успел вскочить на ноги и даже высвободить из петли топор.

Первый удар он нанес мишке прямо в морду... И мишка смахнул этот удар небрежным

движением лапы, а второй лапой треснул Духарева по голове. Серега успел присесть, и медвежьи когти, лязгнув, вскользь проехали по шлему. Духарев отпрыгнул вбок, пропуская зверя мимо, и, широко размахнувшись, двумя руками всадил топор в бурую свалявшуюся шерсть медвежьей спины. Он услышал громкий хруст и тут же – рев такой силы, что захотелось присесть и заткнуть уши руками. Но он этого не сделал, а выпустил рукоять безнадежно застрявшего топора и шарахнулся в сторону. Медведь на мгновение потерял его из виду, и этого мгновения хватило, чтобы Серега успел вынуть из чехла нож.

А зверь уже снова шел на него, прорываясь сквозь мягкий белый снег, обильно пачкая его кровью, но не проявляя ровно никаких признаков слабости.

Духарев отступал, сжимая в руке нож, но сама мысль о том, что эдакую махину можно остановить двадцатисантиметровым ножиком, казалась столь же забавной, как попытка детской лопаткой остановить самосвал.

Внезапно, сквозь медвежий рев, до Серегоного слуха донесся громкий шлепок – и он увидел, как шкура на мишкиной груди лопнула и из длинного меха сам собой вылез красный цветок.

Медведь рыкнул как-то по-особому, удивленно, повалился на бок, и Духарев увидел варяга, сжимающего лук с наложенной стрелой.

Не опуская лука, Рёрах прохромал по окровавленной траншее в снегу – к медвежьей туше, остановился в трех шагах, оглядел ее и вернул стрелу в колчан.

– Готов, – удовлетворенно сообщил он. – Как он тебе, Сергей? Хорош?

– Нет слов, – подавляя дрожь, ответил Духарев.

Снял шлем и поглядел на оставшиеся на металле следы когтей.

– Сам цел? – спросил варяг.

– Вроде бы...

Удивительно, но царапины остались только на шлеме. Серегу зверь не задел ни разу.

– Тогда давай живо за лошаdkами, – распорядился Рёрах, вынимая из единственного сапога кривой нож. – А я пока мишкой займусь.

Глава восемнадцатая Стрельба по живым мишеням

Неожиданно ударил мороз. Да такой, что у деревьев стволы трещали, градусов тридцать. Что особенно поразило Серегу, так это то, как быстро, едва ли не за одну ночь их лошадки от ушей до копыт обросли мохнатой шерстью. Люди на такое были не способны, поэтому время занятий на свежем воздухе пришлось ограничить, а тренировки с луком и вовсе отложить. Внутри священного дуба, на гранитном камне с естественным углублением посередине, теперь все время горел костерок, над которым, следуя указаниям варяга, Серега установил некое подобие шатра. Материалом для шатра послужила ткань, вымазанная глиной. Конус заканчивался толстой кишкой из той же ткани, выставленной в дупло на «втором этаже». Такая отопительная система, с точки зрения Духарева, была довольно-таки пожароопасна, и дыму от нее было изрядно, но грела нормально. К ночи камень прилично нагревался, а в углублении накапливался изрядный слой углей, на которых можно было и котелок вскипятить, и медвежатину поджарить. Как-то раз варяг развлек ученика фокусом: зачерпнул этих, еще красных углей голый рукой и с полминуты пересыпал с ладони на ладонь. Затем объяснил, как он это делает и что чувствует, а потом предложил Духареву сделать то же самое. Серега отказался. Он видел, что на руках Рёреха не осталось ожогов. Он понимал все объяснения. Теоретически. Практически же – опасался.

– Как же тебе тогда ноги сожгли? – поинтересовался Духарев.

Рёрах только головой покачал, словно удивляясь скудоумию своего ученика, который не видит разницы между дружеским хлопком и ударом секиры по хребтине.

Спали они наверху, где воздух был почище и угарный газ не скапливался.

Морозы стояли четыре дня, потом потеплело, и варяг повел Серегу на расстрел.

Натурально.

Поставил Духарева посреди заснеженной полянки в тридцати шагах от себя и принялся лупить стрелами. Хорошо хоть тупыми, без наконечников. Бил, конечно, не в полную силу, но даже сквозь куртку мало не казалось. Серега сначала пытался, аки японский ниндзя, эти стрелы ловить. Но стрелы не копыя. Проворный варяг ухитрялся выпускать их пачками, штуки по три в секунду, и поймать Серега успевал от силы одну. Остальные, будь на них жала и бей варяг в полную силу, продырявили бы Духарева, как шампур – цыпленка. Так что хватать стрелы ручками Серега бросил, а просто отмахивался рукавицами, как медведь – от пчел. Так и развлекались. А когда колчан варяга пустел, расстреливаемый получал передышку, то есть бегал туда-сюда, собирая стрелы. Как только у Сереги наметился прогресс, Рёрах тут же усложнил задачу. Обмотал концы стрел меховыми обрезками и стал бить в полную силу. Вот тут Сереге жить стало непросто. Теперь он уже не столько отбивал, сколько уворачивался. Но одна из трех стрел непременно ставила Духареву новый синяк. Садист-наставник был доволен. И после обеда, в виде поощрения, разрешил Сереге использовать меч. Вот это было совсем другое дело! Полчаса – и весь учебный арсенал варяга был приведен в негодность. Для последнего испытания варяг не пожалел двух настоящих, боевых стрел. И наконечники не защитил. Серега отбил обе!

Рёрах был очень доволен. Духарев был доволен еще больше. Он чувствовал, что его тело превратилось в послушный и эффективный механизм, наделенный к тому же самостоятельной волей. Нет, слово «механизм» здесь было не совсем уместно. Скорее, тело стало подобно обученному коню, которому нужно только скомандовать «вперед» и слегка хлопнуть пятками. А уж конь сам разберется, с какой ноги шагнуть и куда ее поставить.

На следующий день Серега с Рёрахом играли в прятки. То есть варяг прятался, а Серега должен был его выследить, обнаружить и не дать себя застрелить. Казалось бы, элементарная задача, учитывая выпавший снежок и неполное количество ног у прячущегося. Но из дюжины попыток Духарев сумел благополучно закончить только две. И то потому, что успевал отреагировать на скрип тетивы и нырнуть в сугроб.

Глава девятнадцатая В пути

В день, когда Серега и Рёрах отправились на капище, тоже снегу навалило – по грудь. Но день выбрал варяг, руководствуясь собственными соображениями.

– Погода устоится. К празднику поспеем.

О каком празднике шла речь, уточнять не стал. А уж насчет погоды он никогда не ошибался. В синоптиках ему бы цены не было.

Лошадки фыркали паром. Нелегко им идти по глубокому и рыхлому снегу. На лыжах Серега за день прошел бы столько, сколько они отмерили за три. Один прошел бы, без Рёреха. Но без Рёреха волохи, может, и разговаривать с Духаревым не станут. Да и хрен бы Серега по собственной инициативе поперся за сто верст к этим колдунам. Не доверял им Серега. Очень хорошо помнил, как в Скольдовом кремле такой вот сивобородый придурок с оленьими рогами на башке орал, стуча по полу палкой:

«В огонь кошуна!»

Духарева то есть.

Но в Серегину башку, еще в соплячьи годы, было прочно вбито:

Пункт первый. «Сэнсэй всегда прав».

Пункт второй. «Сэнсэй никогда не ошибается».

Пункт третий. «Если сэнсэй ошибается, смотри пункт первый».

Кто научил Серегу мечом орудовать? Рёрах.

Выходит, кто такой Рёрах? Сэнсэй.

Сказал Рёрах: идем к волохам? Сказал.

Не согласен? Смотри пункт первый.

Пепел шел первым, прокладывая путь. Время от времени Духарев давал ему передышку: вставал на лыжи и бежал впереди. Заодно к следам приглядывался. Следов было

много; больше всего птичьих и заячьих. Попадались, впрочем, и лисьи. И волчьи. Может, кто-то из тех волков отметился, что уже вторые сутки за ними тащатся. Наглые зверюги до невозможности. Вчера, когда поднимались на холм, Серега их видел. И даже хотел стрелой угостить, чтоб не наглели. Варяг не позволил. И в результате эти твари всю ночь вертелись поблизости и лошадей нервировали. А с рассветом пропали.

– Лось! – внезапно произнес Рёрах, останавливая кобылку.

Глубокий след шел поперек их пути.

Пепел тоже остановился. Духарев соскочил в сугроб.

Варяг с седла рассматривал след, потом снял с головы шапку, почесал затылок и изрек:

– Сергей, сбегай возьми его.

Вот те раз – тещины блинки! Сэнсэй сказал! Иди и возьми. Не с полки пирожок, а животину под тонну весом. Которая мало того, что прет по снегу, как «Буран», так еще копытом волчью башку с удара проламывает.

– У нас же есть мясо, дед! – запротестовал Духарев.

– У нас, может, и есть, да до капища уже близко, и негоже к волохам без подарка идти, – наставительно изрек варяг.

– Да я за ним неделю гнаться буду, – тоскливо, понимая, что уже не отвертеться, проговорил Серега. – И то не факт, что догоню. А догоню, как я буду такую тушу тащить? На горбу.

– На волокушке, – спокойно ответил Рёрах. – Не шуми. Ты его быстро возьмешь, он молодой и устал.

– Откуда ты знаешь?

– На след погляди.

Серега поглядел. Ну ямы и ямы.

– След малый, и вишь, как копыто ставит, – Рёрах, наклонившись с седла, показал острием рогатины. – Вишь?

Серега смотрел. Но не видел. Наука чтения следов давалась ему не в пример труднее, чем фехтовальная техника.

– Ладно, – буркнул он и принялся отвязывать лыжи.

Верхами по снегу за лосем гоняться бессмысленно.

Экипировавшись, Духарев закинул повод на дедово седло.

– Бей охотничьим срезом, – наставительно произнес варяг. – В шею бей. Жилу порвешь – не уйдет. – Как будто Духарев раньше лосей не бил.

– Понял, не дурак, – проворчал Серега, толкнулся и побежал, легко подминая снег.

Одна приятная новость: до места базирования волохов уже недалеко. Хотя, если вдуматься, куда спешить? Здоровая и интересная жизнь, нормальные мужские развлечения. Что бы он сейчас в Питере делал? Гонял в чужой тачке по слякоти, считал бабки, шмыгал носом, перемогая очередной вирус... Ну, еще сидел бы с корешами в кафе и водку кушал. Да предложи он Димке или Вовану с луком на лося поохотиться, они от восторга икру черную метать начнут. Нет, нечего Духареву на судьбу пенять! Вот только без девочек скучновато. Еще месяц-другой – и Серега дедову горностаиху трахнет, честное слово!

Глава двадцатая Лось

Сэнсэй, как всегда, оказался прав. И часа не прошло, как Духарев углядел между стволами темно-серый бок.

Серега воткнул в землю рогатину, очень осторожно стянул налуч. Тетиву он поставил загодя. Откинув крышечку с колчана, Духарев по перу определил ту стрелу, которая с широким наконечником без зазубрин: охотничий срез. Вытянул, наложил. Ветерок холодил Сереге в правую щеку, поэтому он принял влево, тихонько, по дуге, заходя с подветренной стороны.

Лось, точно, оказался небольшой, безрогий. Рылся в снегу, выщипывал из-под сугроба

свой лосиный хавчик.

Серёга подобрался к нему шагов на тридцать, пристроился за деревом, выпрямился... Над головой заорала сорока.

«Ах ты падла!» – подумал Духарев.

Лосек вскинул горбоносую морду, понюхал, ушами пошевелил, поглядел в Серёгину сторону... Серёга приник к стволу...

Не углядел его зверюга, снова уткнулся в снег. Духарев медленно натянул тетиву...

Щелчок! Тетива мощно хлестнула по рукавице и загудела. Лось подпрыгнул... И чуточку припоздал. Стрела успела раньше. Вошла на ладонь ниже того места, куда целил Духарев, но вошла вроде хорошо. В горло.

Лось захрапел и большими прыжками кинулся прочь. Серёга – за ним. Лосиная кровь ярко выделялась на снегу, так что даже такому хреновому следопыту, как Духарев, потерять след было мудрено.

Метров через пятьсот Серёга увидел свою стрелу. Может, сама выпала, может, сохатый копытом скосырнул. Стрела была попорчена, но наконечник, весь в алой крови, целый. Духарев стрелу подобрал.

Между тем прыжки зверя становились короче, а крови, до земли проплавливающей снег, – больше.

И пятнадцати минут не прошло, как Серёга снова увидел зверя.

Лось лежал на снегу, голову еще держал, но она упорно клонилась книзу. Вокруг лежки все алело от крови.

Серёга, не сбавляя шага, двинулся к зверю. Лось вскинул голову... и вскочил!

За те пару секунд, когда разъяренный сохатый летел на него, Духарев успел остро пожалеть о том, что оставил рогатину. А меч свой, в ножнах, к седлу притороченный, он вообще как наяву увидел. Громадная зверюга неслась на Серёгу с каким-то утробным ревом... Духарев отпрыгнул (на лыжах!) в сторону, шарахнулся за дерево. Лось живым снарядом пронёсся мимо... и уткнулся оскаленной мордой в сугроб.

Когда Серёга, очень осторожно, подошел к нему, лось был еще жив. Но глаз его уже подернулся смертной мутой.

– Извини, бродяга, – сказал Духарев, ощущая смутную вину. – Так надо.

Чиркнул ножом по мохнатому горлу. Свистящий звук, лось дернулся и затих. Теперь он не выглядел огромным.

Серёга вынул топорик, поискал взглядом что-нибудь хвойное, не нашел. Пришлось вязать волокушу из голых веток. Взгромоздив на нее тушу, Серёга впрягся и пустился в обратный путь по собственной лыжне. По дороге подобрал рогатину.

Уже начало темнеть, когда навстречу ему выехал Рёрах.

Заночевали, где встретились.

Серёга свалил два сухих дерева, варяг ловко расщепил их клиньями, уложил углом, комлями в костер. Лошадей привязали внутри, насыпали в мешки зерна. Сами поужинали лосиным языком и печенкой. Печенку, по требованию Рёрах, съели сырой.

Взошла луна. С луной опять пришли волки. На запах крови. Серые, поджарые, тонконогие, с виду совсем не страшные, но в действительности куда более опасные, чем какой-нибудь огромный домашний ньюф. Лошади забеспокоились, но привязаны они были качественно. Рёрах прикрикнул на них строго. Волки крутились совсем близко, нагло глядели на огонь. Огня они не боялись, боялись людей. Серёга вытянул из налуча лук, но только наложил стрелу, как самый наглый зверь, усевшийся буквально в двадцати шагах, тут же вскочил и серой тенью метнулся прочь.

– Пустое, – проворчал старый вояка. – Они не полезут. Вишь, брюхи набиты.

С точки зрения Серёги, «брюхи» у волков были довольно тощие, но деду виднее.

Рёрах сгреб костровые угли в сторону. Кинул на теплое место старую медвежью шкуру.

– Давай спать, – распорядился он. – Если что – лошади разбудят.

Серёге сначала было стремно спать, когда совсем рядом тусуется волчья стая, но

усталость взяла свое: уснул. Проснулся от холода – огонь уполз дальше по сухим стволам. Волки ушли. Духарев встал, еще раз сгреб уже почти остывшие угли, перетащил шкуру вместе с дедом, улегся рядом и спал до самого света.

Утром, позавтракав, смастерили из пары запасных лыж сани, привязали к ним лосиную тушу. Тащить ее пришлось Пеплу. Сам Духарев, чтобы облегчить коню жизнь, пошел рядом. Так было даже приятнее, чем стирать ляжки в седле.

«Надо бы у дедушки стремяна попросить», – в который раз подумал Духарев.

Себе. Варягу стремяна были без надобности. Он и с искалеченной ногой сжимал конские бока будто клещами. Серега так не мог. Старый вояка рассказывал: когда он еще маленьким был, отец давал ему круглую чурку, которую надо было держать между коленями. Сначала деревяшку, потом камень. После такой тренировки можно было без всяких стремян и конем управлять, и стрелять из лука на всем скаку. Правда, драться на мечах соплеменники Рёреха, он сам это признавал, предпочитали, стоя на собственных ногах.

Глава двадцать первая Волохова обитель

К Волохову капищу добрались к полудню следующего дня.

На заросшем лесом холме стоял кругом невысокий тын. На тыне, желтыми «украшениями» – черепа. Медвежьи, волчьи, человечьи, «демократично», вперемежку.

Старый вояка сполз с седла, толкнулся в ворота.

Ответом ему было злобное рычание. Не собачье, медвежье.

– Эгей! – гаркнул варяг. – Гостей привечать будем или как?

Мишка за тыном заревел еще свирепее.

– Не слышат, – заметил Духарев.

Он с большим интересом наблюдал, как исполненный сознания собственной важности варяг выйдет из ситуации.

Варяг из ситуации вышел достойно. Вскарабкался обратно в седло, откашлялся, приставил ладони к губам... и испустил леденящий душу вой такой силы, что конь под Духаревым шарахнулся, а варягова лошадка аж присела от ужаса.

На медведя по ту сторону забора могучий звук тоже, вероятно, произвел впечатление. Потому что рычать мишка больше не осмеливался.

Варяг глотнул из фляжки – промочил горло.

Ворота с натужным скрипом приоткрылись. За воротами обнаружился придурковатого вида парень, босой, в ветхой дерюжке, и скрюченная бабка с клюкой, плотно упакованная в меха.

Въехали. Парень запер ворота. Вокруг всадников завертелись кудлатые крупные псы. Собственно, их больше занимали не всадники, а лосиная туша. Варяг наехал на них. Один из обиженных его грубостью псов попытался цапнуть варягову кобылку, но схлопотал от ее наездника древком по морде и с визгом удрал. Остальных разогнала бабка, орудующая своей палкой с нестарческой лихостью.

– Никак сам Рёрах-ведун пожаловал! – проскрипела она.

Из огромной конуры выглянул мишка. Закосолапил к ним, гремя цепью. Серега взялся было за рогатину, но прикинул, что длины цепи до них не хватит, и успокоился.

– Где все? – спросил варяг, спешиваясь.

Духарев последовал его примеру.

– Дык праздник! – удивилась бабка. – Где народ – там и волохи. На требище. Здеся токо я, старая, да вон дурень. А это кто с тобой?

– Ученик.

– Ой как! И никак из кривичей? – Бабка прищурилась... И вдруг свирепо замахнулась клюкой: – Сгинь! Сгинь! Кыш отселя, злая сила!

Серега еле успел увернуться – едва палкой по голове не схлопотал.

– Взбесилась, ведьма старая? – поинтересовался он.
– Хорошо ты, Шорка, гостей привечаешь! – захохотал варяг.
– От таких гостей мясо слезет с костей! – сварливо проскрипела старуха, описывая клюкой замысловатые кривые. Пальцы ее свободной руки при этом сплетались и расплетались, образуя хитрые фигуры.

Справа от них мишка мощно скреб землю. Видно, рассчитывал подтянуть ее к себе вместе с лосиной тушей.

Старуха вдруг села на снег и часто задышала.

– Че, не выходит? – ехидно поинтересовался варяг. – Ты, старая, лучше подумай малость: стану ль я с кромешником по лесу раскатывать?

– Дык видно ж! – обиженно заявила старуха и надсадно раскашлялась.

– Да что тебе видно, осине корявой! – в сердцах буркнул Рёрах. – Давай в дом вежи да кашей корми. А дурню своему вежи баню растопить, понятно?

– Чего ж непонятного. – Бабка, кряхтя, поднялась со снега, отряхнулась. – Обычай знаю. Токо ежели ты кромешника привел, Медогар ты в барсука обернет. Не, не в барсука, в росомаху. Она к твоей природе ближе будет! – Старуха хихикнула и заковыляла в дом. А Рёрах с Серегой двинулись к конюшне. Судя по тому, как хорошо варяг ориентировался на здешнем подворье, был он тут далеко не впервые.

Глава двадцать вторая Банька

Рёрах и Духарев валялись на деревянных лавках, завернувшись в льняные простыни, поочередно черпали ковшом из кадушки холодный ядреный квас (Серега предпочел бы пиво, но и квасок был хорош) и вежи неспешные речи на банные темы. Начали с веничков (Рёрах отдавал предпочтение можжевельным и дубовым), а затем как-то незаметно перешли на сакральное. До сих пор Серега считал, что хорошенько попариться полезно для здоровья и приятно для организма, ну и, разумеется, пивка попить в хорошей компании, поболтать о том о сем... И тут Духарев с крайним удивлением узнал, что варяг придает простому «помыться-попариться» ну просто мистическое значение, а парную рассматривает едва ли не как вход в преисподнюю. И каждому элементарному действию, вроде «поддать парку», придается некий особенный символический смысл. Вот бы удивились Серегини питерские кореша!

Варяг поучал, Серега слушал вполуха, расслаблялся и думал о том, что не худо бы пожрать, но вставать лениво. Рёрах отпарил его очень качественно. Ежели человек может в две руки мечами махать, так неужто с вениками не управится? Но Духарев тоже в грязь лицом не ударил и так прошелся по дубленой варяговой шкуре, что у того даже многочисленные шрамы побагровели.

– ...Не слушаешь! – констатировал Рёрах, с презрением глядя на ученика. – А зря. Только и будет в тебе умения, что железом рубить да весло ворочать. Никогда те с таким пониманием своим хирдом не водить!

Варяг уселся, взял свой протез, собираясь приспособить на место.

– Чем водить? – удивился Духарев.

– Хирдом, дурная голова. Так нурманы ватажку воинскую называют.

– Так я ж не нурман, – резонно заметил Духарев.

Тук! – деревянное основание протеза больно хлопнуло Серегу по макушке.

Духарев подскочил, потирая ушибленное место, с опаской поглядел на наставника.

Варяг ухмыльнулся.

– Однако, кость, – заметил он. – Я думал: деревяха.

– Шутки у тебя... – пробормотал Духарев и потянулся за одеждой. – Кормить нас будут?

– А ты понюхай, – предложил варяг.

Серега понюхал, но нос его не уловил ничего съестного.

– Горе с тобой,– сказал варяг.– Мясом жареным пахнет. Не иначе лосенка твоего пекут.
– Тогда хорошо,– кивнул Серега и нацепил цепочку с крестиком.
– Ты б его лучше спрятал,– посоветовал варяг.– Мне-то без разницы, но многие тут вас, христиан, не любят.
– Да? – переспросил Духарев.– Ну так это их трудности.
– А если сам Волох обидится?
Серега поглядел на варяга: серьезно говорит или так, испытывает?
Изуродованное лицо старика было непроницаемо.
– Ну, не знаю,– Духарев пожал плечами.– Если я крест сниму, я ж христианином быть не перестану. Неужели твой Волох без крестика во мне христианина не признает? А уж с людьми я как-нибудь разберусь. Твоими науками.
– Даже не вздумай! – строго сказал варяг.– Только попробуй здесь кровь пролить, дурень тупоголовый!
– А что будет?
– Смерть тебе будет! – отрезал Рёрах.– Волох только одну кровавую жертву принять может, а за иное – по башке да под лед.
– Ага... Понял,– пробормотал Серега. А через некоторое время спросил: – Рёрах, а о какой кровавой жертве ты говорил?
Варяг ухмыльнулся:
– Придет время – узнаешь. Если повезет.

Глава двадцать третья Карнавал по-волоховски

Они вернулись, когда белое зимнее солнышко прошло три четверти своего дневного пути. Ввалились во двор шумной толпой, с воплями, ревом, улюлюканьем. Их было так много, что на подворье сразу стало тесно, а перепуганный мишка смылся в свою здоровенную будку и выглядывал оттуда с большой опаской. Гремели барабаны, трещали трещотки, гудели, свистели и мычали дудки, бренчали и звякали бубны, успешно соперничая с зычными глотками.

Признаться, Духарев, вышедший во двор вместе с наставником, даже слегка обалдел, увидев эдакое нашествие невиданных зверей. Он на какое-то время решил, что это нахлынула армия лесной нечисти: всяких там леших и кикимор, о которых так занимательно рассказывал Рёрах. И только приглядевшись, убедился, что это не лешие, не гориллы и даже не медведи, а просто толпа людей, обряженных в меха и шкуры, навесивших на себя всякие финтифлюшки и размахивающих совершенно уж невообразимыми предметами. Например, один здоровенный мужик в оленьей шкуре был счастливым обладателем загнутого мамонтового бивня килограммов на сорок, не меньше. Мужик приплясывал и вертелся. Выставляя бивень перед собой, мужик активно изображал из себя секс-символ.

«Если он уронит его на ногу, экстаз ему обеспечен!» – подумал Духарев. И тут его внимание переключилось на более интересные персонажи. Например, на нечто очень и очень аппетитное, с круглой розовой попкой и другими интересными детальками, не менее увлекательными. Это «нечто» вертелось и подпрыгивало перед самым крыльцом с такой быстротой, что меховая одежда разлеталась в стороны. Время от времени нечто приостанавливалось в очень пикантной позе, в которой под меховым прикрытием оказывалось то, что обычно доступно взгляду, а то, что, как правило, спрятано от посторонних глаз, наоборот, щедро подставлялось нежарким солнечным лучам и куда более горячему и пылкому взору Сереги Духарева. Истосковавшийся организм Сереги немедленноотреагировал, причем не ограничился слюноотделением и повлажневшими ладошками.

– Иди, попляши, попляши! – гаркнул варяг, сопроводив слова энергичным толчком в спину, от которого Духарев слетел с крыльца, воткнулся во что-то меховое, обхватил это что-то и убедился, что под мехом спряталась парочка гладеньких и теплых зверьков...

– И-и-и-и! – ликующе взвизгнула их счастливая обладательница, длинные светлые

волосы которой смешались с кудлатым париком из конского волоса, взвизгнула, уткнулась головой в утоптаный снег и дернула Духарева за то, что Серега абы кому дергать не позволял. От неожиданности Духарев выпустил блондиночку, та перекувыркнулась через голову – мелькнули голые ляжки и то, что между ними, – и, еще раз взвизгнув, смешалась с прочими танцорами. Серега слегка опешил, но толпа уже захлестнула его, завертела. Кто-то сунул Духареву в руку желтый бычий рог, кто-то нахлобучил на макушку нечто вроде огромного вороньего гнезда. Все вокруг брэнчало и трещало, выло и визжало.

«Ах ты мать твою! – подумал Духарев. – Гулять так гулять!» Испустил могучий клик «боевого динозавра» и завертелся, запрыгал еще шибче прочих, поскольку был сыт, свеж и силен.

Эт-то было кла-ассно! Супер! Улет!

Серега был весел и пьян в дугу, хотя даже кружки пива не выпил. Он неистовствовал, как нажравшийся «эксти» дискофил. Но он был круче! Он был такой крутой, что земля под ногами была, как батут, а руки – как лопасти турбины. Бычий рог он где-то потерял – ну и хрен с ним. Серега хватал тех, кто подворачивался под руку, и швырял вверх. Некоторых потом ловил, некоторых ловить забывал, но они все равно падали на мягкую кучу-малу, которая образовалась вокруг. А потом в эту кучу затянули и Серегу, и как-то так вышло, что уже через секунду Духарев оказался без штанов и прочего и ворочался, голый, на жестком меху, пока не подмял под себя какую-то ведьмочку с размалеванной черным и красным мордочкой... А затем ведьмочка красно-черная куда-то сгинула, и Серега окунулся в прелести рыженькой, как лисенок...

– Значит, это твой ученик. – Медогар, большой волох, здоровенный, почти Серегиного роста, с бородищей, заплетенной в косы, и такими блестящими живыми глазами, что впору шестнадцатилетней девчонке, а не сидящему мужичине.

– Мой, – кивнул Рёрах.

– Хорош, – отметил волох и подмигнул Духареву. – Слыхал я, Шорка тя палкой со двора гнала?

Серега оглянулся на варяга. Рёрах только ухмыльнулся.

– Было дело, – признал Духарев.

– За что – знаешь?

Серега пожал плечами.

– Может, головкой слабая? – предположил он.

– Ишь каков! – сказал не то с одобрением, не то с осуждением Медогар, обернувшись к Рёраху. – Что ты хочешь для него, ведун?

– Хочу знать, – строго произнес варяг.

– Ты – ведун, – заметил волох.

– Я не вижу, – с ощутимым недовольством сказал Рёрах.

– Что дашь?

– А чего тебе надо?

Медогар усмехнулся и снова подмигнул Духареву.

– *Моему* твой ученик люб, – сказал волох. – Не полон он здесь. Как ты. А жизни в нем – поболее, чем у тебя.

– Я старый, – бесстрастно произнес Рёрах.

– Поболее, чем у молодых, хоть и не наш он, – заметил Медогар. – Равных ему я днесь не видал. Что скажешь?

– Я *вижу*, – с упором ответил Рёрах. – Что ты хочешь?

– Крови его хочу.

«Ну вот, приехали!» – забеспокоился Духарев.

– Мало тебе той крови? – Варяг усмехнулся.

Он и не думал протестовать: похоже, вампиры устремления волоха не вызвали у Рёреха протеста.

– Чистой крови хочу! – заявил волох. – Дашь – попрошу *моего* приподнять завесу. Не

дашь... – Волох нахмурился.

– Что тогда? – с ухмылкой осведомился варяг. Грозный взгляд волоха его нисколько не испугал.

– Тогда будете гостями у нас три дня. А потом идите своей дорогой. Вражды между нами нет.

– Добро, – кивнул Рёрах. – Будет тебе чистая кровь. Он у меня парень крепкий.

Глава двадцать четвертая Жертвоприношение

Все попытки Духарева вызнать что-то о предстоящей процедуре разбивались о глухую стену молчания. Варяг, услышав вопрос, демонстративно отворачивался. У Сереги даже появилась мысль: свалить, пока еще не поздно. Но он не очень-то представлял, как это сделать. Оружия у него не было. Гостеприимный дом, где их с Рёрахом разместили, представлял из себя один большой сарай со столами, лавками, тремя печами и целой прорвой всякого народу. Рёрах был единственным варягом в этом разномастном сборище. Но воины тут были, хоть и не варяги, и без оружия, но вполне узнаваемые. Если бы Серега твердо решил удрать, может, ему это и удалось бы. Но он, как учили, сначала прикидывал и присматривался: не бежать же в одной рубашке да на своих двоих. Эдак, по зимнему времени, и лыжи отбросить можно. В общем, пока Духарев прикидывал, да приглядывался, да, совершенно уж ни к чему, пытался угадать, с кем из этих веселых девчонок да бабенок он успел перепихнуться на шкурах под зимним солнышком, время ушло. В гостевом доме появились три внушительных волоха в волчьих шкурах и решительно двинулись сквозь толчею к Сереге Духареву.

– Пошли, – скомандовал тот, что постарше, с бородой и волосами чистейшего белого цвета.

– Иди, – сказал Рёрах.

И Серега пошел.

Повели его в баню.

– Да я мытый! – попытался протестовать Духарев, но протест был отклонен. Единственное, что смог сделать Серега, это стянуть с шеи крестик и спрятать его в кармашек сапога. На всякий случай.

После бани Духареву был устроен медицинский осмотр. В медкомиссию вошли три волоха и бабка Шорка. Обследовали его тщательно: обстукали, ощупали, даже обнюхали, убедились, что ни паршой, ни геморроем Духарев не страдает, дотошно изучили каждый шрам и потертость... Особое недовольство вызвало состояние Серегиных зубов. А ведь он, наивный, считал, что зубы у него отличные. Всего полдюжины пломб.

В общем, складывалось такое ощущение, что его собираются в космос отправить, а не кровь пустить. Хотя, может, Медогар велел подчиненным удостовериться, что Серегина кровь действительно чистая.

Последней в дело вступила Шорка. Попрыгала около голого Духарева эдаким колченогим гномом, пощипала что-то из воздуха вокруг Сереги и под конец изловчилась и тюкнула его палкой по затылку. Духарев с огромным удовольствием отобрал бы у нее палку и поломал об колено. Лучше – об бабкино. Но не посмел. Уж с больно важным видом наблюдали волохи за Шоркиными манипуляциями: кивали, обменивались непонятными замечаниями. Один к одному: комиссия патологоанатомов, наблюдающая за проводящим вскрытие коллегой.

Когда Серегу в чем мать родила вывели во двор, там уже начало темнеть. У крыльца стояли крытые сани с упряжкой... из двух лосей. Серегу сунули внутрь, дали заячье одеяло, чтоб не замерз, зашнуровали вход – и тронулись.

Окна в повозке отсутствовали, но, судя по звукам, эскорт у Духарева был не маленький. Ехали долго, Серега даже вздремнуть успел.

Возок остановился, заднюю стенку расшнуровали, и Серега вылез на свет. Вернее, во

тьму, потому что была ночь.

Вокруг было много людей и почти столько же факелов. У трех опекающих Духарева волохов факелов не было.

Серге жестами показали, куда идти, и он пошел, очень надеясь, что идти недалеко. К долгим переходам босиком по снегу Духарев был не приучен.

Серегины надежды отчасти оправдались. Пару минут они карабкались на поросшую соснами горку, а потом остановились... У входа в пещеру.

«Так,— подумал изрядно подмерзший Духарев.— Сначала в „моржи“, потом в спелеологи».

— Да иду я! — недовольно сказал Серега подтолкнувшему его в спину волоху.

Тот скроил недовольную рожу и приложил палец к губам. Дескать, подопытному говорить не положено.

Под землей было теплей, но не настолько, чтобы удалось согреться. Большая часть эскорта осталась снаружи, но когда Серега, спускавшийся вслед за двумя волохами по узкому коридору, оглянулся, то увидел позади длинную цепочку огней — и получил палкой по шее: не оборачивайся.

Целью путешествия оказалась низкая пещера с озерцом в центре. В пещере пованивало. Вроде бы тухлыми яйцами. Сереге дали понять, что ему следует влезть в озерцо.

«Накаркал! — подумал Духарев.— Посвящение в „моржи-спелеологи“».

Его ждал приятный сюрприз. Вода оказалась горячей. Градусов сорок пять. Воняло, кстати, именно от воды.

Сопровождающие выстроились вокруг и по знаку волоха, который «пас» Духарева, занялись вокальными вариациями на звериную тему: завыли, заревели, загоготали... В общем, как Серегины питерские кореша после пятичасовой пьянки: громко, заунывно, слов не понять... Зато дружно!

Выпить дали только Духареву. Волох-опекун время от времени совал Сереге в рот горлышко кожаного бурдюка. Внутри бурдюка был нелюбимый Духаревым мед, так густо насыщенный травами, что горечь полностью забила сладость.

Бурдюк был здоровый, литров на пять, и когда Серегу наконец извлекли из «ванны», от этих пяти литров не осталось и половины, а подземный мир вокруг Серегу кружился и качался, как после полутора бутылок водки.

«И с чего это я так окосел?» — подумал Серега.

Но настроение было оптимистичное.

Два волоха взяли Духарева под белые руки и повели дальше. В следующую пещеру, пошире и повыше первой.

Главным украшением этого помещения был здоровенный идол ржаво-красного цвета. Идол изображал сидящего дядьку, наклонившегося вперед, упирившегося ладонями в колени растопыренных ног. Рожа у дядьки была грубая и малопривлекательная, борода струилась по груди и животу до самых первичных половых признаков, которые резчик изобразил с куда большим тщанием, чем идолу физиономию.

— А! — сказал идолу веселый Духарев.— Здорово, дед! Ты кто такой? — И с пьяной фамильярностью полез похлопать деревянного дядьку по мужским достоинствам.

— Не смей! — Резной посох уперся в живот, и Серега увидел Медогара.

— И ты тут? — удивился Духарев.— А ты что здесь делаешь?

Серегу подхватили и оттянули назад. Он не возражал.

— Нормально, пацаны,— пробормотал он.— Я вас всех люблю...

Четверо волохов принесли откуда-то квадратный помост и разместили меж пяток идола. Помост представлял из себя дощатую платформу, закрепленную на четырех столбиках. Поверх платформы был расстелен белый войлок, а на войлоке... привязанная за руки и за ноги, лежала на спине маленькая девчушка лет одиннадцати.

Серега с полминуты глазел на нее, изо всех сил пытаясь сосредоточиться, потом повернулся к Медогару.

– Слушай, – сказал он. – Ее-то зачем принесли? Ты вроде мне кровь пускать собрался, я так понял?

Медогар покачал головой:

– Она – твоя, человек с половиной души. Она дана тебе, чтобы ты взял ее и смешал свое семя с ее чистой кровью.

До Сереги дошло не сразу. Но когда дошло, половина хмеля тут же выветрилась из башки.

– Ты что, дед, охренел? – спросил он. – Ей же еще года три минимум в куклы играть.

– Она готова, – не пытаясь скрыть нетерпения, произнес Медогар. – Приступай!

– Да пошел ты в жопу, козел бородатый! – разъярился Духарев. – Я не садист, понял! И детей не поганю! Понял, козлина?

Наверное, главный волох не ожидал от Сереги такого фортеля, потому что он был настолько обескуражен, что на несколько секунд утратил дар речи.

Но его подчиненные действовали решительнее. На горло Сереге накинута удавку, рванули в разные стороны...

– Нет! – взревел Медогар. – НЕ СМЕТЬ! ОТПУСТИТЬ ЕГО!

Ремни ослабели, и Духарев сорвал с шеи петлю.

Он оглянулся, прикидывая, как половчее выхватить у кого-нибудь посох...

Медогар шагнул вперед и положил ладонь на грудь Духарева.

– Я понял тебя, – произнес он без гнева. – Твои помыслы достойны уважения, но ты ошибаешься. Это чистое дитя богов уже уронило первую кровь. Поверь, она жаждет близости с тобой! Это – честь для вас обоих! Присмотрись к ней... – Он взял Серегу за локоть и подвел к помосту.

Наверное, волох был прав: малышка созрела для взрослых игр. Наверное, она была симпатичная: беленькая, кожа гладкая, животик...

Наверное, зря он возмутился. У них свои обычаи, и это все-таки лучше, чем перерезанное горло.

– А можно ее хотя бы отвязать? – попросил Духарев.

– Нельзя, – спокойно ответил Медогар. – Возьми ее.

Серега присел на корточки, положил ладонь на влажное бедро и почувствовал, как малышка дрожит. Личико у нее было маленькое, круглое, губы – влажные, ротик приоткрыт...

– Я, наверно, не смогу... – пробормотал Серега.

– Сможешь, – настойчиво проговорил Медогар. – Мы знаем, как ты силен. Если ты не сможешь – *он* разгневется. Большая беда будет. Всем.

– Да не могу я... – сердито сказал Духарев. – Не понимаешь, что ли? Это твоя идея! Придумай что-нибудь!

Медогар нахмурился... Но через мгновение лоб его разгладился. Он подозвал одного из волохов, пошептал ему на ухо. Тот поспешно удалился.

Ждать пришлось почти час. За это время Серега успел допить бурдючок, а волохи – дважды сменить факелы.

Посланный наконец вернулся. И привел с собой рыженькую.

Рыженькая, очень смущенная, быстренько разделась.

– Помнишь ее? – улыбнулся Медогар.

Серега помнил. Не лицо, конечно. Лица он тогда не разглядел, но все остальное помнил отлично.

– Ну это же совсем другое дело! – Духарев расплылся в улыбке. – С ней – хоть до утра!

Медогар покачал головой.

– Она поможет тебе обрести силу, – сказал он. – Но семя твое достанется не ей. Она не девственна.

– Вот блин! – пробурчал Серега. – Как вы меня достали со своими правилами!

Он справился. С помощью рыженькой. Но осадок остался крайне паскудный. Обидно!

Такой хороший день испортили!

Настроение Духарева не улучшилось, когда, пообщавшись с Медогаром, Рёрах сообщил подопечному, что тот – большой прушник. Не умея главный волох читать в людских душах – гореть бы сейчас обездушенному Серегину телу в очистительном пламени. За оскорбление божества не-действием.

Впрочем, общими результатами ночного «жертвоприношения» варяг остался доволен. Поскольку Медогар подтвердил свое обещание. Через пару дней, когда Духарев полностью восстановит силы, его снова отправят в «астральное путешествие». И с помощью волоха-человека и Волоха-бога выяснят, для чего он, Серега Духарев, явился на эту многогрешную языческую землю.

Глава двадцать пятая Гулять так гулять!

А праздник все продолжался. День сменяла ночь, ночь сменял день... Еще в сумерках санный поезд: собачьи упряжки, сопровождаемые гурьбой лыжников, уносились на капище – к Хорсу, Дажьбогу, «светлому» Волоху и прочим «дневным» богам. Там язычники встречали солнце, ели, пили (Серега подозревал, что и в еде, и в питье – изрядная примесь наркоты), затем катились обратно, уже в личинах, размалеванные, под бубны и дудки, с плясками вваливались на подворье, и уже через полчаса шкуры валялись на снегу, а разгоряченные тела мужчин и женщин содрогались в древнейшем из танцев. Самых выносливых хватало часа на полтора. Неплохой результат, учитывая предыдущие нагрузки. Потом был расслабон под ясным небом, под лучами Хорса, чей светлый лик за все это время ни разу не затмила тучка. Деловитые, облаченные в меха жрецы перешагивали через голые тела, раздавали и собирали чаши с горячим медом, иных, совсем утомленных, поили с рук. Тех же, кто вычерпался до доньшка, поднимали и уносили в дом. Насладившись групповушкой и позагорав, народ отправлялся обедать. После обеда наступал тихий час, вернее, несколько часов, после которых веселье возобновлялось с новой силой. В программу входили катания с гор, состязания в беге, борьба (без оружия) и всевозможные игры. В играх Серега с большой охотой принимал участие, но к победе не стремился. Дух соперничества в нем как-то ослабел, что особенно чувствовалось, если Серега присоединялся к веселью пораньше и успевал до обеда и на шкурах накувыркаться, и позагорать с кайфом. Никогда раньше он не думал, что можно загорать зимой. Оказывается, можно, и совсем не холодно.

С темнотой большая часть народа перемещалась под крышу, а меньшая часть отправлялась служить Волоху-темному. Непосвященные к этому ритуалу не допускались. Они могли подождать снаружи, что было, разумеется, не так интересно, как послушать пение сказочника или поиграть в угадайку.

Они все были как дети. Безусые юнцы, розовощекие девчонки и пышногрудые тети с бородатыми дядями. Мальчишка-подмастерье и плечистый воин, чьи руки испещрены шрамами, формально были равны и наравне участвовали во всех игрищах. А вот у Рёрах и, соответственно, у его ученика статус был особый. Прямо скажем, привилегированный. Например, понравилась варягу некая розовотелая девица, подозвал варяг волоха, показал на девицу мозолистым пальцем – а вечером указанная девица, весьма польщенная, оказалась у Рёрах в постели. Серега подозревал, что он имеет такие же права, но не опускался до того, чтобы по столь деликатному поводу обращаться к жрецам. Ему и так не отказывали.

Где-то на пятый день их пребывания у волохов Серега все же спросил у наставника, на каких правах они здесь находятся.

– Ты – на сорочьих, – ухмыльнулся варяг.

– А ты?

– А я... – Рёрах на мгновение задумался, потом нашел подходящее сравнение. – Император ромеев нанимает северных воинов, чтобы охраняли его от врагов. Этим воинам не обязательно любить императора, и поклоняться его богам тоже не обязательно, хотя и не запрещается. Воины служат императору, и он дает им деньги, пищу, женщин и позволяет

развлекаться по собственному обычаю... Если они достойно несут свою службу. Я почитаю Волоха и служу ему, но я не раб ему и не жрец. Все понял, репка-сурепка?

Сергея кивнул. Его такой подход тоже устраивал. Он тоже не раб языческого бога и поклоны бить ему не намерен. Но если выпал случай повеселиться, так почему бы и нет?

Однако все хорошее, равно как и плохое, рано или поздно заканчивается. В первую очередь это относится к праздникам.

Как-то вышел Сергей Духарев на крылечко и увидел, как выводят из конюшни лошадок, разбирают сложенные штабелем розвальни. Увидел, как деловито суетятся вчерашние сотрапезники, а недавние подружки, смыв с бровей чернь, чистят снегом шкуры и сворачивают их рулончиками, прежде чем уложить в сани. И понял Сергей – празднику конец. Началась обычная жизнь, и в этой жизни Сергей им уже не нужен. Четверо гридней, может, из Полоцка, может, из Витебска или еще откуда, оседлали застоявшихся лошадок, шикуя, разом взлетели в седла. Один наклонился, вручил волоху-привратнику мешочек. Деньги, вероятно. Другой засвистел и пустил коня вскачь, обгоняя сани и пеших. Остальные пустились за ним. Звонкий девичий голос что-то крикнул им вслед.

Сергей неприкаянно бродил по двору. На него обращали внимания не больше, чем на обленевшихся кудлатых псов. Кто-то толкнул его в поясницу. Духарев обернулся. Мишка. Такой же неприкаянный. Сергей почесал ему лоб. Мишка печально вздохнул.

– Сергей!

К Духареву спешил волох.

– Идем, Сергей! Медогар кличет.

Глава двадцать шестая, в которой Сергей Духарев снова глядит в воду и узнает довольно неприятные новости

– Будут тебе видения, – наставлял Медогар. – Будут тебе картины от тех, кто любит тя, кого ты любишь, кто думает о тебе в этот час или помнит. Но ты картинами не прельщайся! Гони их прочь и тянись в самое нутро, пока двойня своего не увидишь. А уж его хватай и держи. Он оборачиваться будет: может, змеей, может, волком иль огнем, но ты не бойся. Зла он тебе не сделает, потому что он – это ты. Держи его крепко, а как устанет он оборачиваться, то просить будет: отпусти меня. А ты ему и скажи, не голосом, сердцем скажи: «Кто ты есть, и от кого твоя силушка?» И слушай его, но уже не сердцем, потому что сердце он обманет, а разумом мертвым слушай...

А зелье уже действовало. Чувства обострились, мир стал четче и объемней, проник внутрь, стал частью Сергея. И Духарев тоже стал частью мира. Легко.

– Гляди, – велел волох, нажимая на Сергеев затылок и наклоняя его голову книзу, к поверхности прозрачной талой воды. В воде плавали редкие льдинки, а сквозь нее просматривалось неровное дно медного таза. – Гляди!

Сергею потянуло книзу, нос его едва не коснулся воды...

Волох одобрительно зацокал языком. Совсем по-беличьи. Рёрах ухмыльнулся. Сергей не видел, но слышал, как старый варяг самодовольно кривит рваную губу...

– Ты гляди, гляди, молодец! – внезапно ударил в ухо голос Медогара, и Сергей обнаружил, что уже довольно долго сидит не шевелясь, наслаждаясь своим состоянием...

Опомнившись, Духарев посмотрел в таз. Тонкие льдинки растаяли. Вода была гладкой, темной. Теперь в ней отражался огонь лучины и, смутно, – Сергеево лицо. Может, это и есть двойня, о котором говорил Медогар?

Духарев потянулся к отражению, к воде, под нее, ощутил, как эта талая влага незримо связана со всей влагой мира. С ее источниками, реками, морями... У нее не было дна, и в эту бездонность всегда уходила жизнь. И приходила тоже из нее.

«Сейчас, – подумал Сергей. – Я сделаю, что велено. Только разок погляжу, как они там».

Одной мысли было достаточно, чтобы Сергей увидел Сладу. И увидел не дома, не в лавке, а в совсем незнакомом месте, какой-то захламленной комнатухе без окон. Впрочем,

занималась Слада делом привычным: растирала что-то в ступке. Минуту спустя дверь в каморку-чуланчик открылась. Слада подняла голову, и Духарев понял, что она недавно плакала. Слада встала, сделала шаг. Маленький. Ноги ее были скованы цепью!

Вошедший протянул руку, девушка вручила ему небольшой пакетик. Человек повернулся и вышел. Но в самый последний момент Духарев узнал его и вспомнил: один из приказчиков Горазда...

Сильный толчок, резкий запах, резанувший ноздри.

Духарев дернулся, отстранился, сморщился от вонючего дыма. Волох тут же загасил чадающее пламя, передал железную чашку варягу, взял другую, с питьем, влил Духареву в рот какую-то дрянь, затем крепко взял Серегу за уши и целую минуту мят их довольно жестоко.

Когда остатки транса выветрились из Духарева, а осталась только слабость и сердцебиение, волох оставил его истерзанные уши и развернул Серегу к варягу.

– Ты что сделал, репка-сурепка? – рыкнул Рёрах, приблизив к Серегиним глазам изуродованное лицо. – Я тя для чего сюда привел? Корень твоего духа искать я тебя привел! А ты, недоумок, что сделал?

– Не кричи, – пробормотал Духарев.

Язык шевелился трудно.

– Не кричи, – прошептал он. – Завтра еще раз сделаем. – И услышал короткий смешок Медогара.

– Совсем дурной, – сказал Рёрах, обращаясь уже к волоху.

– Он не знает, – отозвался жрец. – Ты ему не сказал. Завтра нельзя, Серегей. До нового месяца нельзя. Кто часто за край глядит, того туда и утянет.

– Тогда все, – Духарев встал. Его пошатывало. – Рёрах, мне надо ехать.

– Надо? – мохнатая бровь поползла вверх.

– Извини, дед! Надо! Оседлай мне Пепла. У родичей моих беда.

– Обождут, – отрезал варяг.

– Что говоришь, ведун! – воскликнул Медогар. – Что говоришь! Род – это свято!

– Да куда он такой поедет? – фыркнул варяг. – Свалится в сугроб по дороге!

По тому, как отрывисто говорил Рёрах, Духарев сообразил: дед смущен волоховым упреком. Потому что поначалу и вовсе не собирался отпускать Серегу по родственным делам.

Чихал он на проблемы духаревских родичей.

Но сейчас он был прав. Не усидеть Сереге в седле.

– Завтра и отправимся, – решительно заявил варяг. – Ты, Медогар, вот что: спать его в бане положи. Беззащитен он ныне. И девку подошли. Греть.

– Девку не надо, – возразил Духарев. – Сам согреюсь.

Волох и ведун переглянулись. И усмехнулись совершенно одинаково.

Мнение Духарева их интересовало не больше, чем мнение цепного дворового мишки. А может, и еще меньше.

– Я с ним посижу, – сказал Медогар. – Обороню. Не тревожься, ведун.

Снилась Сереге девочка на белом войлоке. Между деревянных колен идола. Серега склонился над ней, поцеловал и увидел, что это не та девочка, а его Слада. И рассердился Серега, потому что никому не разрешал приковывать ее цепями. И схватил он ближнюю цепь, и разорвал ее, как бумажную бечевку, а когда схватил вторую, то его самого схватила чужая рука. И пальцы у этой руки были из дерева: каждый – толще Серегинаго запястья. Сжались эти пальцы – и захрустела кость.

Но Серега не сдался. Кинул свободную руку за спину, выдернул меч и отсек схваченную руку...

– Ой, злые ему сны снятся... – пробормотала девка, отирая пот с Серегинаго лба.

– Не злые... – обронил Медогар. – Вещие.

Глава двадцать седьмая В путь!

Старый варяг за базар отвечал конкретно. Ровно на третий день они покинули капище и отправились в обратный путь.

Еще через пять дней прибыли «домой», то есть к священному дубу. По пути Серега намекнул было, что желает побыстрее вернуться в Новый Торжок и накостылять кому следует. Предложил даже Рёреху составить ему компанию.

Насчет «побыстрее» варяг высказался в том смысле, что самая быстрая собака – это не та, которая первой кусает медведя, а та, которая после этого еще может кусаться. А насчет «составить» компанию заявил, что с таким пустячным делом Духарев и сам разберется, а если не разберется, так земля ему пухом.

Серега дулся на Рёреха весь обратный путь, но когда они оказались «дома», очень скоро обижаться перестал, поскольку по возвращении старый варяг со всей серьезностью занялся экипировкой Духарева. И снарядил его в дорогу так качественно, как сам Серега никогда бы себя не снарядил. Отдал Духареву Пепла! Вручил тугой мешочек, набитый иноземными серебряными монетами...

И еще подарил свой меч. Тот, что висел у деда в «спальне».

Подобной щедрости Серега от варяга даже и не ждал. Меч, равно как и деньги, был из воинской добычи, привезенной с юга Рёреховой ватажкой. Добычи, на которую позарился жадный плесковский воевода, но которая ему так и не досталась. А сработан меч, по словам варяга, был даже и не у ромеев, а еще дальше, и в хорошей руке мог посесть или пробить даже ромеями сработанный панцирь или без вреда принять на тупую часть клинка вражий меч. Перебить такую сталь мог разве что тяжелый нурманский топор, каким с удара разваливают щит. Но отбивать дорогим подарком топоры Серега не собирался. Равно как и без толку рубить кольчуги и панцири. Еще бы Сереге дедушкин лук... Но варяг не предложил, а Духарев попросить не решился. И так старик одарил его сверх всякой меры.

Последний вечер, проведенный Духаревым в старом дубе, был посвящен картографии. Варяг вычертил на кусках бересты фрагменты местности, потом сложил их вместе, и получилась довольно внятная карта, включавшая в себя территорию от Новгорода до Смоленска и от Суздаля до Полоцка и Изборска. Здесь были все главные тракты и все озера и реки, большие и малые. Даже и без тайных троп – неплохое подспорье для путешественника. Серега прикинул, что понадобится не так уж много времени, чтобы добраться до Малого Торжка.

Утром следующего дня Духарев отправился в путь. Варяг проводил его до смоленского тракта.

– Я вернусь, – пообещал Серега.

Рёрах пожал плечами, мол, дело твое, повернул лошадку и уехал, а Серега целую минуту глядел вслед, ощущая, как будет ему не хватать этого замечательного деда...

Пепел нетерпеливо фыркнул, Духарев встряхнулся, поморгал, прогоняя из глаз влагу, и послал жеребца вперед. Впервые с того момента, как Духарев увидел над собой резную дубовую листву нового мира, у Сереги появилась конкретная цель. Конкретное дело. Доброе дело и ощущение силы, достаточной, чтобы это дело свершить... Что еще нужно человеку, чтобы поувствовать себя мужчиной? Да ничего!

Чсть третья Варяг

Глава первая Старые знакомые...

Мохнатые ноги Пепла весело топали по накатанному санями зимнику. До городка оставалось всего километров десять. Серега с удовольствием узнавал местность. Именно по этой дорожке он топал, прикидывая, куда его занесло. Память услужливо показывала картинки, оставалось только сделать поправку на зимний сезон.

Из ноздрей Пепла вырывались клубки пара. Вчера на постоялом дворе Серега купил полмешка овса. Осталась четверть. И от варяговых, данных в дорогу, денег – тоже осталась четверть. Но Серегу это мало беспокоило. Из-за уха у него торчала рукоять меча, за который дали бы столько серебра, что для него не кошель – мешок нужен. Но Духарев меча не продаст. Да и ни к чему. Денег он заработает, не проблема. По дороге Серегу уже дважды пытались нанять охранником. Еще бы! Благодаря росту и сложению Духарев смотрелся очень даже внушительно. А меч, да еще такой длинный, что сподручней носить на спине, а не на поясе, однозначно определял его профессию – воин. Не гридень, конечно, даже не дружинный отрок (у тех не только меч, но доспехи и прочая военная снасть), но конный и оружный. Идеальный кандидат в караванные охранники.

Было бы по пути, может, Серега и подрядился бы. Но оба санных поезда двигались на юг...

Задумавшись, Духарев расслабился. Выражаясь военным языком, утратил бдительность. Решил, что он такой важный и грозный, что все вокруг должны три раза приседать от почтения. Лоханулся, короче. Забыл, что не по Михайловскому парку катается, а меч – не сотовый телефон. Могут и отобрать.

Удалец сиганул на него прямо с ветки. Сидел тихо, а прыгнул лихо. Кабы не стремяна, полетел бы Духарев на утоптаный снежок. И взяли бы его нежным и тепленьким. Но стремя выдержало, и подпруга не лопнула. Пепел гневно заржал, вскинулся на дыбы... Серега, опять чудом, не вылетел из седла – ведь на шее у него висел «грузик» килограммов под семьдесят. Духарев вцепился в гриву, разбойнички, выскочившие на дорогу, шарахнулись от молотящих воздух копыт. Пепел под двойной ношей едва не опрокинулся, попятился, но удержался, тяжело осел на передние ноги и рванул галопом, только оснеженные ветки замелькали.

– Стой! – рявкнул Духарев.

И жеребец встал. Нет, не зря Рёрах наставлял приучать коня к голосу. Руки-ноги могут быть и заняты. Так и вышло. Руками Серега в этот момент отрывал от себя неожиданного попутчика, всерьез вознамерившегося Духарева задушить. Но у Сереги были другие планы, и через секунду «прыгун» взмахнул конечностями и полетел в сугроб. Приятели «прыгуна», путившиеся было за ускользящей добычей, разом остановились. Пешему за конным гнаться – пустой номер.

Но Серега убежать не стал. Он был сердит. В первую очередь – из-за собственной оплошности. Развернув Пепла, он поглядел на лесных хулиганов, остановившихся шагах в двадцати. Увидел, что оружия дистанционного боя при них нет, а есть деревянные рогульки очень знакомого вида. И рожи у хулиганов раскрашены очень даже знакомо.

Неудачливый прыгун тем временем выкарабкался из сугроба и припустил к своим.

Серега усмехнулся. И спрыгнул на землю.

Приласкав Пепла, он закинул повод на луку седла и не спеша двинулся к старым знакомцам. Те же убежать не спешили, напротив, разошлись полукругом, изготовились. Шестеро на одного – обнадеживающий расклад. Это потому, что они еще не видели Серегу в деле. Или наоборот: видели – и вспомнили? В таком случае шаловливых мальчиков ждал небольшой сюрприз.

Двое разбойничков, что стояли в середке, попятись. А те, что по краям, – нет. Маневр был очевиден, как мухомор на полянке. Серега сделал вид, что купился, а когда снежок закрипел под ногами подбиравшихся со спины удальцов, оглядываться не стал, просто выдернул клинок да и закрутил двумя слившимися воронками. Шажок назад – один хитрец прыснул в сторону, другой, напротив, сунулся вперед, понадеявшись, что его рогулька длинней клинка.

И рогулька стала на метр короче.

– Ай-я-яй! – укоризненно произнес Духарев. – Ехал я спокойно, никого не трогал, не обижал, а вы что же?

Голос его был ровен и спокоен, хотя меч летал вокруг стрекозиным крылом.

– Ехал – и езжай, – так же спокойно отозвался один из разбойников.
Все шестеро держались от Сереги на порядочном расстоянии. Наверняка прикидывали, как, в случае чего, сделать ноги.
– Кто из вас Перша Лебеда? – спросил Духарев.
– Я, – чуть помедлив, признался тот, что говорил.
– Я тебе кое-что должен, – сообщил Духарев. – Надо вернуть.
– Давай, – ледяным голосом ответил Лебеда.
Нет, не соврал Гораздов приказчик: очень похоже, что был когда-то гриднем Перша Лебеда. Кто знает, может, он и сейчас со своей палкой стоит Серегиного клинка?
Духарев опустил меч, воткнул в снег. Под пристальными взглядами разбойников развязал кошель, выудил серебряный резан.
– Брал медью – возвращаю серебром, – сказал он и швырнул резан Лебеде под ноги.
Лебеда поглядел на резан, почти неотличимый от снега.
– Я тебя не знаю, – произнес он с легким замешательством. – Кто ты?
– Меньше знаешь – дольше живешь! – с важностью изрек Духарев.
Повернулся к разбойникам спиной и двинулся к коню. Если бы попытались напасть, он бы услышал. Но ватажка нападать не стала.

Глава вторая ...И старые друзья

Малый Торжок утопал в снегу. Сугробы поднимались до половины стен. Белая гора, белые крыши, белая шапка на кремлевской башне. А внизу – белая лента замерзшей Сулейки, исчерченная узкими полосками от лыж и широкими – от саней. У берегов чернели вмерзшие в лед причалы.
– Кто таков? – Скольдов отрок, стражник у ворот, встал на пути Духарева, предупреждающе подняв сулицу. Заметил, значит, меч за спиной.
– Не признал, Выдр? – Духарев соскочил с коня, мотнул головой, стряхивая снег с отросших кудрей.
– Серегей? – не очень уверенно спросил отрок.
– Я, – подтвердил Духарев.
– Ишь как оно! – Отрок оглядел Духарева и его жеребца с явным одобрением. – Степной коник, я чай?
– Хузарский.
Отрок опустил копье, потянулся к конской морде.
Пепел тут же прижал уши и нацелился куснуть, но Выдр убрал руку и засмеялся.
– Добрый коник, – произнес он с удовольствием. – Откуда?
– На смоленской ярмарке взял, – ответил Духарев.
– Много отдал?
– Четыре гривны.
– Не дешево... – покивал Выдр. – Отдашь мне за пять?
Серега погладил Пепла. Тот ткнулся в ладонь мягкими губами. Морковку искал.
– И за десять не отдам, – сказал Духарев. – Он теперь мой.
– Да я так спросил, – не особо огорчился отрок. – Мало ли...
– Войти-то мне можно?
– Входи, – Выдр отодвинулся, уступая дорогу, и Духарев, ведя Пепла в поводу, двинулся наверх, к родному дому.
Дом стоял пуст. Ни утвари, ни живности – ничего. Холодная печь, стылая изба. В хлеву даже сена нет. Во дворе – ничего. Только ведро у колодца. Сергей ждал худого, но в самое худое верить не хотелось. И до самого конца не хотелось верить в то, что привиделось.
Серега отвел жеребца в хлев, снял сумки, расседлал, подсыпал овса.
Когда вышел, увидел соседку. Поздоровались.
– Ить ты зря тут располагаешься, – заметила женщина. – Это теперь не ваше.

- А чье? – нахмурился Духарев.
- Гораздово.
- А мои где?
- У него ж.
- Это как так? – мрачно спросил Серега.

Женщина смутилась.

- Ты лучше дружка своего расспроси, – посоветовала она. – Чифаню.

Чифаню Духарев отыскал в Любимовой лавке. Чифаня резал пояс. Тут же был и Сычок.

- Здорово!

– Здравствуй! – Чифаня даже улыбнулся сначала, но тут же помрачнел. А вот Сычок обрадовался искренне, сгреб Серегу в охапку, стиснул по-медвежьи. Духарев еле высвободился.

- О! У тя меч! – закричал новгородец. Глаза его заблестели. – Покажь!

Духарев закинул руку, привычно выдернул длинный клинок. Аккуратно, чтоб не задеть низкую балку.

- Ух ты! – восхитился Сычок. – Эк ты наловчился!

Серега не удержался, похвастал: вертанул меч двойной петлей. Сычок отшатнулся. Любой отшатнется, когда перед глазами с шорохом рвет воздух смертоносное лезвие. Любой, кроме воина. Духарев понял это – и устыдился. Бросил меч обратно в ножны.

- Чифаня, – сказал он. – Где мои?

- Горазд взял, – не поднимая глаз от работы, произнес внук Любима.

- Как?

- За навет.

- Да он... – воскликнул Сычок.

– Помолчи, – зло, не по-приятельски, а по-хозяйски оборвал его Чифаня. – Я говорю. Когда ты пропал, Серегей, Слада сказала: на вас Горазд со своими людьми напал.

- Верно сказала, – подтвердил Духарев.

Чифаня пожал плечами: теперь-то какая разница?

– Горазда в городе не было, – продолжал он. – Только к зиме вернулся. Князь полоцкий за данью приехал, и Горазд с ним. Мыш пошел на Горазда жаловаться. Я ему говорил: глупость, но он не послушался, дурачок! Пошел. А у него один видак, да и то девка. А у Горазда – полная дюжина. И гневом Перуна он поклялся: нет тебя у него, и никому он тебя не продал.

- Не соврал, – кивнул Духарев. – Я от него сбежал.

– Надо было тебе в город вернуться, – сказал Чифаня. – А так... В общем, перед Перуном с Гораздом не Мышу биться. И заступников у него не нашлось. А князь полоцкий с Гораздом дружен, вот и присудил: за лжу на княжьем суде с Мыша виру в двадцать гривен. И Горазду за навет – десять. Сроку дал – два дня.

А у Мыша всего – девять гривен нашлось. Хотел дом продать – никто не купил. Горазд – муж большой, советник, с князьями дружен, Скольд его слушает. Кто с ним ссориться станет из-за девки и мальчишки? Не добыл Мыш денег. Виру за него Горазд заплатил, а их со Сладой к себе холопами взял... Да ты не думай! – быстро проговорил он. – Горазд их не забижал! Чего ему! Он же их продать хочет весной, в Киеве или еще где. Ты плохого не думай!

– Я плохого не думаю, – процедил Духарев. – Я только хорошее думаю. Например, об одном нашем знакомце, который для друга двадцать гривен пожалел!

Чифаня побледнел, но смолчал.

– Или скажешь, что не смог бы набрать два десятка гривен? – язвительно спросил Духарев.

- Это большие деньги, – не поднимая глаз, проговорил Чифаня. – Но я бы набрал.

- И что же тебе помешало? – осведомился Серега.

- Дед запретил! – отрезал Чифаня.

Все, разговор окончен.

Серега повернулся и вышел вон.

Уже за рынком его догнал Сычок:

– Серегей! Стой! Да стой ты!

– Что нужно? – холодно спросил Духарев.

– Ты куда?

– К Горазду.

– Не ходи. Его в городе нет. Он с князем в Полоцк уехал. И твоих забрал.

– Значит, и мне в Полоцк, – отрезал Сергей.

– Ага... Понятно... – Сычок не отставал, тащился за Духаревым. – Слышь, Серегей...

Ну зачем ты так? С Чифаней? – выдавил новгородец. – Он знаешь как горевал! Да не может же он старшего в роду послушаться! Да никто не сможет! Вот ты бы смог?

– Я бы смог, – сухо ответил Духарев и ушел, оставив Сычка застывшим посреди улицы с разинутым ртом.

За время его отсутствия в Мышовом доме кое-что изменилось. Во дворе, помимо следов Сереги и Пепла, появились еще чьи-то. Некто в больших валенках прошел через двор, заглянул в дом, а затем в хлев.

Духарев подошел к хлеву. За стенкой что-то бубнил мужской голос. Хотя следы, определенно, одного человека.

Серега сильным толчком распахнул дверь...

Ба! Старый знакомец! Трещок!

Духарев недобро усмехнулся и шагнул внутрь.

Гораздов приказчик повернулся на звук.

– Ага, – сказал он совершенно спокойно. – Вернулся. Конь-то твой?

– Мой, – признал Духарев.

– Так себе конь, мелковат, – авторитетно изрек Трещок. – Гривны за полторы зачтется.

– Это ты о чем? – От Трещковой важности Серега даже слегка опешил.

– Брат твой Горазду двадцать гривен должен, – деловито объяснил Трещок. – Конь этот в уплату пойдет. В счет долга.

– А еще что скажешь? – с нехорошей улыбкой поинтересовался Духарев.

– Ты тож со мной пойдешь. – Серегиной усмешки Трещок не заметил, а если и заметил, то не понял, что она означает.

– Седло тож возьми, – продолжал он. – Седло старое, но на полгривны... Э-э-э! Ты чего это? – воскликнул он, увидав в Серегиной руке меч. – Ты чего это? – Трещок потянулся к ножу.

– Давай! – поощрил его Духарев. – Рискни слабым здоровьем!

Трещок попятился.

– Ты ж это... Биться не умеешь? – не очень уверенно проговорил он.

Пепел фыркнул. Очень уместно.

– Ты так думаешь? – ухмыльнулся Духарев... и вдруг коротко полоснул мечом. Трещок отпрянул, но недостаточно быстро. Отточенное жало клинка вспорол его полушубок от плеча до бедра. Только полушубок. Духарев пока не собирался его потрошить.

– Значит, не умею? – осведомился он, подсовывая ледяной клинок под бороду Трещка и дотрагиваясь до его горла. – Уверен?

– Н-нет..

– Жить хочешь?

– Тебе виру платить надобно будет... – пробормотал Трещок. – И головное...

– Я спросил: жить хочешь? Или – нет?

– Хочу!

– Где Горазд?

– В П-полоцк поехал.

– Мои – с ним?

Трещок покосился на уходящий под бороду клинок.
– Д-да!
– Из Полоцка до оттепели вернуться?
– Н-нет!
– Почему?! – рявкнул Духарев.
– Из Полоцка Горазд сразу в Киев пойдет! – быстро проговорил Трещок. – Сначала – к Днепру, а как вскроется – на лодьи и вниз, к Киеву.
– Молодец, – похвалил Духарев. – Живи пока.
Он убрал меч в ножны.
Трещок вздохнул с облегчением. Поглядел, как Духарев седлает Пепла.
– Значит, со мной не пойдешь? – спросил Гораздов приказчик через некоторое время. – А ежели я гридням пожалуюсь?
– Не пожалуешься, – не оборачиваясь, ответил Духарев.
– Это почему же? – запальчиво спросил Трещок.
– А вот поэтому! – Духарев мгновенно развернулся и ударил наглеца кулаком в висок. Тот упал физиономией прямо в свежее Пеплово «яблоко». Духарев брезгливо перевернул приказчика носком сапога. Готов. Минимум полчаса проваляется.
Сергеа вывел Пепла (жеребец аккуратно переступил через лежащего) во двор, прыгнул в седло.
– Далеко собрался? – крикнул вслед всаднику Выдр.
– В Полоцк! – крикнул в ответ Сергеа.
Отрок поглядел, как уходит уверенной рысью серый жеребец, вздохнул и вернулся на свое бревнышко. Караулить.

Глава третья, в которой Сергее представляется возможность на собственном опыте убедиться, что бывают случаи, когда хороший меч эффективней хороших законов

Санний путь сначала вел вдоль берега, а потом свернул вниз и сполз с берега на лед. Белая гладкая дорога. Слишком просторная для одинокого всадника. Ну не то чтобы Духарев был на ней таким уж одиноким... Вот побежал от берега к берегу лыжник, вот Сергеа обогнал санки, а вот навстречу – трое мужиков волочат здоровенную медвежью тушу.
– Эй! – окликнули Сергеу. – Лошадку не одолжишь?
– Не могу, спешу! – отозвался Духарев.
Пепел, учуяв медвежий дух, заржал, шарахнулся.
– Тих-хо! – прикрикнул на него Сергеа, поддернув поводья.
Справа показался черный высокий тын. Городок. С высокого берега скатывались на саних ребятишки. Визжали, хохотали... Сергеа поглядел на них, и ему почему-то взгрустнулось.
Он тронул каблуками Пепла, и понятливый конь перешел с шага на ровную рысь.
«Все-таки как красиво у нас на Руси», – подумал Духарев, хотя и знал, что скажи он это вслух при любом кривиче – и тот наверняка возмутится, а потом начнет толковать глупому чужаку, что русь – это там, в Киеве, дружина княжья, да старшие мужи, да варяги, да нурманы... В общем, русь – это княжье, а тут земля вольная.
Духарев усмехнулся: вольная-то вольная, а дань князю платят. И киевскому, и полоцкому.
– Молодец! Эй, молодец! – с берега, спотыкаясь и оскальзываясь, бежала баба.
Сначала Сергеа хотел крикнуть ей обычное: «Спешу!», но что-то его удержало. Может, то, что чесала баба к нему слишком уж заполошенно. И одета была как-то слишком легко, не по сезону.
– Стой, – скомандовал Духарев, и конь послушно остановился.
Баба подбежала, бухнулась ничком в снег, прямо под копыта брезгливо попятившегося

Пепла.

– Ой, человек добрый! Ой спаси-помоги! – заголосила баба, запрокидывая вверх красное зареванное лицо. – Ой, защити, родимый, ради Хорса светлого! Оборони от убийцев-насильников, добрый человек!

«А ведь не шутит тетка!» – подумал Серега. Он спрыгнул на снег.

– Вставай! – скомандовал нарочито грубо. – Хорош выть! Поехали!

Сообразив, что дело сладилось, баба тут же умолкла, уставилась на Духарева снизу вверх с такой искренней надеждой, что у Сереги от взгляда ее что-то в груди предательски екнуло.

– Полезай! – рыкнул он, буквально забрасывая женщину на спину Пепла, хлопнул коня, и тот пошел вперед, а Духарев побежал рядом, держась за седло.

– Ой быстрее, родной, ой быстрее! – забормотала тетка.

– Ша! – оборвал ее Духарев. – Ну-ка говори толком, что у тебя стряслось.

И баба зачастила с пулеметной скоростью.

Серега понимал через два слова на третье. Общую суть. Суть же сводилась к тому, что муж у бабы – кузнец, причем живут они от мужнина рода отдельно. Сами, да две дочки, да сын, да холоп... Короче, семьей живут, а не родом, а родичи у них в трех поприщах, в городе Витебске.

И был у них недавно князь полоцкий Роговолт. То есть не то чтобы был, проезжал мимо с дружиной и дань взял. Сколько причиталось. Еще муж двух коней княжьих подковал. Задаром.

А сегодня вот заявились четверо. При оружии. Сказали: тоже люди княжьи. За данью. Да только не княжьи они, а лихие люди. Мужа прибили, холопа вообще убили до смерти. Говорят: кажи, где серебро-злато закопано, а не то железом жечь станем да дочек насильничать. А дочкам-то десять да восемь годков! Тут баба заревела и едва не вывалилась из седла.

Духарев прикрикнул на нее, и баба замолкла. Перепугалась, что бросит.

А между тем покрыли они уже с полкилометра.

– Далеко еще? – спросил Духарев.

– Да еще два раза по столько! – всхлипнула баба.

– След твой?

– Мой, – баба еще раз всхлипнула.

След был мощный. Баба на стрессе ломила по сугробам, будто бульдозер.

– Слезай, – скомандовал Духарев.

Баба в ужасе вцепилась в седло.

– Да не бойся ты! Я один поеду, побыстрее. А ты уж как-нибудь ногами дойдешь. Дойдешь?

– Дойду, – всхлипнула баба и сползла с коня.

Духарев глянул на нее, быстро стянул куртку, бросил бабе:

– Накинь, простудишься!

Он не вспрыгнул, как обычно, в седло, а воспользовался стременем. Устал. Пепел тоже устал, и, жалея, Духарев пустил рысью, а не бросил его в галоп. Однако ж не успел он проехать и полста шагов, как увидел, что между деревьями кто-то бежит. Серега придержал коня, на всякий случай приготовился.

Бежали двое. Топали друг за дружкой по пробитой в сугробе тропе. Один – оружный, с секирой на поясе, второй – только с ножом. Первый зыркнул на всадника. Морда раскрасневшаяся, борода взлохмачена.

– Прочь! – гаркнул на бегу.

Серега подал Пепла, уступая дорогу.

Второй протопал, даже не взглянув.

Серега развернул Пепла, тронул каблуками, скомандовал:

– Шагом.

– Вон она! – заревел один из бегунов.– Вон, вон! Ах ты стервь! Волчье семя! Ах ты!..

Баба истошно завизжала.

Духарев ударил каблуками в конские бока, отпустил поводья. Пепел с ходу взял в галоп, вмиг нагнал увлеченных преследователей. Серега привстал на коротких стременах, откинулся назад и рубанул не наклоняясь, длинно и мощно, точно как рубил с седла воткнутые в землю ветки. Клинок упал – и взлетел, роняя алые брызги. Снесенная голова подпрыгнула и нырнула в сугроб. Густая кровь ударила в два фонтана, а безголовое туловище еще продолжало бег, еще тянуло вперед жадные руки...

Второй – он уже хватался за Серегину куртку на перепуганной бабе – почуял нехорошее или услышал глухие удары копыт, выпустил бабу, обернулся, рука его метнулась к поясу, где топор... Но Пепел уже летел на него грудью, разбойник явно не успевал поднять оружие. Он шарахнулся в сторону, уворачиваясь, так, чтобы оказаться слева от всадника, выиграть мгновение, поставить под удар застывшую с раззявленным ртом бабу...

Но Серега ему этого мгновения не дал. Жестоко осаженный Пепел обиженно заржал, развернулся влево, повинаясь воле всадника...

Разбойник только и успел, что вскинуть левую руку в отчаянной попытке уберечь голову. Попытке отчаянной и смешной. Лучше было б ему броситься на снег, под копыта... Клинок начисто отсек руку, полоснул жалом по груди, разрывая одежду и мышцы, отбрасывая разбойника назад, опрокидывая... Но второй, последний удар настиг его раньше. Клинок, догоняя, упал между плечом и шеей, разрубил стеганую ткань, мышцу, ключицу, увяз, рванув вниз руку всадника. Серега мощным движением кисти крутанул меч, вырвал, взмахнул еще раз. Яркие капли полетели в снег, на рассевающую в снегу бабу, на Серегину куртку...

Упавший задержался, щедро орошая снег собственной дымящейся кровью, захрипел и умер.

Духарев развернул жеребца движением колен, принял к его гриве, шепнул в мохнатое ухо:

– Прости, мой хороший... Марш! – И Пепел, забыв обиду и усталость, рванулся вперед.

Через несколько минут всадник с запятым кровью мечом вынесся к распахнутой калитке, проскочил сквозь нее, впритирку, вылетел на широкое подворье.

Серега, еще на скаку, прыгнул с седла, мельком отметил раскинувшееся в снегу мертвое тело, услышал голоса, не из избы – из кузницы, в три прыжка одолел расстояние до дверей и ворвался внутрь.

Их было пятеро. Кузнец, прикрученный к столу, подтянутому к самому горну, две девочки и два негодяя. Одна из девочек плакала, вторая, младшая, даже плакать не могла от ужаса, потому что один из негодяев до самой шейки задрал ее рубаху, а второй держал у втянутого, бледного до синевы живота раскаленный железный прут...

При виде Духарева первый негодяй выпустил девочку, которая тихо осела на земляной пол, а второй, не раздумывая, метнул в Серегу прут.

Духарев присел, и прут вылетел во двор и зашипел, остывая в снегу.

Метнувший прут глянул туда, где стояли прислоненные к стене копыя, сообразил, что до Сереги вдвое ближе, чем до оружия, подхватил первое попавшееся – тяжелые железные клещи. Тот, что держал девочку, окинул Духарева грозным взглядом.

– Пошел прочь, смерд! – раздувая ноздри, рявкнул он.– Мы – княжьего посадника смоленского гриди!

– А мне по ...! – негромко, яростно произнес Серега.

Его меч описал в воздухе полудугу – смолянин или кто он там был, пригнулся, уклоняясь от удара в голову... И получил в пах.

Завизжал, как свинья.

Второй (в отваге ему не откажешь!) налетел на Духарева, размахивая клещами,– и остановился, выпучив глаза.

Жало меча выглянуло у него из спины. Негодяй силился что-то сказать, но не мог.

Сергеа физически чувствовал, как теплеет у разбойника внутри стальной клинок... И как от этого клинка растекается леденящий смертный холод по внутренностям разбойника...

Выражение его глаз постепенно изменялось. Ярость уходила. Вместо ярости проступало некое понимание, глубина...

Сергеа вынул у него из рук клещи и положил на стол. И с каким-то алчным вниманием наблюдал, как смерть медленно завладевает жизнью... Наконец опомнившись, Духарев толкнул умирающего назад, и тот упал навзничь. Серега взялся за рукоять двумя руками, наступил сапогом на живот разбойника, с усилием вытянул меч, повернулся ко второму... Тот перестал визжать, жадно уставился на Серегин меч.

«Добей!» – просил его взгляд.

– Сам сдохнешь, – буркнул Духарев и принялся отвязывать кузнеца.

Глава четвертая, в которой Серега стал значительно богаче, но к цели приблизился ненамного

Убитых зарыли в лесу. Со всем тщанием, поскольку они и впрямь носили княжьи золотые гривны, хоть были люди не Игоря киевского, а его смоленского посадника. Земля здесь, у самого торгового пути в Киев, еще считалась полоцкой, и кузнец, которого звали Чернокаш, мог бы пожаловаться Роговолту, тем более что тот совсем недавно получил свое. Но проку от этого было бы – пшик. Скорее всего, посадник смоленский отбрехался бы: мол, не мои людишки. А уж учинять розыск на своей территории точно не разрешил бы. Справедливость можно было восстановить только в одном случае: если бы вымогатели приехали в Витебск или Полоцк, а там Чернокаш опознал бы их и приволок на суд князю. Он бы, может, и приволок. Особенно в Витебске, где у него родня. Только пошли бы разбойники в Витебск? Как бы не так! А вот раскройся, что Серега зарубил княжьи «налоговых полицейских», виру ему выставят – по полной программе. По сорок гривен с головы, не менее. И даже разбираться не станут, поскольку по Правде так и выходит, а на такие деньги можно десяток гридней в бронь одеть.

В общем, зарыли поганцев основательно, хоть и пришлось попотеть, разбивая мерзлую землю. Зарыли, кровь да следы затерли, одежду сожгли, железо – в переплавку, две золотые гривны Чернокаш исплющил и разрубил на мелкие части. То же и с украшениями. Все ценное вручил Духареву, отчего тот сразу же ощутил себя богачом, поскольку серебра-злата у насильников оказалось немало. Кузнец еще и от себя порывался добавить. Он вообще не знал, как Духареву угодить. Хотел Пепла подковать, но Серега воспротивился, так как Рёрах говорил: если по камням не гонять, лошадям без подков лучше. К печали Чернокаша, никакой готовой брони для Духарева у него не было. На разбойниках были обшитые железом куртки, но шили эти куртки не на Серегины плечи. Единственное, что Духарев согласился взять, – небольшой кулачный щит с коротким торчем⁹. В общем, всерьез опечалился кузнец, что не может как следует отдарить спасителя. Он даже жену свою ему в постель намеревался уложить, да, к облегчению Духарева, бедная баба от переживаний слегла.

В общем, уехал Духарев на следующее утро с тугим кошельком, набитыми до отказа седельными сумками, мешком отменного овса для Пепла и подробными рекомендациями, как добираться до Полоцка, у кого остановиться в Витебске (у родичей кузнеца, разумеется!), с кем в Полоцке говорить о своих делах. В суть этих дел Духарев кузнеца вкратце посвятил, и тот очень советовал силу не применять, прав не качать, а просто выкупить своих, да и дело с концом. Благо, денег на это у Духарева точно хватит.

Сергеа спорить не стал. Но и выкупать у Горазда ребят не собирался. Нечего ворюгу поощрять! Приедет Серега в Полоцк и потребует пересмотра дела. Теперь-то есть кому за

⁹ Торч – шип в центре щита, иногда заостренный.

ребятишек заступиться! Пусть мечи решат, кто прав. Серега был уверен: теперь он Горазду не по зубам. Ну, почти уверен...

Однако вышло так, что до Полоцка Серега на этот раз так и не доехал.

Глава пятая Приятные новости

Придорожный трактир был, по местным меркам, никак не ниже, чем четырехзвездочный. Во дворе разместилось с дюжину саней. При них маялся сторож, мрачный бородатый парнище в шлеме, смахивающем на ночной горшок. На Серегу сторож глянул вполне равнодушно.

«Сани – это хорошо», – подумал Духарев.

Он уже давно решил пристать к какому-нибудь купцу. Одиноким всадник внушает романтикам больших дорог разные нехорошие мысли. Серега был уверен в себе, но к чему рисковать понапрасну?

Первым делом следовало заняться конем. Поэтому, вручив пару резанов хозяину заведения и распорядившись насчет ужина, Серега повел своего жеребца на конюшню. Чистить Пепла Серега считал собственной привилегией. За процедурой внимательно наблюдал белобрысый парень с вороватой мордой, хозяйский конюх. Выглядел конюх недовольным. Очевидно, решил, что пришлый вой мог бы и ему доверить уход за жеребцом. Ну, и отстегнуть немного за услуги.

– Балуешь ты его, – пробурчал конюх, отнаблюдав всю процедуру с начала и до конца, когда Духарев заботливо прикрыл коня попоной и сыпанул в ясли полведра овса. – Он и так круглый, че его овсом кормить? Вона эти сено жрут – и ниче! А тож не клячи, войсковые лошадки. Да покрупней твоего будут! – Парень махнул рукой туда, где стояли лошади, вероятно, принадлежавшие тем, кто охранял отдыхавший во дворе санный поезд.

Серега не удостоил конюха ответом. Но, выйдя из конюшни, не отправился ужинать, а постоял снаружи с полминуты и вернулся.

Как он и предполагал, белобрысый был слишком глуп, чтобы ждать возвращения хозяина коня, и преспокойно пересыпал овес из яслей в холщовый мешок.

Духарев бесшумно приблизился и крепко взял воришку за ухо. Тот взвизгнул и тут же притих, когда Серега поднес к его носу любовно отточенный нож.

Рука конюха ослабела, и содержимое мешка высыпалось обратно в ясли.

– А у нас за воровство ухо режут, – ласково проговорил Духарев. – А у вас?

Парень побледнел.

– Тебе какое дороже, левое или правое? – тем же задушевым голосом поинтересовался Серега.

– А... И... Пожалей, господин! – в ужасе забормотал конюх. – Я больше не буду, Хорсом светлым клянусь! Не надо ухо, господин! Пожалей! Я, ей-ей, больше не буду!

– Как думаешь, не врет? – спросил Духарев, обращаясь к Пеплу.

Жеребец фыркнул.

– Врет, значит? – Серега усмехнулся и покрепче сжал мягкое ухо.

– Нет, нет, господин! – завопил конюх, хватая Духарева за руку. – Да ни в жисть, да чтоб мне лопнуть, да чтоб у меня мужество отсохло!

Пепел, которого вопли конюха раздражали, запрядал ушами и мотнул головой.

– А теперь, значит, не врет? – с напускным удивлением проговорил Духарев. – Ну тогда ладно.

Он отпустил ухо. Белобрысый тут же ощупал его, чтобы убедиться: на месте ли?

– Что ж ты мне сначала врал? – укоризненно спросил Серега.

– Да я... Да... А это он тебе сказал? А он – *кто* ?

И без того круглые выкаченные глаза конюха еще больше округлились и выкатились.

– Меньше знаешь – дольше живешь, – наставительно произнес Духарев и пошел к выходу.

– То-то я гляжу, ты его овсом-то... – крикнул ему вслед конюх.

Что бы там ни надумалось в белобрысой башке, а теперь за Пепла можно быть спокойным. Теперь можно и самому перекусить. Да и с купцом заезжим побеседовать.

Купец кушал. Это был очень серьезный процесс. Челюсти купца работали, как электрическая мясорубка, борода лоснилась от жира. Даже мясистые волосатые уши принимали участие в этом процессе.

Вокруг вился восхищенный хозяин, подкладывал, подливал.

Сергеа уселся напротив.

– Куда путь держишь, уважаемый?

– А тебе что за дело? – пробурчал купец.

Сергеа усмехнулся, вытянул длинные ноги, устраиваясь удобней, спросил напрямик:

– Возьмешь охранником?

Купец исподлобья зыркнул на Духарева.

– На броню, что, не заработал? – не переставая жевать, осведомился он.

– Мне броня ни к чему, – нагло ответил Духарев. – У меня меч есть. И руки.

– Покажи, – сказал купец.

– Руки?

– Меч!

Духарев усмехнулся и вытянул даренный варягом клинок. Поднес к жующей морде, услышал, как за спиной повскакивали с мест купцовы охранники.

Их хозяин махнул рукой: все в порядке.

– Знатный меч, – признал он. – Люди мне не нужны. Но совет дам. Здесь три дня назад купец ночевал. У него товаров много и челяди тоже. В Киев идет. Такому хороший боец лишним не будет. Догонишь: скажи, что Осянник ты послал. Это я Осянник. Запомнишь?

– Запомню, – кивнул Духарев. В Киев – это не по пути. – А как его зовут? – спросил он на всякий случай.

– Купца-то? Гораздом кличут. Горазд из Нового Торжка. Слышал?

Вот это номер!

– Слышал, – после паузы ответил Духарев. – Я сам из Торжка.

– Ну тады точно возьмет, – кивнул купчина и еще энергичней принялся за еду.

«Это я возьму, – подумал Духарев. – И пусть попробует не отдать!»

Удача определенно не обошла Серегу вниманием.

Глава шестая, в которой Сергеа узнает кое-что о местных локальных конфликтах и еще кое о чем, касающемся его самого

На ночь глядя Духарев в погоню не кинулся. Утро вечера мудренее. Тем более что к вечеру погода испортилась. Зима, видно, решила повеселиться напоследок. Именно напоследок, потому что, по Серегиным прикидкам, на дворе стоял если не апрель, то уж март точно.

Снаружи выюжило, но в большом трактирном зале было тепло и пахло дымком. А еще съестным. И, к сожалению, человеком. Причем человеком, не злоупотребляющим мылом и мочалкой.

Сергеа пристроился неподалеку от очага, спиной к стене – лицом в дверям, заказал кувшин пива и потреблял его неспешно, почти не участвуя в разговоре, который вели его соседи, четверо купцовых охранников. Пятый только что ушел караулить сани. Остальным это удовольствие еще предстояло, и разговор, естественно, вертелся вокруг этой самой начинающейся метели и, традиционно, нынешней погоды. Беседующие сошлись на том, что зима в этом году очень уж долгая, но это и хорошо, потому что плесковский воевода, сын прежнего, посаженного еще при Олеге, тоже алчный и прожорливый, как росوماха, да еще подзуживаемый своими нурманами, совсем оборзел и взялся брать с проезжающих по Ловати дорожный сбор. Словно это не тракт торговый, а его вотчина. Сын, как и отец, не

боялся никого и ничего, потому еще, что Ольга, жена киевского князя,— его названная сестра. Не брал воевода только с новгородских и, по слухам, новгородским же отстегивал долю с собранного. Услышав об этом, многие задерживали поезда, выжидали, чтобы не платить глупую пошлину, а обобранные тем временем пожаловались полоцкому князю, потому что киевскому — бесполезно. Игорь — не Олег. Да и ссориться с Новгородом ему не с руки, а Плесков — это, считай, новгородский пригород. А вот Роговолт, у которого с Новгородом и так вечные дразги, а земля бедна, торговлей только и кормится, Роговолт воеводу приструнил: побил в поле крепко. Так, что воевода в городок свой сбежал, за стенами заперся да заслал к новгородским: помогите! Как же, разбежались!

Роговолт Плескова жечь не стал. Но обещал пожечь, если воевода не уgomонится. А все знают: полоцкий князь хоть годами молод, но в сече лют, а в слове тверд.

Серёга слушал и мотал на отросший ус. Рано или поздно ему придется примкнуть к кому-то из здешних политических лидеров. И тут важно было не ошибиться. А для этого следовало знать, что представляет собой каждый из вождей. Как ни странно, несмотря на отсутствие средств массовой информации (а может быть, как раз благодаря их отсутствию?), здешний народ — по крайней мере значительная часть его — был совсем неплохо осведомлен. Конечно, свежие новости доходили медленнее: тому же санному поезду мог потребоваться чуть ли не месяц, чтобы добраться от Новгорода до Смоленска. Гонец с запасной лошастью преодолевал то же расстояние значительно быстрее, но зато во время распутицы дороги превращались в болота, и требовались крылья, чтобы попасть даже из Витебска в Полоцк. Крылья или лодка. Но тем не менее власть киевского князя на далеком севере была отнюдь не формальной. Что Олег, что Игорь не ленились периодически навещать даже дальнюю Ладогу, лично собирать причитающуюся дань, а заодно контролировать деятельность собственных наместников. Поэтому и на Двине, и на Ильмене Игоря знали не понаслышке. Не говоря уже о собственных, местных правителях вроде Роговолта.

К утру погода прояснилась, так что с рассветом Духарев оседлал Пепла и отправился в путь. Дорогу присыпало снегом. Широкие копыта жеребца оставляли на пушистом искрящемся покрывале аккуратные отпечатки. Единственные следы, если не считать птичьих «крестиков» или заячьих «пунктиров». Под неглубоким слоем свежего снега лежала крепкая, укатанная санями дорога. Пепел бежал веселой рысью и примерно за два часа покрыл полное поприще — расстояние дневного перехода. После этого по взаимному соглашению всадник и конь сделали небольшой привал и позавтракали. Собственно, для Пепла это был уже не завтрак, а полдник. Перекусив, Духарев решил размять ноги и отвязал лыжи. Следующий отрезок пути Пепел бежал налегке.

К полудню Серёга обогнал небольшой санный поезд. Охранники с подозрением покосились на одинокого всадника.

Неожиданно Пепел по собственному почину прибавил ходу. Минут пять Серёга дивился этой инициативе, потом тоже учуял дымок, а еще через некоторое время впереди показался постоялый двор.

Пепел изогнул шею, скосил выпуклый глаз на хозяина.

— Без базара,— ответил ему Духарев.— Мы оба заработали приличный обед.

Долго рассиживаться Серёга не стал. Перекусил, выяснил, что нужно,— и в путь. Тем более что хозяин сообщил приятную новость: купец Горазд останавливался здесь в позапрошлую ночь. Значит, если сохранить взятый темп, вполне реально догнать его до завтрашнего вечера.

И тут дорога преподнесла Духареву сюрприз. Развилочку. Зрительная память у Серёги была неплохая, и Рёреховы схемки он в свое время разглядывал очень внимательно. Ну не было в этом месте никакой развилки! Серёга помнил: справа, километрах в сорока,— излучина двинского притока. Если идти по нему вверх — дойдешь до волока к Днепру. А зимник шел напрямик, срезая, через схваченную морозом топь. Один зимник, а не два.

Духарев спешился, прошелся туда-сюда. Пепел — за ним, как привязанный, тычась губами в ухо.

Вот черт! Обе дороги – как близнецы. Одинаково накатаны, одинаково широки. «Слева лес, справа лес, посреди – головорез!» – придумалась смешная строчка.

«Это я – головорез, – подумал Духарев. – Головорез на распутье. Как в анекдоте. Приходит Илья Муромец к развилке. А там надпись: „Налево пойдешь – мертвым будешь; направо пойдешь – коня потеряешь; прямо пойдешь – педерастом станешь!“ Завелся Илюха: „Это кто ж меня, падла, опустить хочет?“ Вскочил на коня, поскакал прямо. Видит: Змей Горыныч о трех головах, из речки воду пьет. Подскакал Илюха, Горыныч и опомниться не успел – двух голов уже нету. А третья к Илюхе поворачивается и говорит: „Ну, и кто ты после этого?“»

Рассказанный самому себе анекдот слегка развеселил Серегу. Он еще раз поглядел на две дороги, на следы саней, на неглубокие отпечатки копыт, на желтые пятна, на втоптаные в снег клочки сена... И неожиданно *увидел*, по какому из двух путей прошел санный поезд Горазда. То есть не то чтобы увидел... Теперь он это просто *знал*. Но это знание было сродни тому, что он видел в черной воде омута, опившись Рёреховой отравой.

Одним прыжком Серега взлетел в седло. Пихнул жеребца каблуками. Пепел недовольно фыркнул и взял легким галопом.

– Я знаю правду, – он сказал, —
Сдержите бег коней!
Нам не пройти за перевал,
Здесь горы нас сильнее!
Я знаю правду, – он сказал. —
Пройдет немного дней:
Нас встретит стрел визжащий вал
И зарево огней...

Это была песенка, кажется, из какого-то фильма. Серега запел ее, как всегда, громко и, как всегда, фальшиво, но слушатель у него был один, и этот слушатель в музыке не разбирался, хотя уши у него были почти как у легендарного Мидаса.

Глава седьмая, в которой Серега настигает-таки караван Горазда

Когда на дороге стали попадаться еще «дымящиеся» конские «яблоки», Серега свернул в лес. Там Духарев спешился и надел лыжи. Пепел очень осторожно ступал по снежной корке. Серега уверенно скользил впереди, ныряя под тяжелые от снега ветки. В общем-то, это была довольно приятная прогулка. Дома Духарев тоже любил по зимнему времени нацепить лыжи и прогуляться по лесу где-нибудь в окрестностях Репина или Комарова. На заливчик сбегать под бледным солнышком.

Сознание Сергея как будто раздвоилось. С одной стороны, это был тот самый веселый парень Серега Духарев, который жил в оттяжку, никого не обижал, если его не обижали, не искал проблем и не создавал их без надобности, катился по жизни, как футбольный мяч по полю: легко и естественно. Пока не остановят. А остановят – отскочит упруго и летит со свистом – только держись!.. В заданном направлении. Это с одной стороны. А вот с другой...

С другой же, человек, который подминал лыжами снег впереди невысокого мохнатого жеребца, ничего общего с тем, бесшабашным и немного безбашенным, Серегой Духаревым не имел. Потому что человек этот не просто и незамысловато бежал по лесу, а «держал» при этом все, что происходило в радиусе минимум ста метров, замечая и беличий прыжок слева, и окровавленные клочки заячьей шкурки справа. Он слышал каждый звук и фиксировал каждое движение на этом участке леса. Это был воин, который поставил себе цель. Он был – оперенная стрела с тяжелым стальным наконечником. Стрела, летящая в цель. И при этом он был человек, который видел и то, как такая стрела пробивает матерого медведя. И легко мог «увидеть» (первый, беззаботный, Духарев такого даже представить не мог), как эта же стрела

входит ему в спину и выходит из груди. Навылет...

Серега чувствовал это «раздвоение», но еще не вполне осознавал, почему так происходит. Он просто не врубался пока, что опытный варяг работал не только (и даже не столько) с Серегиным телом, обучая Серегины руки и ноги воинской пляске, сколько – с сознанием. С этой аморфной, неопределенной массой желаний и побуждений, с густой массой, похожей на пересыщенный раствор. Мастер-варяг не мог за десяток месяцев выпарить воду и отполировать кристалл, зато он сумел вложить в этот раствор крохотное зернышко, твердый центр, на который теперь сам собой наращивался слой за слоем, превращая вязкую податливую рапу¹⁰ в твердые и острые кристаллические грани.

Превращение уже шло, медленное, необратимое, хотя Духарев еще понятия об этом не имел, а если бы знал да еще имел возможность выбирать, то, скорее всего, пожелал бы остаться прежним веселым и бесшабашным Серегой. Вот только старый варяжский вождь-ведун был настоящим мастером и лишь единожды предоставил ученику выбор. Когда спросил: «Ты и впрямь этого хочешь?» Больше Рёрах не спрашивал. Честно ли это? Трудно сказать. С другой стороны, хузарин, вырастивший коня, который шел у Сереге на поводу, и вовсе не поинтересовался, хочет ли веселый жеребенок стать боевым конем, или предпочитает свободно носиться по степи. Правда, хузарин с самого начала знал предназначение жеребенка, а кем предназначено стать Сереге Духареву, не знал ни он сам, ни его одноногий наставник. Возможно, в обоих известных Сереге мирах никто не знал об этом, и в книге его судьбы оставалось еще достаточно незаполненных листов... Разве кузнец, выковавший наконечник стрелы, может точно знать, кого поразит эта стрела? Впрочем, кузнец может хотя бы догадываться...

Санний поезд растянулся почти на четверть версты. Более двух дюжин саней, длинный унылый хвост челядников, за которыми приглядывали двое специально назначенных воев. Один из челядников – в цепях. Вероятно, тот, кто способен рискнуть и податься в бега, предпочтя холод, голод и волков невольничьему рынку.

«Рядом с ним мог быть и я», – подумал Духарев.

Раньше. Теперь-то – вряд ли.

В печальной череде рабов женщин было раза в два больше, чем мужчин.

Сладу Серега узнал сразу. Сердце у него сжалось: такая она была маленькая и печальная.

А Мыш, как всегда, ухитрился устроиться козырно: сидел на третьих от хвоста санях и погонял лошадок.

Поезд медленно тянулся мимо притаившегося Духарева. Пепла Серега предусмотрительно укрыл в зарослях.

Замыкал караван высокий воин в островерхом шлеме, с длинными усами, выкрашенными в синий цвет. Варяг. В седле воин сидел твердо, посадка его была схожа с Рёраховой. И тоже – без стремян.

Рядом с ним бежала маленькая лохматая собачонка, но насчет собачонки Серега не тревожился, поскольку загодя учел направление ветра.

Головой замыкающий варяг попусту не вертел, но, сразу видно, обступивший дорогу лес «держал» четко: спугни какую-нибудь глупую сороку или урони с ветки чуток снега – вмиг окажешься в поле зрения варяга. Да даже и без всяких сорок... Едва синеусый поравнялся с деревом, где укрывался Духарев, – и увенчанная острым шлемом голова как бы сама собой повернулась в Серегину сторону.

Между всадником и Духаревым было добрых пятьдесят метров, деревья, чьи ветки припорошены снегом, кустарник. Куртка на Духареве – светлая, шапка – тоже. Бдительный варяг ну просто никак не мог его разглядеть. И тем не менее Духарев ощутил, как будто от синеусого к нему тянется некая ниточка... И поспешно выбросил из головы все мысли и

¹⁰ Рапа – соляной раствор высокой концентрации.

мысленно же превратился в спящее зимнее дерево...

Варяг проехал мимо, скрылся за стволами. Серега вздохнул с облегчением. И подумал: «С этим парнем могут возникнуть трудности».

Но выбора у Духарева все равно не было. Поэтому он тихим свистом подозвал Пепла, проверил лыжи и двинулся параллельно дороге. Пепла он вел в поводу. Наст был прочный, но все равно не выдержал бы коня, если бы в седле сидел всадник. Хуже того, ледяная корка могла поранить ноги жеребца.

Они опять обогнали караван, но еще около километра двигались между деревьями, а когда выбрались на дорогу, Серега не поленился и замел следы. Он вовсе не хотел насторожить внимательного варяга. По дороге они легко отмахали еще километров пятнадцать – до следующего постоянного двора.

Горазд, видно, неплохо знал дорогу, поэтому, по прикидкам Духарева, санный поезд должен был достичь этого места как раз к вечеру.

Вот и замечательно. Когда солнце коснется верхушек деревьев, Серега, уверенный в себе и отдохнувший, оставит Пепла в здешней конюшне, а сам не спеша отправится навстречу каравану.

И – прочь сомнения!

Глава восьмая, где наконец выясняется, кто круче

Все вышло так, как Серега и рассчитал. Когда Духарев услышал звуки приближающегося санного поезда, уже начало смеркаться. Это было то самое время, которое так ценил Рёрах. Время, когда, по мнению старого варяга, тот, кто одновременно принадлежал обоим мирам, Темному и Светлому, обретал особенную силу, потому что мог черпать из обоих Миров, находясь как бы на их грани. А те, кто принадлежал только одному миру, живых или мертвых, наоборот, слабели и теряли возможность укреплять силу равно от Земли и от Неба.

Была ли это правда или просто самовнушение, но Духарев действительно чувствовал в сумерках (безразлично, вечерних или утренних) необычайный подъем. Даже сейчас, когда его отделяли от наставника многие километры лесов и болот.

Духарев тщательно проверил амуницию: если в решающий момент на сапоге развяжется шнурок, это может стоить ноги. Все оказалось в порядке. Выяснив это, Серега укрылся в тени старой сосны и ждал, пока из-за поворота не покажется голова санного поезда, а тогда просто вышел на зимник и остановился точно посередине дороги.

Двое верховых, ехавших в голове каравана, завидев Серегу, заступившего путь, мигом спешили, схватились за оружие и завертели головами, озираясь. Думали: сейчас стрелы посыплются.

Духарев внутренне усмехнулся. Наивные ребята! Будь в лесу засада, их уже давно настигали бы стрелами. Обычные вои-ополченцы. Им известно, с какой стороны браться за копьё, но перехватить его в полете и, крутанув вокруг кисти, отправить обратно – уже не их уровень.

Духарев, однако, знал, что среди охранников каравана есть парни покруче этой парочки.

А караван продолжал вытягиваться из-за поворота.

Первые сани остановились, когда между ними и Духаревым осталось шагов пятнадцать.

Всадники держались у головных саней. Над лошадиными мордами клубился пар. Негустой – мороз спал градусов до пяти. Чувствовалось: скоро весна.

Вторые сани тоже остановились. С них соскочил кряжистый мужик в черной лисьей шубе. Горазд.

Духарев поглядел дальше, в хвост каравана, где теснилась Гораздова челядь, но своих не разглядел. Темновато. Впрочем, Серега точно знал, что Мыш со Сладой – там.

Горазд вразвалочку обошел первые сани, встал напротив Духарева. Еще двое оружных подтянулись вперед. Один из них – тот самый варяг с синими усами. Подскакал, плавно осадил коня, легко соскочил на укатанный снег. За оружие, в отличие от прочих, варяг хвататься не стал, и Духарев это оценил.

– Узнал? – спросил Серега, сделав шаг навстречу Горазду.

– Узнал, – купец не удержался, метнул взгляд на заснеженные елки. Тоже, как передовые, боялся жалящей стрелы? Неужели у него под шубой и доспеха нет?

– Не бойся, – усмехнулся Духарев. – Я один.

– Ага... – Горазд не очень-то поверил. – А чего надо?

– Отдавай моих – и езжай своей дорогой, – спокойно произнес Духарев.

Горазд еще раз поглядел наверх – понизу зимний лес просматривался хорошо. Поглядел – ничего не заметил. Снег на хвое лежал ровно. И внизу – никаких следов.

– Отдавай, значит, говоришь? – Теперь и Горазд усмехнулся. – А не то что будет?

– А не то – сам возьму!

Тут купец окончательно уверился, что Духарев в самом деле один. И сделал единственно возможный вывод: совсем чужак обнахалился. Или, что скорее, умом тронулся.

– Вижу, ты зброю надыбал, – произнес Горазд с иронией. – Украл? Или мертвеца ободрал?

– Я – не ты, Горазд! – отрезал Духарев. – Я чужого не хапаю.

– ...Значит, оружием разжился, – продолжал купец, словно и не заметив Серегиной реплики. – Токо оно тебе ни к чему. Ты ж биться не умеешь!

– Может, и не умею, – не стал спорить Духарев. – Да правда на моей стороне. Горазд! – Он покосился на варяга и произнес торжественно: – Вызываю тебя, Горазд, на оружный бой! До крови! Одолеешь – все мое твоим станет. Я одолею – возьму свое. А ежели сам боишься, – добавил он пренебрежительно, – настоящего бойца выставь. Вон хоть его! – Серега кивнул на синеусого. Этот и еще один воин, совсем молодой, розовощекий, но уже с варяжскими отвислыми усами на типично славянской скуластой физиономии, были в Гораздовой ватажке самыми опасными. Оба они глядели на Духарева очень внимательно и за мечи хвататься не спешили. Зато стояли так, чтобы удобно было напасть на Серегу одновременно и с разных сторон.

Горазд засмеялся. Он помнил, каким был Духарев летом. Купец точно знал, что за неполный год из кулачного драчуна воина не вырастишь.

– Засиделся я в санях, – громко заявил Горазд. – Разомну косточки!

Он скинул шубу на руки ближнего. Под шубой оказалась пластинчатая броня с рукавами по локоть, надетая поверх меховой куртки.

«И не жарко ему?» – подумал Духарев.

Горазду подали круглый щит с выпуклой тарелкой умбона¹¹ посередине и булаву, которую он прицепил к поясу справа. Купец притопнул, выдернул меч, провернул над головой, разминая кисть. Дружинники его разошлись, освобождая место, а остальные: домочадцы, сбившиеся кучей челядники – наоборот, придвинулись. Тут Духарев наконец-то углядел Мыша, вскарабкавшегося на сани, чтобы лучше видеть. Заметив радость и испуг, одновременно проступившие на физиономии мальчишки, когда тот признал Духарева, Серега ему подмигнул: не бойсь, прорвемся.

Абсолютной уверенности в победе у него не было: Серега ведь еще никогда не сражался по-настоящему. С готовым к бою, хорошо вооруженным бойцом. Разбойники, которых он побил несколько дней назад, – не в счет. Не застань их Духарев врасплох, еще неизвестно, кто кого побил бы!

Духарев подхватил со спины маленький кулачный щит и одновременно правой рукой

¹¹ Умбон – железная накладка в центре деревянного щита. У древнерусских круглых щитов умбоны обычно полусферические или сфероконические.

выдернул из ножен дареный клинок. Завертел им в воздухе так, что сталь размазалась блестящим веером.

Горазда это не впечатлило. Он сам мог бы вертеть не хуже. Бегать за более молодым противником он не собирался, поэтому спокойно стоял. Ждал, пока Серега начнет сам.

Духарев сделал пробный выпад – Горазд не удостоил выпад вниманием: ясно, что не достаёт. Серега повторил движение еще раз, а на третий метнулся вперед. Целя мечом под нижний край щита. Горазд с легкостью отшиб клинок, рубанул в ответ, длинно, наискось. Серега ушел. Он внимательно наблюдал за противником, оценивал каждую мелочь. Мечом купец орудовал неплохо, а вот щит держал жестко, с наклоном вперед. Щит был Горазду явно не по руке. Слишком тяжел. Зато – большой и крепкий. Такой рубить – только меч портить. Еще одна трудность была в том, что Серега не хотел убивать купца. Горазда следовало свалить аккуратно, а то еще вмешаются варяги, и тогда Духареву придется круто.

Если не взять силой, значит, надо брать хитростью. Чем-нибудь совершенно неожиданным. Серега с минуту покрутился вокруг Горазда, пробуя его так и эдак. Купец отмахивался с большой ловкостью. Он уже понял, что имеет дело не с тем лохом, которого побил летом. Видел, что мастерство его противника существенно возросло. Только еще не знал, *насколько существенно* .

Атака, встречный выпад Горазда – Духарев отшатнулся, споткнулся на ровном снегу и упал на спину. Купец подскочил, намереваясь добить. Щит Горазд держал низко, с прежним наклоном вперед, и Духарев, выгнувшись, упершись лопатками, изо всех сил ударил в этот щит двумя ногами как раз в тот момент, когда купец откинулся назад, замахаясь мечом. От неожиданного удара щит подпрыгнул, край его угодил купцу по зубам, а сам купец, весивший в доспехе никак не меньше центнера, пушинкой отлетел назад, мимо светлосого дружинника, и влетел спиной в придорожный сугроб. Меч, правда, не выпустил, но Духарев не дал ему опомниться, подскочил, прижал подошвой Гораздову руку с мечом, придавил собственным клинком Гораздову жилистую шею, не забывая, впрочем, держать боковым зрением варягов: вдруг решат заступиться за хозяина?

– Твоя взяла, – прохрипел Горазд окровавленным ртом. – Заберешь своих.

Серега убрал ногу и меч, отступил назад. Купцу подали руку, он поднялся, ощупал языком передние зубы, убедился, что на месте.

– Хитростью взял, – сказал он ворчливо.

Духарев увидел, как заухмылялись варяги. Для них это звучало как похвала.

Горазд подумал немного. Еще раз ощупал языком зубы и неожиданно предложил:

– А давай-ка ко мне служить!

– Ага, – усмехнулся Серега. – Опять в полные холопы?

– Не-е, – мотнул головой купец. – По ряду. Платить буду, кормить... Доспех дам хороший!

«Не обманет, – подумал Духарев. – Свидетелей сколько! Непонятно только, зачем я ему? Своих дружинников не меньше дюжины!»

– Три куны в день, – заметив его колебания, сказал купец. – Соглашайся!

– Проси мехами по ослецкой цене, – деловито проговорил возникший под Серегиным локтем Мыш.

– Мехами, – повторил Духарев. – По ослецкой цене.

– Ну, землеройка... – прошипел Горазд, глядя на Мыша... и вдруг махнул рукой: – А-а-а, будь по-твоему, Серегей!

«Смотри-ка, – подумал Духарев, – оказывается, ты знаешь, как меня зовут!»

– А ты, землеройка, давай расти, – продолжал он, глядя на Мыша. – Дорастешь брату до плеча – в приказчики возьму. Толк из тебя будет.

Глава девятая, в которой Серега, помимо всего прочего, узнает, почему в Полоцке больше нет церкви

Духарев сговорился с Гораздом, и тот уступил ему, до Смоленска, гнедого мерина. Для Слады. Вообще-то купец оказался вовсе не таким дерьмом, как раньше думал Серега. По местным меркам – совершенно правильный мужик. Если что плохо лежит – подберет. Если кто должен – взыщет. Да и кто сказал, что в рабах у Горазда хуже, чем в армейской учебке? Кормежка точно лучше. А иному человеку в холопах даже уютнее, чем на свободе. Думать не надо, распорядок жизни устоявшийся... Как в армии. А кому не нравится – всегда найдет выход. Вот Серега же нашел, верно? А если Горазд пакости Духареву и ребятам строил, так не из врожденной подлости, а из соображений престижа. Слыханное ли это дело, чтоб ему, лучшему мужу, торговому гостю, княжескому советчику Горазду, противоречил какой-то бродяга? Спустить такое – потерять лицо. Это как если в кабаке у тебя какой-то ханурик нагло бабу увел. Тут уж хочешь не хочешь, а надо власть показать. Иначе собственные кореша уважать перестанут. А когда выяснилось, что Серега вовсе не ханурик, а человек вполне авторитетный: меч у него добрый, конь хузарский, да еще вышколен по-варяжски... Короче, не бомж бесполезный, а серьезный воин. Вот тут ситуация существенно изменилась, и оказалось, что никаких претензий у Горазда к Духареву нет. Два авторитета забили стрелочку, перетерли по понятиям – и пришли к выводу, что полезней дружить, чем разборки затевать. Строго по понятиям здешнего рабовладельческого общества.

Серега склонен был Горазду верить. Так было проще. Кроме того, купец, похоже, очень сомневался, что внезапно обнаружившиеся воинские навыки Духарева обретены за минувшие полгода с хвостиком. А склонен был Горазд предполагать, что навыки эти Серега имел уже в первую их встречу, но по некоторым причинам решил их скрыть. И мастерский побег Духарева с лодьи – тому подтверждение. Причины же такой скрытности, по мнению Горазда, могли состоять в том, что Серега явился, скажем, негласным соглядатаем от князя Игоря, а скорее даже не от него, а еще более вероятно – от княгини Ольги, пользовавшейся у киевской (да и не только киевской) старшины едва ли не большим уважением, чем ее корыстный и не очень дальновидный муж. А раз так, то с Духаревым следовало не ссориться, а дружить. Единственное, что позволил Горазд, это слегка укорить Серегу за его «рукопашные подвиги». Прилично ли воину ничемно махать кулаками, как какому-то смерду, если ему подвластна благородная сталь? Духарев возразил: мол, есть случаи, когда умение врезать между глаз или провести бросок очень даже не лишнее. Например, когда оружие потеряно или сломалось. Горазд только усмехнулся. В умелых руках оружие не ломается, разве что щит порубят, но это дело обычное. А уж потерять его... Это даже не смешно.

Серега продолжать спор не стал. Мерина для Слады Горазд отдал, ну а думать он может – что заблагорассудится.

«Хоть глечиком ¹² кличь, только в печь не тычь», – как говаривал Мыш.

Слада мерину обрадовалась. Впрочем, с момента возвращения под широкое крыло Духарева славная девочка радовалась любому пустяку, а главное – возможности быть рядом с Серегой. Надо сказать, что и Серега в сиянии ее глаз чувствовал себя ну совершенно счастливым. Но виду особо не подавал. Воин должен быть сух и суров. Хотя вряд ли он был настолько хорошим актером, чтобы обмануть свою умницу-невесту.

А наездницей Слада оказалась совсем неплохой. Особенно когда отобрала у брата меховые штаны и села верхом по-мужски. Держаться в седле ее научил отец. Это было давно, но, как понял Духарев, ездить верхом – это как на велосипеде кататься. Навыки остаются пожизненно.

Серега и Слада ехали замыкающими, за последними санями. Раньше это «почетное» место принадлежало, попеременно, Драю, светлоусому воину-плесковичу, косящему под варяга, и, надо признать, не только внешне, и настоящему варягу, Устаху. Эти двое, которых и Серега сразу выделил среди прочих, в Гораздовой дружине считались лучшими.

¹² Горшком.

Держались усачи соответственно положению, но к Духареву отнеслись уважительно. Видно было: Серегино мастерство оценено, и оценено достаточно высоко. Отнеслись уважительно, но в друзья не набивались. Духарев тоже пока только присматривался. Для общения ему хватало Слады.

– Это хорошо, что мы в Киев едем, – застенчиво проговорила Слада. – В Киеве храм нашей веры есть.

– А в Полоцке нет?

– Был, – Слада вздохнула. – Папа говорил: в Полоцке было много христиан. И наших, восточной веры, и тех, кто служит по обычаю Рима. Их всех убили. Тамошний кениг принес их в жертву своим богам, а храм сжег. Это было еще до того, как Олег стал княжить в Киеве. Олег потом убил того кенига. Не потому, что тот замучил наших братьев, а потому, что хотел взять под себя Полоцк.

– Однако... – пробормотал Духарев. – А я думал: здешние язычники христиан не обижают.

– Язычники знают, что Христос против насилия, и думают, что наш Бог слабее их идолов. Сильного из наших они могут убить, слабого обратят в холопы. Мы, христиане, все безродные. А если кто из сильного рода захочет креститься, родовичи ему не дают. А кто не послушается, того убьют или изгоем объявят. А изгой для всякого – легкая добыча.

– Даже воин?

– Воинов среди нас мало, – вздохнула Слада. – В Киеве есть. Из варягов, что у ромеев при императоре стражу несли. А так воины никогда в истинную веру не обращаются. Они Перуну служат. Им кровь проливать весело, а не в смирении жить. И женщин они любят, а по нашей вере больше одной жены иметь нельзя. – Она озабоченно глянула на Духарева. – Ты не забыл, Серегей? Это ведь грех!

– Не согресишь – не покаешься! – усмехнулся Духарев, но, заметив, как задрожали Сладины ресницы, немедленно подъехал к ней вплотную, взял за руку: – Ты и только ты! – проговорил Серега, заглядывая ей в глаза. – Других мне не надо!

Девушка несмело улыбнулась. Может, даже поверила, потому что Духарев сказал то, что думал. По крайней мере, в этот момент.

– Скажи, а варяги, которые стали христианами... В Киеве их не обижают?

– Папа говорил: на Горе их не любят. Но одно дело – мы с Мышом, а другое – князь русы. Таких тронуть побоятся. Да варяг – он и есть варяг. Он всех богов чтит, каких важными считает. Хоть Христа, хоть нурманского Одина.

Это Серега уже слышал от Рёреха. «У каждой земли или моря свои боги, – говорил он. – Кто знает, кто тебя по ту сторону Кромки примет? Там пути темные. Может, в Валхаллу, а может – к твоему Христу».

«А что бы ты предпочел?» – спросил тогда Духарев.

«Ирий, – не раздумывая ответил Рёрах. – В Валхалле мне скучно будет. Что я, мальчишка – день-деньской есть-пить да на мечях биться! А про ваше посмертье я ничего не знаю».

Глава десятая Новые друзья

Серега Духарев легко сходилась с людьми. Легко. И почти никогда не грузил других своими проблемами. Правда, и другие как-то не рвались рассказывать ему о своих бедах. То есть, если кому-то требовалась пара крепких рук и спина пятьдесят четвертого размера, другое дело. Такими трудностями с ним делились охотно, и Духарев редко отказывал, если дело касалось, скажем, перевозки мебели или объяснения каким-нибудь слишком упорным молодым людям правил поведения в обществе. Иное дело – проблемы действительно личные. Например, у жены любовник завелся или с работы вот-вот выпрут. Те, кто знал Духарева достаточно давно, помнили, как он, без единого печального вздоха, перешел от учебы в универе к армейской жизни, ухитрился побывать на войне, в госпитале, вернуться,

снова поступить, на этот раз уже не на матмех, а на жур, вылететь, опять-таки без всяких трагических заламываний рук, – с того же третьего курса, сменить полдюжины работ... И при этом внешне ни на йоту не измениться. Ну вот и пожалуйся такому, что начальник-сука второй месяц бабок не платит, а он, вместо того чтобы посочувствовать и сообщить, что у него такие же проблемы, немедленно предложит: «Не платит? Пошли, дадим ему в грызло!» Вот поэтому у Сереги Духарева было море приятелей, табунок любовниц – и ни одного настоящего друга. Не то чтобы вообще никогда не было. Были двое школьных приятелей, с которыми Серега вместе болтался по стройкам и занимался рукопашкой. И еще один, Сенька, – по спорту. Более успешный, чем Духарев, поскольку не разбрасывался на разное, Сенька четко шел по выбранному спортивному профилю – от медали к медали – до призера Европы.

Целых трое, но...

Сенька-биатлонист канул где-то в Канаде, а одноклассники – в земле. Одного убили в Чечне, второй на зоне отравился какой-то дрянью. Три минус три...

Такая вот была у Духарева проблема. Собственно, он ее проблемой не считал, полагая, что так и должно быть. А чего? Или ему не с кем в кабаке посидеть или по летнему времени на байдарочках сплавиться? Да его, Сереги, компании куча народу обрадуется.

Вот тут он был прав. Повеселиться в клубе или пробежаться по Карельскому перешейку – лучше Духарева не найти. А ежели девочек снять, так Сереге в этом вообще равных нет.

Вот и вышло, что ничего действительно настоящего у Сереги-то и не было. Ни друзей, ни любви, ни дела-работы. Однако понимать это Духарев начал только здесь. Когда уловил разницу между приятелем Чифаней и другом Мышом. Между девушкой Сладой, которая глядит на него сияющими глазами, Сладой, которую он *не осмеливается* тронуть, и какой-нибудь молоденькой бабенкой из Торжка, с которой барахтался на сеновале.

Да, Серега начинал кое-что понимать и, понимая, присматривался к другим, к варягам и воям Гораздовой ватажки, к понурым челядникам, к тому, как полочанин Зубок разговаривает со своей молодой женой Неленей, к самому Горазду, у которого тоже не было друзей, равных, из числа нынешних спутников. Но при этом Серега чувствовал, что вообще у купца настоящие друзья есть. Может быть, в Полоцке или Киеве...

В общем, Серега присматривался к своим спутникам, а те, в свою очередь, присматривались к нему.

Когда сидишь у одного костра да еще и ешь из одного котла – общение налаживается быстро. Полугодом раньше Серега просто отметил бы, что компания подобралась неплохая. И все. Теперь же он глядел чуть поглубже и видел немного больше. Он видел, что в паре двух лучших воинов, Драя и Устаха, первый взирает на второго с тем восхищением, с каким младший брат-второклассник глядит на старшего – восьмиклассника. Он видел, что из семерых воев, что рангом пониже варягов, некоторые повязаны между собой настоящей дружбой, например Теша с Зубком, кривичи из Полоцка. И их дружбе ничуть не мешает, что Зубок недавно женился и взял жену с собой. Полочане, кстати, охотнее других общались с Серегой и Сладой, звали садиться рядом с собой за стол, норовили положить в миску лучший кусок, что, как уже знал Духарев, было здесь таким же проявлением симпатии, как и там, в прежней жизни, – угостить кружкой пива.

Вообще-то, как узнал Духарев, и до Серегиного появления в Гораздовой ватажке Сладу и Мыша привечали не как иных рабов-челядников. Может, оттого, что остальные холопы, за исключением одной женщины, были из других племен. Может, оттого, что Слада – лекарка.

Лекарка... Вроде бы и не такая важная профессия в мире здоровых людей. С одной стороны. А с другой... Попробуй-ка себе представить мир, где нет не только больниц-поликлиник, но и аптек, в которых можно купить простейший анальгин или йод. Где некому ни вколоть пенициллин, ни даже наклеить на ссадину бактерицидный лейкопластырь. Где пустяковая ранка, промытая болотной водой, может гноиться неделями... Если рядом не окажется целителя. А от раны серьезной можно и вовсе помереть

на месте, если не знать, как остановить кровь. Конечно, каждый более или менее опытный воин мог прижечь, наложить жгут, зашить хотя бы вкривь и вкось, заткнуть колотую рану паутиной, смоченной в собачьей слюне... Конечно, любой раненый или болящий предпочел бы помощь не юной девушки, а седобородого волоха, знающего не только травы-настои, но и заговоры, способные и кровь остановить, и злую силу от раны отвести. Но никакой волох не станет сопровождать купеческий караван. Разве что по собственной надобности. Короче, любой из этих людей понимал, что в любой момент его здоровье, а то и жизнь могут оказаться во власти юной черноволосой булгарки. Трудно этого не понимать, когда даже Серега врубился с ходу, что Гораздова ватажка – не столько торговая, сколько воинская дружина. Сплоченный военный отряд, передвигающийся по потенциально враждебной территории.

По местным масштабам это была довольно сильная команда. Кроме наемных охранников в ватажку входили еще девять приказчиков, родичей и домочадцев Горазда, которые трудились не за плату, а за стол, кров и положенную долю прибыли. Эти тоже умели в случае чего помахать топорами или стрелой попасть чуть ниже шапки. А самого Горазда можно было по уровню мастерства причислить даже не к воям, а к воинам, элитным бойцам вроде варягов. В общем, вместе с Серегой ватажка насчитывала теперь два десятка бойцов. И я представляла слишком зубастую добычу для обычных разбойников. И правильно, поскольку Горазд вез на торг одной мягкой рухляди – двое саней. А ведь за иную шкурку ромеи серебром по весу дают. А за доброго горноста или черного соболя – так и золотом. А еще мед, воск, моржовую кость, купленную у северян, большой мешок необработанного янтаря, купленного еще у кого-то... И рабов.

Что человек может быть товаром, для Духарева было не такой уж новостью. Видел он рабов и в более цивилизованном мире, причем не только в Чечне, но и в как бы «европейском» Питере. Однако помня о том, как он сам попал в этот мир, Серега поначалу поглядывал на челядников Горазда с интересом: а ну как (чем черт не шутит!) окажется среди них такой же кочевник-междумирок, как он сам? Только менее удачливый. Но очень скоро Духарев присматриваться перестал. Не было среди челяди никаких междумирных кочевников, а были здешние неудачники, большей частью сломленные люди, из воинской добычи тех же нурманов. Здешний же человек, чуждин ли, вятич или кривич, будучи выдернут из своего рода, из привычного окружения, вырван с кровью, унижен и потоптан, уподоблялся выпавшему из гнезда птенцу. Безвольное, покорное существо. Был лишь один чуждин, который, предоставь его самому себе, мог бы сбежать в лес и даже добраться домой, если только дом его и хоть кто-то из родичей уцелел после свирепого нурманского набега. Потому на чуждина надели цепи и присматривали за ним не в пример строже, чем за какой-нибудь купленной у тех же нурманов запуганной рабыней. Вообще-то, такой социальный порядок Сереге не слишком-то нравился. Не дело это, когда безответного раба палкой по голове лупят, чтоб ногами быстрее шевелил, а рабыню, если Горазд разрешит, можно пользоваться хоть всем кругом. Не порядок это, а какой-то бандитский беспредел. Но когда Серега поделился своими мыслями с Тешей, тот обиделся.

– Все знают, что мы, словене, с челядью по-доброму обходимся! – запротестовал молодой кривич. – Ты б видел, что с полонянниками нурманы творят! Зато и нурманский полон – самый спокойный! – тут же сделал Теша неожиданный вывод. – Сколь челяди ни водили – от нурманских рабов никакого озорства.

– И много ты таких вот, – Духарев кивнул на понурую череду невольников, – в Киев водил?

– Да по четвертому разу уж! – не без гордости ответил Теша.

– А если тебя самого нурманы схватят и вот такому же, как Горазд, продадут? – осведомился Духарев.

– Того не будет! – твердо ответил Теша.

– Почему ты так думаешь?

– Перун не позволит. А если случится... – Теша малость помрачнел. – Нурманы воев в

холопы не берут. Могут в ватажку свою, хирд, взять, если ты им почему-то полюбился, ну там бился крепко или некого за весло посадить. Но это редко бывает. Чаще если захватят воя или гридня живьем, то мучат до смерти. Так что, ежели что, нурманам в полон лучше не попадать. И своих не отдавать. Лучше их самому убить... – Тут обычно веселый Теша стал совсем мрачен. Вероятно, его мнение основывалось на фактах, а не общих предположениях.

Ночевала ватажка, как правило, на постоянных дворах, но иногда и в самом лесу. Шатров не ставили. Прогревали землю огнем и ночевали, завернувшись в шкуры. Челядь – по-овечьи сбившись в кучу, остальные – кому как нравится. Костры жгли всю ночь. Для тепла. Даже самая голодная волчья стая не рискнула бы напасть на такую толпу людей. Но, по требованию Устаха, кроме костровых выставляли и дозорных. Больше для порядка, чем по необходимости.

Беда пришла в одну из таких «лесных» ночей. Пришла не от природы, а от человека. Беда, в очередной раз круто изменившая жизнь Сереги Духарева.

Глава одиннадцатая Нурманы

Они вышли прямо к кострам. Четверо. Серега даже не успел удивиться, каким образом они обошли дозорного. Из темноты появились еще двое, волоча Тешу. Дотащили, бросили в освещенный огнем круг.

Кто-то из женщин сдавленно вскрикнул.

Теша, ударившись оземь, застонал, попытался ползти. Прямо в костер.

К нему подскочил Зубок, удержал.

Шестеро словно и не заметили этого. Рослые, самый высокий – с Духарева ростом. В полных бронях, с закинутыми за спину щитами. Мечи – у каждого. И сулицы. У двоих еще – боевые топоры, широкие, с «бородками».

– Нурманы... – прошептал Мыш.

Слада, всхлипнув, подалась назад, соскользнула с бревна и спряталась за спину Сереги.

Нурманы неторопливо приблизились. Один из них опустился на корточки у огня, снял рукавицу, содрал сосульки со светлых усов, бросил в пламя. Молча. Кривичи тоже молчали, поглядывали на Горазда.

Купец сделал знак: одна из молодых челядниц налила в чашу горячий сладкий медовый вар, поднесла тому, что присел на корточки. Тот, не обращая внимания, демонстративно глядел на огонь. Внезапно один из его спутников грубо схватил женщину, та вскрикнула, уронила чашу. Нурман грубо, спиной, притянул ее к себе, укусил за шею. Женщина вскрикнула, попыталась вырваться. Нурман захохотал, сдавил ее, укусил еще раз, затем отшвырнул в сугроб.

Серега увидел, как заходили желваки у сидящего справа от Горазда Устаха.

Но никто из кривичей опять ничего не сделал. И Серега тоже. Хотя ему очень хотелось.

Непонятки. Конечно, пришельцы в броне и при оружии, а Гораздовы – кто в чем есть. Но нурманов всего шестеро, а Гораздовых – почти два десятка. Втрое против нурманов. Чего ж эти вотановы ублюдки борзеют? И почему им позволяют борзеть?

– Мыш, – шепнул Духарев. – Мой меч.

«Учил же Рёрах меня, дурака: не клади оружие дальше протянутой руки!» – сердясь сам на себя, подумал Серега.

– Ты че, Сергейей... – испуганным шепотом начал Мыш.

– Живо! – прошипел Духарев.

Мыш скатился с бревна и, пригибаясь, как будто ждал стрелы, кинулся к тюкам. Двое нурманов схватились за сулицы, но, разглядев, что это только мальчишка, остановились.

Их вожак все так же сидел у костра, глядел в пламя. Как будто вокруг – никого. На спину его поверх рыбьей чешуи доспеха была наброшена волчья шкура. Белая, с темной полосой по хребту.

Хищные глаза нурманов посверкивали в круглых прорезях шлемов.

Мышь подбежал, сунул Сереге меч в ножнах и сразу присел, прячась за Серегину широкую спину.

Нурманы это видели. Тут же один из чужаков – на нем тоже была волчья шкура, только не белая, а серая – обогнул костер и уселся на бревно рядом с Духаревым. Глянул на него нагло и вызывающе, ухмыльнулся. Воняло от нурмана, как от бомжа.

И сразу еще двое сошли с мест. Один быстрым движением выхватил нож, отмахнул от подвешенной кабаньей туши красную полоску, вытянул из-за пазухи мешочек с солью, сыпанул и стал жрать сырое мясо. Второй плюхнулся на бревно рядом с Зубковой женой, Неленей, скинул шлем, встряхнул спутанными волосами и вдруг ухватил Неленю за пшеничные косы, запрокидывая молодой женщине голову...

Зубок, вскрикнув, бросился к ней...

Нож нурмана, евшего мясо, свистнул в воздухе и ударил Зубка между лопаток. Брони на Зубке не было, и нож вошел почти на ладонь. Кривич споткнулся, широко раскрыл рот... Беззвучно, как рыба... И упал.

Над поляной прокатился дружный вздох.

Мгновением позже дико вскрикнула Неленя, нурман зажал ей ладонью рот и засмеялся, когда женщина попыталась укунить его ладонь.

– Зачем? – глухо произнес Горазд.

Предводитель отвернулся от огня – к Горазду. На нем был пластинчатый панцирь без рукавов и нашейника. Из-под панциря торчали рукава кольчужной рубахи.

– Виру потребуешь, словенин? – негромко поинтересовался он. – Или, может, – кровь за кровь возьмешь?

Говорил он по-своему, но Горазд понял. Да все поняли, даже те, кто не знал языка.

– Князь возьмет, – совсем тихо ответил купец.

– Если узнает. – Нурман глядел на Горазда, а Горазд – в утоптаный снег.

Нурман сдвинул на затылок шлем. Лицо у него было строгое и спокойное. Красивое мужественное лицо вождя-воина.

Его товарищ тем временем давил пальцами лицо Нелени. Женщина уже не кричала, подвывала на одной ноте, как собачонка. Нурман распахнул на ней полушубок...

«Эта сука нас провоцирует! – подумал Серега. – Ну ладно же!»

Он сжал рукоять меча, нажал большим пальцем, и клинок, щелкнув, выдвинулся из ножен. Тотчас сидящий около Духарева нурман небрежным движением обнял Серегу за шею, царапнул горло железными бляшками, нашитыми на раструб рукавицы. Его шлем был тоже сдвинут на затылок. Нурман выдохнул прямо Сереге в лицо, ухмыльнулся-оскалился, полностью уверенный в своем превосходстве рыжебородый наглец...

Духарев ударил его локтем, снизу вверх, в нос. меховой рукав куртки, конечно, смягчил удар, но голова нурмана мотнулась назад, и хватка на шее Серегинной ослабла.

Духарев, разворачиваясь, врезал нурману по зубам оголовьем меча, с удовольствием услышал хруст и перекатом ушел назад, одновременно стряхивая с меча ножны.

Брошенная в него сулица с шелестом вспорола снег. Серега встал на ноги, увидел, как Мышь лаской метнулся к упавшему нурману, скорее почувствовал, чем заметил еще одну сулицу, прыгнул и выхватил ее из воздуха буквально в метре от Мышовой спины, развернулся, увидел оскаленную пасть бросившего копьё нурмана и метнул сулицу обратно. Нурман присел, и сулица прошла мимо.

Боковым зрением Духарев увидел, как Устах опускает меч на затылок схватившего Неленю разбойника, перескочил через костер и из верхней позиции рубанул нурманского вожака, схватившегося с Гораздом.

Нурман затылком угадал опасность, отскочил, и меч впустую звякнул по панцирю, отхватив клоч волчьей шкуры.

Нурман вертанулся волчком. Жало его меча прочертило параллельную земле линию в сантиметре от Серегинной куртки, упало вниз, и Серега, не отдерни он ногу, – остался бы калеккой.

Свист... Серега инстинктивно присел – и клинок другого нурмана пропел у Духарева над макушкой. Приседая, Серега боковым зрением увидел набегающего третьего, взлетающий топор...

Духарев кувыркнулся ему навстречу, с кувырка оттолкнулся-ударил нурмана ногами в грудь – и тот исчез из поля зрения. А Серега кувыркнулся обратно – меч второго разбойника с маху врубился в мерзлую землю там, где только что был Духарев, – кувыркнулся и встал: нос к носу с нурманским вожаком.

Вот это было зрелище! В общем-то довольно красивое лицо нурмана перекосила страшная гримаса. Из оскаленного рта на бороду обильно стекала слюна, расширенные зрачки, красные белки глаз...

Даже если Серега и собирался испугаться, то не успел. Горазд с криканьем рубанул нурмана по спине.

Может, у купца с возрастом ослабел поставленный удар. Может, двойная, на совесть выкованная броня нурмана оказалась тверже кривичского клинка... В общем, панцирь выдержал, а брошенный ударом нурман налетел на Духарева.

Встретить его мечом Серега по близости дистанции не мог, поэтому и ударил с левой, в кадык, ощутив, как вминается внутрь хрящ. В шее нурмана что-то хрустнуло, и вождь разбойников тяжело рухнул навзничь. Купец замахнулся, но один из противников Сереги вихрем пронесся мимо Духарева и успел подставить под удар щит.

Третий, тот, что с топором, уже давно был на ногах и рубился с тремя кривичами.

Серега быстро огляделся. Из шести нурманов в состоянии активности остались только трое. Вооруженный топором – раз. Тот, что бился с Гораздом (теперь уже не только с Гораздом, а еще и с Драем), – два. И еще третий, что рубился сейчас аж с четырьмя. Правда, сразу было видно, что из этих четырех реально опасен для нурмана только Устах, прочие всего лишь путаются под ногами.

Серега остановился буквально на пару мгновений – перевести дух... И за этот ничтожный промежуток времени нурман с топором ухитрился разрубить бедро одному, развалить голову вместе со шлемом второму и отсечь правую кисть третьему кривичу. Третьего он тут же и прикончил бы, но Духарев опомнился и бросился на выручку.

Нурман бился классно! Он подхватил щит одного из кривичей и встречал им Серегин клинок так ловко, словно Духарев только по щиту и целил. Здоровенный топор нурмана летал, как бабочка, разбойник наседавал, давил, страшно рычал, норовил прижать к какому-нибудь дереву. Но Духарев тоже не вчера родился, и напугать его рыком было трудновато. Да и бегать спиной вперед он не любил, поэтому пропускал нурмана мимо себя, заставляя разворачиваться и терять напор. Но всякий раз, когда клинок бесполезно скользил по наплечнику или отлетал назад, отброшенный щитом, у Сереги возникало отвратительное ощущение бессилия, невозможности уязвить противника.

Лунный свет пробивался между крон, отражался от снега, изрезанного четкими черными тенями ветвей. Хруст снега, звон металла, тяжелое дыхание...

«Когда ж ты, медведь, выдохнешься?» – думал Духарев, уворачиваясь и ускользая.

Но выдыхался он сам. Бились они уже не на утоптанной поляне, а в лесу, по колено в снегу, что существенно помогало нурману. Духарев был быстрее, и реакция у него была лучше, но опыт нурмана сводил эти преимущества на нет. Серегу поддерживала только мысль о том, что он в любой момент может прекратить бой и ретироваться. Вряд ли тяжеловооруженный противник сумеет его догнать...

И только Духарев подумал о том, чтобы смыться, как нурманов топор чиркнул его по ноге.

Чутьочку задел, самым кончиком, но меховые штаны вспорол и мышцу на добрый сантиметр в глубину – тоже.

Боли Серега не почувствовал, зато теплую струйку, побежавшую по ноге, – ощутил. Сознание его сработало с потрясающей быстротой. Миг – и он уже валится на бок. Нурман, который знал, что попал, который учуял кровь, но оценить в темноте, насколько опасна рана

словенина, не мог,— действовал привычно. Отшвырнул щит, хватил топор двумя руками и нанес удар, отразить который можно разве что танковой броней.

Но Серега и не собирался его отражать. Он просто откатился в сторону и ткнул мечом снизу вверх. Целил он в пах, под железную панцирную юбку, но в пах не попал, а полоснул остро отточенным лезвием изнутри по ляжке. Довольно глубоко полоснул, а отдергивая меч назад, резанул по второй ляжке, еще глубже,— быстро перекатился по снегу, вскочил.

Нурман, опустив топор, глядел вниз, туда, где его кровь черными каплями плавилась в снег. Духарев ждал.

Наконец нурман поднял голову, издал странный звук — будто всхлипнул... И с места, двумя ногами,— прыгнул на Серегу. Топор с шумом прошел сверху вниз — Духарев уклонился влево, увидел совсем рядом всклокоченную бороду, придавленную ремешком шлема,— и коротким движением, из-за уха, всадил острие меча прямо под этот ремешок. Воткнул, одновременно поворачиваясь, обходя нурмана сзади, уходя от возможного (последнего!) удара, сразу выдергивая меч из пробитой трахеи...

Нурман забулькал, сделал шаг вперед — и повалился в снег.

«Я его убил»,— подумал Духарев.

Эта мысль его особенно не взволновала. Он обтер клинок снегом, слепил большой плотный снежок, сунул в разрез, оставленный в штанах топором нурмана, и заковылял к лагерю.

Глава двенадцатая, в которой кулачные навыки Сереги Духарева получают заслуженное признание

Рана Сереги оказалась пустяковой, но крови он потерял много. В общем, по собственной глупости. Надо было сразу жгут наложить и перевязать, а Духарев ограничился снегом, да еще взялся помогать Сладе обрабатывать раненых... В общем, пока она сама не увидела, что у Сереги штанина мокнет от крови...

Легкие ранения, кроме Духарева, получили трое. Устах, Теша и кривич из челядников, которому отсекали пол-уха. Еще один кривич пострадал серьезнее: лишился руки. Погибли четверо. Серега считал: повезло. Он помнил, как его последний противник, нурман с топором, в считанные мгновения расправился с тремя. Горазд и Драй вдвоем завалили одного нурмана, самого молодого, а потом — вместе с Устахом — еще одного, последнего. Можно сказать: едва-едва одолели. Да и то лишь потому, что нурманы в самом начале схватки потеряли троих. Теперь Серега полагал, что понимает, отчего Горазд и остальные так не хотели начинать драку.

Однако очень скоро выяснилось, что понимать-то он понимает, но не до конца.

Серегину рану Слада зашила, прилепила сверху наклепку из мха, забинтовала туго и отправилась помогать другим, оставив суженого отдыхать на бревнышке. Помощь пострадавшим оказывалась примерно такая же, как и Духареву. Зашить-перевязать. Малоприятная процедура, учитывая отсутствие обезболивающего. Особенно круто обошлись с потерявшим кисть — прижгли культю раскаленным железом. А парня, которому нурман вспорол живот, даже и лечить не стали, просто перерезали горло. Ясно, что не жилец.

Убитых сложили вместе: своих и врагов. Горазд отправил челядников рубить лесины: мертвых следовало как можно скорее предать огню, чтобы их призраки не докучали живым. Теша, правда, хотел, чтобы убитых нурманов не сожгли, а зарыли в землю. В отместку за убитого друга, Зубка. Но остальные сочли это слишком жестоким. Одно дело — надругаться над телом, другое — над духом. Тем более что закопанный в землю дух рано или поздно вырвется и начнет мстить. Нет уж, пусть летят нурмановы духи в свою Валхаллу, изольют там брагу забвения и не вспоминают более о своих земных убийцах.

Все вокруг суетились, складывали костер, обдирали убитых врагов, собирали в дорогу своих мертвых... Все трудились, даже легко раненные, только Духарев сидел один-одинешенек, голову повесив, прислушивался к боли в ноге и предавался грустным

мыслям. Вот, дескать, он уже и бился вместе с ватажниками, и не хуже прочих бился, а все равно как чужой.

От этих «плодотворных» размышлений его оторвал скрип снега.

Серёга поднял голову. Перед ним стоял Горазд.

А за спиной Горазда выстроилась вся ватажка: воины, слуги, челядники, чуть дальше – женщины. Отдельно от остальных – Слада. Из-за плеча девушки выглядывала довольная мордочка Мыша.

Горазд ждал.

Серёга понял, чего ждет купец, и поднялся, поморщившись от боли в раненой ноге.

Тут Горазд Серёгу по-настоящему удивил. Поклонился низко, в пояс, как Скольду и то не кланялся.

– Прости меня, витязь Серёгей, за непочтенные слова, кои говорил тебе прежде! Не знал я, каков ты! Смеялся над кулачным твоим умением! Прости!

– Да ладно, пустое, – пробормотал смущенный Серёга. – Ну о чем тут говорить...

– Прощаешь ли ты меня? – пробасил купец.

– Ну конечно! – воскликнул Духарев. – Слушай, можно, я сяду, нога болит.

И, не дожидаясь ответа, опустился на бревно.

Горазд и остальные остались стоять.

– Ты спас мою жизнь и имение мое. Ты спас всех нас, – продолжал Горазд торжественно. – Я должник твой.

– Ты меня нанял, – напомнил Духарев, но Горазд пропустил его слова мимо ушей. – Мы все кланяемся тебе, Серёгей-витязь! – Купец поклонился еще раз, и все остальные, от Устаха до последней девки-челядницы, последовали его примеру. Даже чудин, с которого так и не сняли цепей, и тот согнул спину.

Серёга совсем смутился и снова встал.

Вперед вышли Драй, Голомята и двое кривичей, чьих имен Серёга не помнил. По знаку Горазда они расстелили на снегу оленью шкуру, а на шкуру сложили серебряными кучками кольчуги и панцири, отдельно – шлемы. Отдельно от шлемов – мечи, кинжалы, луки и прочее. Одежду и кошель положили прямо на снег. Без того почтения, какое оказывали оружию.

От Духарева чего-то ждали. Чего?

Может, чтобы он примерил доспехи? Или разделил имущество на всех?

У Серёги не было ни сил, ни желания догадываться. Поэтому он изобразил головокружение (очень естественно, потому что голова у него действительно кружилась), оперся на бревно и прикрыл глаза.

Драй сунулся помочь, но его опередил Мыш.

– Тебе худо, Серёгей? – озабоченно спросил названный брат.

– Есть немного, – пробормотал Духарев. Горазд махнул рукой, и через три секунды рядом с Серёгой остались только Мыш и Слада. И трофейное имущество осталось.

Слада поднесла к Серёгиным губам чашку с горячим медом. Серёга покорно отпил, хотя успел уже возненавидеть эту сладкую бурду.

– Мыш, – негромко спросил он. – Что мне со всем этим делать?

– Оделить тех, кто лучше бился, – Мыш даже удивился вопросу.

– А почему я, а не Горазд, не Устах?

– Так он же сказал, что ты теперь старший. Без тебя нас всех посекали бы. Кабы ты обоих волколюдов не побил, нурманы б уже с нас живьем шкуру драли.

– Каких еще волколюдов?

– Да этих же, ну! – Мыш напрягся, вспоминая нужное слово. Вспомнил: – Бересерков! Или нет? Бересерки, это которые в Медведев перекидываются...

– Слушай, Мыш, – сказал Духарев. – Давай по порядку. Я, правда, ничего не понимаю в этих делах.

– Ври больше! – усмехнулся Мыш. – Все видели, как ты одному ка-ак взрезал! А

главному волчаре! Да он как упал, так и помер. Драй ему потом на всякий случай поленом башку разбить не смог!

– А почему поленом? – удивился Духарев.

– Дык волколюд же!

Понемногу Серега докопался до сути происшедшего.

Горазд с ватажниками своими испугался не просто нурманов. То есть нурманов тоже боялись, но куда меньше, чем берсерков-волколюдов. Считалось, что даже один берсерк способен укокошить полдюжины обычных ратников, поскольку бьет так быстро, что глазу не видно, а сам никакого железа не боится, хоть мечом его руби, хоть стрелой бей. А завалить волколюда можно только голой рукой или отрезанной медвежьей лапой. Что Серега нынче и доказал, повергнув наземь аж двух волколюдов. Один, правда, может, и не сильный волколюд был, потому что Мыш ему, оглушенному, горло перерезал и кровь побежала сразу, как у человека. Правда, нож, которым Мыш нурмана резал, – его же, нурмана, нож. Может, поэтому нурман и поддался. А может, это потому, что Сергей своим молодецким ударом из оборотня колдовство выбил. Но второй, главный, точно был сильный волколюд, авторитетно заявил Мыш. Горазд его не шутя мечом рубанул – и ниче. А Духарев один раз кулачищем приложил – и берсерк откинулся. Вот поэтому Горазд и извинялся. Мол, смеялся над Серегиным умением на кулачках биться, а выходит, это не просто для смердов потеха, а самая что ни на есть антиберсерковская боевая техника. Горазд – он крутой. Но справедливый. Наверняка теперь Духареву долю в товаре даст. И это правильно. Не будь Сереги, нурманы бы все забрали. А людей перебили всех, чтоб некому было на них князю жалобиться. И то, если б просто побили, а то ведь они, нурманы, а особенно волколюды, нет бы просто убить, так сначала мучают долго. От человеческой муки у них, говорят, сила прибывает. А уж что они с бабами творят...

Серега почувствовал, как напряглась сидящая по его левую руку Слада.

Он обнял девушку, прижал к себе: не бойся, милая! Никто тебя не обидит, пока я жив. А убить меня теперь ой как не просто!

Поговорив о садистских наклонностях нурманов, Мыш счел информационную часть беседы законченной и перешел к теме более животрепещущей. К дележу имущества.

Как выяснилось, Мыш совершенно точно знал, кому и что следует дать.

Во-первых, самому Духареву по праву победителя принадлежит все, что найдено на телах обоих берсерков и того нурмана, которого Серега зарубил в лесу. То, что главаря разбойников вроде бы добил Драй, а второго – Мыш, значения не имело. Беспомощного может и баба добить, так что ж ей, бабе, меч со щитом отдавать? Да она его и не подымет, боевой щит-то! Хотя он, Мыш, очень рассчитывает, что Серега отдаст ему нурманов боевой нож и пояс с серебряными бляшками. Драю можно отдать доспехи разбойника, которого они с Гораздом осилили. Меч Горазду отдать. А с третьим, которого уже втроем с Устахом побили, пусть сами решают, кому что.

Самое ценное, понял Духарев, его панцири. Он взял со шкуры тот, что раньше принадлежал вожаку нурманов.

Изнутри панцирь состоял из переплетенных кожаных ремней, к которым ремешками более тонкими крепились разных размеров стальные пластинки. Пластинки были выпуклые и упругие, а друг на друга ложились внахлест, как рыба чешуя. На самых крупных был выбит значок – клеймо мастера, вероятно. О высоком качестве брони говорило хотя бы то, что молодецкий удар Горазда всего лишь помял несколько чешуй. Еще в защитный комплект «волколюда» входила кольчуга с короткими рукавами. Серега прикинул, что такая двойная «шкура» способна выдержать и удар топором, и даже попадание «бронбойной» стрелы, выпущенной из мощного лука. Панцирь был достаточно широк, чтобы Серега мог носить его поверх тулупчика. Кольчуга – поуже. Но кольчуг было еще четыре, и одна – вполне подходящего размера. Еще Серега приглядел себе удобный шлем со стрелочкой, которую по желанию можно было опускать и поднимать, и красивые позолоченные наручи с чеканкой, явно нездешней работы.

– Забирай свой нож, – сказал Духарев Мышу. – И позови Устаха с Гораздом. Будем имущество делить.

Утром Устах нашел дополнительные трофеи – нурманские вещмешки, в которых, впрочем, ничего особенно ценного не оказалось.

А еще Серега, отчасти из озорства, отхватил кусок волчьей шкуры, которую носил на плечах нурманский вожак, и попросил Сладу пришить серый клочок к трофейному панцирю. Наподобие эполета. Мальчишество, конечно. Ватажники по поводу этого «украшения» ничего не сказали. Раньше, может, и намекнули бы, что нехорошо дразнить навий, бросать вызов мстительному духу волколюда. «Объяснили» бы то, что «знает» любой кривичский мальчишка. Но теперь все, включая Горазда и Устаха, считали Духарева экспертом по берсеркам. Раз Серега рискнул бросить «вызов» судьбе, привлекая возможных мстителей за убитого нурмана, значит, так и надо.

Серега же об этих «тонких сакральных материях» понятия не имел. Впрочем, сказали бы ему, все равно не срезал бы «серый» погон с плеча. Несмотря на все, что с ним произошло, Духарев никак не мог научиться принимать всерьез эти самые сакральные материи. И правильно. Неверие и неведение – тоже защита. Впрочем, в данном случае эта защита не сработала. Впрочем, может, и не в незримых силах дело, а в обычной случайности?

Глава тринадцатая, в которой Серегу Духарева производят в высшее воинское сословие

Неленя не долго плакала по Зубку. Трех дней не прошло, а она уже прилепилась к Драю. Серега ее не осуждал: молодая красивая женщина без родичей и заступников – вроде брошенного на дорогу кошелька. Кто первым подберет – тот и молодец. Правда, он ожидал, что молодница выберет мужнина друга Тешу, но, с другой стороны, в табели о рангах Драй стоял на уровень выше, а парень неплохой, хотя, по сути, мальчишка. Недавно он копировал каждый жест Устаха, а теперь нашел еще один образец – в лице Духарева. Почтительно попросил показать удар, каким Серега разбил горло нурману, еще более почтительно попросил побиться с ним на палках. Сереге и самому было интересно пофехтовать, поэтому он поработал сначала с Драем, а потом и с Устахом. Драя он сделал без особого труда, а вот с Устахом оказался почти на равных. Не будь у Сереги преимущества в быстроте, росте и силе, синеусый воин разделал бы соперника под орех. Оба, Серега и Устах, получили от поединка огромное удовольствие.

– Сразу видать, что тебя варяг учил! – одобрительно заметил синеусый воин.

Серега тоже заметил «общность школы», основанной не столько на силе, сколько на быстроте, ловкости и выносливости. Правда, и силу не следовало сбрасывать со счетов.

Заодно Серега решил преподать пару уроков своему названому братцу. И тут же столкнулся с проблемой. Выяснилось, что сам Духарев понятия не имеет о «базовой технике» фехтования. Практичный Рёрах эту часть попросту опустил, построив обучение на тех «рукопашных» навыках, которые уже были у Духарева. Пришлось Сереге обратиться за помощью к Устаху.

Синеусый варяг помог. Не без удивления. Его можно было понять. Не так уж часто встречаешься с писателем, который не знает букв, а изъясняется исключительно готовыми фразами.

Мыш, вопреки ожиданиям Духарева, оказался парнишкой способным, и Устах даже укорил Серегу в том, что пацана не отдали в детские годиков пять-шесть назад. Тогда к настоящему времени из Мыша вышел бы уже вполне боеспособный отрок, а не тощее белобрысое убожество, каким побратим Сереги и является сейчас. Серега в ответ возразил, что Мыш стал его братом меньше года назад и, следовательно, он, Духарев, раньше не имел возможности принять участия в его судьбе.

Устах взял упрёк назад.

А спустя два дня у них с Серегой произошел серьезный, можно сказать, глобальный разговор.

Они сидели у костра. Духарев, Слада, Устах, Драй с Неленей, Теша и пара воев-кривичей, молодых.

– Я – варяг по крови, – сказал Устах. – Драй – варяг по жизни. Кто из нас лучший?

– Ты, – не раздумывая, ответил Серега.

– Почему?

– Бьешься крепче.

Драй засмеялся.

– Подкинь, – уронил Устах, и кто-то из молодых подбросил в огонь сучьев. Пламя оживилось.

– Крепче, – согласился Устах. – А с тобой?

– Ну... Меня ты тоже достать можешь, – уклончиво ответил Духарев.

– Могу, – согласился Устах. – Два раза против пяти.

– Ты лучше бьешься, – не согласился Духарев. – Просто я быстрее.

Это тоже было правдой. Устах владел оружием намного лучше, Духарев учился у него, а Устаху у Сереги учиться было нечему.

– Понимаешь, к чему я клоню? – спросил Устах.

Духарев покачал головой.

– Скажи ему, Драй.

– На словенской земле, – сказал новгородец, – от моря Северного до Дикого Поля только нурманы и варяги – лучшие воины. Тебя кто пляске битвы учил, варяг иль нурман?

– Варяг, – ответил Духарев.

– Ну так?

– Я понял, – сказал Серега. – Что от меня требуется?

– Эй, молодича, воды горячей подай! – скомандовал Устах Нелене.

Он порылся в сумке, вытащил и бросил в котелок щепоть сушеной травы. В воздухе густо запахло мятой.

– Бороду смочи, – велел варяг, вытягивая из чехла нож. – Угу. А теперь чуток наклонись.

Лезвие, остротой вполне соперничающее с бритвой «Жиллет», пришлось по Серегиным щекам, и светлая бородка осыпалась на подставленную рогожку. Минута, не больше – и от светлой поросли остались только сбегаящие книзу усы. Конечно, не такие роскошные, как у Устаха, в косички не заплетешь, но вполне приличные.

– А голову? – спросил Духарев, вспомнив Скольда.

Драй и Устах засмеялись.

– Пока так походишь, – сказал Устах. – Голову лучшие мужи бреют.

Серега пощупал свисающие по сторонам подбородка усы.

– Ну что? – спросил он. – Это все?

Он помнил, как они братались с Мышом, помнил Волохово капище и ожидал неких особенных обрядов, клятв... А тут – просто как в парикмахерской.

Устах смахнул волосы с рогожки в огонь, пробормотал что-то и поднялся.

– Не все, – произнес он. – Пойдем. Прогуляемся.

Они отошли от костров, в темноту. Под ногами похрустывал снег. Где-то жалобно и тонко провыл волк. Но никто из его братьев не отозвался.

Устах остановился.

– Слушай, – произнес он негромко. – И запоминай. Наш устав простой, но кто его преступит – умрет. Мы, варяги, сыновья моря. Потому на море мы никогда друг против друга не встаем. А на твердой земле, бывает, под разными знаменами ходим. Бывает, вожди наши меж собой бьются. Это ведь жизнь. В жизни и брат брата погубить может. Ты вот – христианин, я – первым Перуна почитаю. Схлестнутся наши боги, начнут спорить, кто выше, так и мы с тобой железом играть начнем. Варяг против варяга. Но есть у нас своя Правда. И ты эту Правду знать и исполнять должен. А отступишь – тебя любой из нас, как пса

бешеного, убить может. И виру князю иль наместнику с воеводой платить не станет, коли наместник, князь иль воевода – тоже варяг. А коли не варяг... Все одно платить не станет! – Устах засмеялся, но тут же посерьезнел.

– Вижу,– проговорил он,– ждешь ты, что я клятву с тебя возьму? Не жди. Клятву с тебя вождь возьмет, когда под свою руку примет. А коли ты, и без клятв, от варяжской Правды отступишь, мы, люди, тебя к ответу призовем не хуже сильных богов. А теперь слушай ее, Правду! – Устах положил руку на плечо Духарева.– Слушай и внимай. Первое: варяг никогда не приведет беду на землю своих пращуров! Внял?

– Да,– кивнул Духарев.– А где эта земля, Устах?

Глава четырнадцатая, в которой Серега узнает кое-что полезное о политике и выслушивает еще одну версию гибели Вещего Олега

Превращение Сереги в варяга ватажкой Горазда было принято одобрительно, а Мыш вообще был в восторге. Единственный, кому пришелся не по душе новый имидж Духарева, был сам Горазд.

– Был ты наш, кривич, а стал – кто?

– Стал варяг! – отрезал как будто выросший из-под земли Устах.– Иль ты хочешь что плохое о варягах сказать? Говори!

Горазд поглядел на своего собственного наемника... Сплюнул, толкнул коня пятками и усакал вперед. Устах дернул крашенный ус.

– Горазд – муж добрый, только... – варяг ухмыльнулся,– ...кривич. Втемяшилось ему, что его родовичи – из славян лучшие.– Устах согнул палец крючком, постучал по ладони.

– Да ему просто долю князю платить жалко! – возразил Духарев и тоже ухмыльнулся, поскольку не забыл, какие темы толкал купец, когда Духарев, связанный, бежал за его повозкой. Что-то он тогда не называл Серегу «нашим» и «кривичем», а называл чужаком и определял не в национальные герои, а в ромейские рабы.

– Кривич, не кривич, а посулят Горазду цену хорошую, он половину своих родичей продаст!

– Ты не прав, Серегей,– покачал головой Устах.– Есть у Горазда челядники-кривичи, да, но чтоб он их на торг ставил, я не слыхал. А что Горазд долю князью платить не хочет, так тут ты прав. И он – прав. При Олеге с ромеями торговать выгодней было. Боялись его крепко, и рота у ромеев с Олегом была одна. А с Игорем – уже другая. Олег их бил, а Игорь так, пощипал немного. А с гостей, таких как наш Горазд, берет против Олега вдвое. Эх, какой князь был! – Устах вздохнул.– Велик был, мудр... а погиб глупо.

– Почему глупо? – спросил Духарев.– Я слыхал, его в степях подстрелили.

– Так говорят,– вздохнул Устах.– Но ты теперь варяг, тебе правду скажу. Ее немногие знают, только те, кто с Олегом тогда ходил. Мой отец – из Олеговых русов. Он мне и рассказал.

Варяг придержал коня, который все порывался обогнать Серегиного Пепла, и продолжил, немного понизив голос:

– Олег тогда к хузарскому хакану ходил...

История Вещего Олега в версии варяга Устаха

...Олег-князь тогда к хузарскому хакану ходил. О дорогах договариваться: кто и где их держать будет. Ране хузары все пути держали да на нашу Русь глядели гневно, что дань теперь поляне да прочие не им, а нам платят. Но когда самого хакана печенегии шипать стали, не до старых ему обид стало. А ведь сказал ему волох еще в Киеве: не ходи, сгибнешь. За коня смерть получишь. А конь у Олега хорош был. Таких с восхода везут, а у ромеев продают за серебро по весу. Олег его от ромеев и привез. Волох сказал: смерть примешь; да рази такого, как Олег, Ирием застращаешь. Сказал: я сам ведун, сам знаю, где моя гибель

бродит. Может, и знал.

С хаканом у них хорошо сладилось. Ну, Олег на радостях ему своего коня и подарил. Может, вспомнил волоховы слова, потому и отдал. И хакан его отдал щедро: привел к наложницам своим, из тех, с кем еще не возлежал: «Выбирай, говорит, какая глянется!»

Олег и выбрал. А девка, змея, его ночью и убила. Наши утром в шатер вошли, Олег мертвый лежит, синий весь, и девка – мертвая: жилы вскрыла. Так вот никто и не узнал, за что она его убила.

– Может, ее специально хакан научил? – предположил Серега.

Устах покачал головой:

– Хакану-то зачем? Хакану с Киевом дружить хорошо. У хузар печенежские орды – что рогатина в боку. Не до нас им. Ну, бывало, бились они и с Олегом, но ясно же, что чем друг у друга стада да табуны угонять, куда веселей ромеев за мощну щупать. Да и бились чаще по наущению тех же ромеев. А Киеву со Степью ссориться тоже не с руки. Уйдет князь с русью в поход иль в набег – а степняки уже под киевскими стенами. И девка та – ромейкой была. Вот и смекай.

Серега подумал и спросил:

– А Игорь, он тоже с хазарами дружит?

– Игорь? Нет, – Устах качнул головой. – Игорь ни с кем не дружит.

– Почему?

– Жаден слишком. Вот слыхал, как он на ромеев первый раз ходил? Как побили его? А почему побили, слыхал? Потому что с малой дружиною шел! А почему с малой? Да чтоб добычей не делиться! Олег войско по всей своей земле набирал. А Игорь, даже когда по второму разу на Царь-город ходил да понял уже, что одними гриднями ромеев не повоюешь, и тут извернулся. Печенегов в союзники взял. Волков степных удумал на сворку взять. Ну и купили их ромеи. Всех. Что печенегов, что дружину Игореву. Посулили им малую дань – они и согласились. Оно ведь как: каков князь, такова и дружина. Лучше, говорят, малая дань без боя, чем большая сеча. В сече-то неизвестно, кто победит. А тут еще печенеги, того и гляди, в спину ударят за ромейское золото.

Вот Свенельд, воевода княжий, тот – молодец. И силой не обижен, и к своим щедр. У него отроки в шелках ходят, а у Игоря гридни – в холстине. Иной раз и не поймешь: гридь или разбойник с тракта.

«Вот это точно!» – подумал Духарев, вспомнив тех, кто грабил кузнеца.

– Значит, – сказал он, – больше всех от смерти Олега получил Игорь?

Устах поскреб затылок.

– А ведь точно, – согласился он. – Стол в Киеве он получил. Только Игорь хоть и жаден, аки нурман, а все ж варяг по крови. Олег его в Киев на руках внес. Не мог он Олега сгубить! Да и повадка это не наша, а ромейская.

– Тебе видней, – согласился Духарев.

И вдруг со всей отчетливостью, как в тот раз, на распутье, понял: он прав. Он, а не Устах. Кто бы ни осуществил убийство, но сделано это с подачи нынешнего киевского князя. Типичная заказуха.

Эта уверенность-знание (второй раз!) потрясла Серегу больше, чем сам открывшийся факт. Да и что в этом факте неожиданного? Это здешним парням, с их благоговейным отношением к родичам и обязательствам, факт сей кажется психологически невероятным. Но Серега – выходец из общества с совершенно другой моралью. Из общества, где «князьями» становятся именно те люди, которые легко забывают о родстве и обязательствах, когда речь заходит о деньгах или власти.

И как же поступить самому Духареву? С одной стороны, знание психологии киевского князя может стать неплохим подспорьем, если Серега поступит к нему на службу. С другой стороны... Это там, откуда Серега ушел, у него не было выбора: один говнюк стоит другого. А здесь, слава Богу, выбор пока еще есть.

Глава пятнадцатая Смоленск

Наконец наступила весна. В смысле, потеплело и снег потек водой. Горазд заторопился. Понятное дело. Еще чуть-чуть – и гладкий санный путь превратится в болотную жижу. К счастью, до Смоленска оставалось меньше двух переходов, но Горазд все равно ворчал недовольно: мол, всегда приходил заблаговременно, а тут... Кого купец винил в опоздании, было непонятно.

Спешили все, не только Горазд. Их дважды обогнали караваны с более легким грузом и без медлительных челядников. Пытались обогнать и по третьему разу: перед самым постоянным двором какой-то молодой новгородский купчина вознамерился. Рассчитывал, вероятно, занять места получше.

Горазд что-то недовольно буркнул Устаху, синеусый варяг кивнул Духареву: составь компанию.

Новгородского купца, который, встав на сани, начал было что-то говорить, Устах проигнорировал. Подъехал к старшему охраннику чужого поезда, не нурману, не варягу, а обычному вою, хоть и в хорошем доспехе, уронил:

– Слезь с хвоста.

Повернул коня и отбыл.

Сереха, чуть задержавшись, не без удовольствия глядел на то, как борются в чужом охраннике противоречивые чувства, подмигнул бедняге, поскольку заранее знал, какое чувство победит, – и последовал за Устахом.

Через пару минут передние сани новгородцев, уже поравнявшиеся с уныло бредущей челядью, встали. И простояли достаточно, чтобы замыкающий Горазда перестал их не только видеть, но и слышать.

Предосторожность Горазда оказалась весьма нелишней. Постоялый двор был небольшой, вдобавок здесь уже разместился один поезд, так что обгони новгородцы торжковских – ночевать последним на улице. А так на свежем воздухе расположились новгородцы. Что ж, и в такой ночевке имелись свои плюсы. Сереха, например, никак не мог привыкнуть к местной системе отопления, к густой копоти и хлопьям сажи на потолке, и, если приходилось ночевать в общем зале, старался лечь поближе к двери.

– Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой... —

вполголоса затянул Теша.

«Ворону» ватажников научил Духарев. Песня всем понравилась. Даже Устах высказался в том смысле, что правильная, реальная песня. Правда, музыкальный слух, да и память тоже у Серехи чуток прихрамывали, но поскольку никто из присутствующих не слышал оригинала, то и критики в адрес Духарева не было. Вообще-то здешний народ попеть любил, только все песни были какие-то... заунывные. На одной ноте.

Ватажка Горазда собралась за одним длинным столом. Те, кто поавторитетней, – ближе к середке, остальные – по краям. Диковатый чудин и еще пара челядников, которым не хватило места, – на присыпанном соломой земляном полу.

Теша умолк, потому что Горазд начал рассказывать о степняках. Тема была актуальная. Половина людей из ватажки на юге никогда не бывали и о кочевых племенах знали только всякие байки, типа того, что степняки умываются пылью, а к сбруе привешивают засушенные головы врагов.

– Что есть главное свойство кочевника? – неспешно толковал купец. – То, что возникает он как бы ниоткуда и никто не знает, какой он силы и чего от него ожидать. Иной раз даже и непонятно, человек ли он или полунежить.

«Ну прямо вылитый я!» – подумал Духарев.

– Отошел ты, Теша, к примеру, по нужде... – Горазд усмехнулся. – Только пристроился, а тут степняк. Ты и облегчиться не успеешь, а у тебя уже стрела между ушами торчит. А то и вовсе хватя тебя арканом – и поскакал. А ты следом, наподобие свиной туши.

– Ну, аркан можно и ножом секануть, – не сдавался Теша.

– Угу, – Горазд погладил бороду. – Гузку свою секани, проще будет. Он же тебе аркан не на язык накинёт. Если убить захочет, то на шею, а если живым взять – на тулово. Так, чтоб и руки прихватить.

– Да я выдерусь! – самонадеянно заявил Теша.

– Вот он, – Горазд кивнул на Духарева, – может, и выдерется. А ты, как за лошадиным хвостом полстрелища проволокешься, вообще забудешь, кто ты есть!

– Так что ж делать?

– Одному не ходить! – рявкнул Горазд. – Зброю из рук не выпускать! Ушами слушать, носом нюхать, всякое подозрительное место взглядом держать. Верно я говорю, Устах?

Варяг кивнул, но добавил:

– Степь велика. Можно дни ехать – и никого не встретить. А вот у порогов, где волоки, степняки всегда сидят. И ежели видят, что вас немного, нападут непременно.

– А бьются как? – спросил кто-то. – Крепко?

– Из луков бьют хорошо, – ответил варяг. – А в сече – так себе. Если их врасплох взять, побить можно. А так, они чуть что – по полю рассыплются, и ищи-свищи.

– А можно их – врасплох? – жадно спросил Мыш.

Его тут же щелкнули по лбу: не лезь в старшие разговоры. Но Устах ответил.

– Брали и врасплох, – сказал варяг. – Побить любого можно, хоть кочевника, хоть нурмана, хоть самого крепкого воеводу. Если умеючи. Олег бил. Свенельд и ныне бьет... А хитрый ромей, к примеру, сам не бьет, а других натравливает.

– Умно! – одобрил Голомята и хлебнул меду из чужой кружки. Как бы по ошибке.

– Может, и умно, – отозвался Горазд. – Да только кто мощной вместо клинка воюет, у того когда-нибудь мощну и отберут.

«И это купец!» – подумал Духарев не без восхищения.

Нет, ему определенно нравились эти ребята. И их идеология. И вообще...

Он наклонился и поцеловал Сладу в теплую макушку.

– Спать не хочешь? – спросил он вполголоса.

– Немножко.

– Пошли. Я тебе на ночь сказку расскажу.

– Какую?

– Стра-ашную! – Серега округлил глаза. – Про Дракулу!

– Ох! – Черные глаза блеснули.

Слада ужасно любила страшные истории, которых у Сереги был немереный запас. И в здешнем мире, где не было ни книгопечатания, ни видео, у Духарева был эксклюзив на самые фантастические истории.

Вопреки Серегиным ожиданиям, отметка, оставленная нурманским топором на его ноге, затянулась поразительно быстро. Зато погода окончательно испортилась. Еще с ночи зарядил дождь, а к Смоленску подъехали уже после полудня, мокрые и сердитые. Челядники стучали зубами и бежали рысцой, чтобы согреться. Воины, конечно, не мерзли, но и им дождь – одни неприятности. Вода беспощадно губит лучшее оружие, особенно луки.

В воротах уже стояли трое саней. Люди смоленского воеводы шмонали сани с большим усердием. Определяли размер пошлыны. Хозяева саней стояли кучкой, мокли и терпели. Серега представил, как смоленские стражники будут до вечера потрошить поезд Горазда, и ему очень захотелось выпотрошить самих стражников. Тем более что заправлял ими молодой нурман с очень паскудной улыбкой.

Однако обошлось. У Горазда оказалась гостевая льгота и особая княжья гривна в подтверждение того, что все подати с купца будут взяты в Киеве. И только в Киеве.

Смоленск утопал в грязи. Здесь не было деревянных тротуаров, как в Малом Торжке. Растаявший в одночасье снег и проливной дождь превратили улицы в ледяную жижу по колено глубиной. К счастью, идти пришлось недолго. Постоялый двор, с хозяином которого у Горазда была договоренность, располагался недалеко от ворот. Гораздова ватажка оккупировала пространство около печи. Не чинясь, и вольные, и холопы скинули мокрую одежду и завернулись в льняные полотна, принесенные хозяином гостиницы. Всех напоили горячим медом, который на этот раз даже Серега выпил с удовольствием. Хозяйские слуги принесли три корзины с живыми гусями. Гуси были придиристо изучены, найдены достаточно жирными, одобрены и унесены на смерть. Через четверть часа они уже румянились над огнем, распространяя сногшибательный запах.

Ущемленные ватажкой прочие купцы-постояльцы, которым тоже хотелось устроиться поближе к огню, убаюканные мирным видом новых гостей, взялись отпускать весьма неприличные замечания по поводу статей женщин. А также высказывать определенные сомнения по поводу мужских достоинств составляющих ватажку мужчин. Поскольку большая часть замечаний касалась красавицы Нелени, то Драй в конце концов вышел из терпения, взял меч, отбросил простыню, чтобы не мешалась, и встал перед юмористами. Отсутствие одежды смущало его не больше, чем даму на пляже – отсутствие бальных туфелек. Золотая гривна, определяющая статус воина, полдюжины оберегов и, главное, меч – вот то, что нужно варягу, чтобы чувствовать себя прикинутым по лучшей моде. Тряпки – это мелочь.

Голосом, холодным, как болотная слякоть, Драй предложил сомневающимся убедиться, что мужские атрибуты у него присутствуют, а затем предложил свою помощь, если кто-то из присутствующих желает определиться евнухом при дворе царьградского кесаря. Купцы не пожелали. Возможно, они были не робкого десятка. Возможно, будь Драй один, они бы повели себя более энергично. Но три варяга – это слишком много даже для очень воинственных торговцев. Шутки прекратились. Возможно, после пары корчаг меда и дюжины кувшинов пива новые и старые гости даже подружились бы, но вновь прибывшие слишком устали для застолья и сразу после трапезы разбрелись по своим углам. Серега, правда, прежде чем подняться вместе со Сладой и Мышом в предоставленную им комнату, не поленился зайти на конюшню, проведать Пепла.

Когда он вернулся, Мыш и его сестра уже сопели в четыре дырочки. Сереге спать еще не хотелось, поэтому он отправился в гости к Устаху. У того уже сидел Драй. Варяги развлекались, передвигая деревянные фигурки по разделенному на клетки полю. Не без удивления Духарев признал в игре шахматы.

Драй проиграл, и Устах предложил Сереге сыграть с ним партию. Духарев отказался. В шахматы он последний раз играл лет в десять. А тут еще и правила, небось, другие.

Варяги поменялись фигурами и сыграли еще раз.

Дождь кончился.

Драй опять проиграл, и Устах послал молодого кривича, с которым делил комнату, за Гораздом. А Серега ушел спать.

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев знакомится с городом Смоленском, вернее, с его окрестностями

Когда Духарев проснулся, Слады в комнате не было, а Мыш сидел на коврике и терпеливо ждал, когда его названный брат соизволит продрать глаза. Как выяснилось, ждал он не просто так.

– Слышь, Серегей, ты Сладку не передумал в жены брать? – осведомился он.

Духарев сел, поморгал, отгоняя сон.

– Нет, – ответил он. – А чего это ты вдруг озаботился?

– А того, что я ей единственный родич! – заявил Мыш. – Ну если тебя не считать, а тебя сейчас считать нельзя, потому что ты – жених. Ну что, берешь Сладку женой?

– Беру,– сказал Духарев.– Только не наезжай.

– Главной женой? – уточнил дотошный Мыш.

– Самой главной!

– По рукам! – Мыш подставил ладонь, по которой Духарев хлопнул с большим удовольствием. С еще большим удовольствием он отвесил бы пацану подзатыльник. Разве можно наваливаться с такими вопросами на только проснувшегося человека?

Мыш потер ладошку.

– Меня Сладка послала,– простодушно сообщил он.– За тебя беспокоится. Говорит: ты муж сильный, тебе каждый день женщина нужна.

– Ну уж и каждый день... – пробормотал заочно польщенный Духарев.

– Так что надоть вам побыстрей пожениться, говорит, не то загуляешь,– деловито продолжал Мыш.– Согласен?

– Ой загуляю! – мечтательно проговорил Духарев.– Весь Смоленск перетрахаю!

– Чего весь Смоленск? – не понял Мыш.

– Согласен, говорю! Что от меня требуется?

– Откупа я с тебя брать не буду,– сообщил Мыш.– Ты ж в роду старший. Выходит, сам себе и заплатишь. Ну и с приданым то ж самое.

– Да я не о том,– махнул рукой Духарев.– Как у вас свадьбы-то играют?

– Мы ж христиане,– сказал он.– Нам играть не положено. Да ты не беспокойся. Я Сладке скажу, она все устроит. Она с утра на Торжок ходила, узнавала, где тут братьев наших Христовых найти можно. Коли ты согласен, так она узнает, что да как. Ну а ежели никто из здешних вас поженить не сможет, тогда до Киева ждать придется. Ты как, дотерпишь? А то давай я с Гораздом поговорю: он тебе до Киева челядинку любую даст, на какую покажешь. Неча тебе деньги зря на смольнянских девок тратить! – решительно заявил он.

– Ах ты наш бережливый! – ласково проговорил Духарев, и наученный опытом Мыш быстренько прикрыл ладонями уши.

– Я же токо о нас и забочусь! – обиженно пропищал он.

В дверь постучали.

– Серегей! – раздался голос Устаха.– Айда коней пробежим! Как?

– Иду! – крикнул Духарев.

– Сладе скажи – к обеду вернусь,– велел он Мышу.

– Да хоть к ужину! – отмахнулся пацан.– Ты токо денег на баб не трать.

И ловко увернулся от оплеухи.

«Пожалуй, воин из него выйдет,– подумал Серега.– Проворен».

– Кончай прыгать,– сказал он.– Кольчугу мне подай, братишка.

Чешуйчатый панцирь Серега надевать не стал. Не на битву ехать. Кольчуга, шлем, меч, пара ножей... Обычная «оснастка» воина-варяга на мирной прогулке. Серега поглядел на себя в бронзовое зеркало, опустил вниз стрелку шлема – хорош! Вот только усы коротковаты.

Во дворе уже ждал Устах. Хозяйский холоп держал в поводу двух жеребцов. С опаской держал: варяжские кони – звери. Вон, это даже дворовые псы понимают, держатся на безопасном отдалении.

– Долго собираешься,– укорил Устах.

Упруго оттолкнулся и вмиг оказался в седле. Серега повторил его движение, но у него получилось куда менее грациозно.

Синеусый варяг припал к шее коня, шепнул ему что-то на ухо. Жеребец с места взял в галоп, помчался через двор, с каждым прыжком наращивая ход. Дворовой, собравшийся отпереть ворота, шарахнулся в сторону, конь Устаха мощно оттолкнулся и перелетел через верхнюю перекладину – выше человеческого роста,– даже не поджимая ног, с запасом.

Сереге очень хотелось повторить прыжок, но он не рискнул, подождал, пока слуга откроет ворота.

Из города они выехали бок о бок, шагом проехали по раскисшей дороге, свернули с нее, срезая петлю, на еще более раскисший луг, затем вверх, по пологому склону, и как только копыта животных перестали по бабки утопать в грязи, оба, не сговариваясь, отдали поводья, и кони понеслись наперегонки, расплескивая копытами мягкий дерн. Пепел выиграл гонку. Вынесся на плоскую вершину, опередив соперника корпуса на два. Он бы скакал и дальше, вниз, но Серега остановил его.

Днепр разбух от талой воды, помутнел. Городу, стоящему на высоком правом берегу, половодье пока не угрожало, но низкий левый берег уже скрылся под водой. Скоро река поднимется еще выше, «запрет» притоки, и тогда внешние воды зальют прибрежные рощи. И каменные зубы порогов.

Серега смотрел на еще не разлившуюся реку и как будто видел эти необозримые пространства почти неподвижной воды, торчащие из нее верхушки деревьев. Он знал, что когда-нибудь увидит воочию это половодье. И еще он знал, что случится это не так скоро...

Духарев очнулся, встряхнул головой.

Устах, чтобы не нарушить состояния товарища, спешил поодаль. Серега уже не замечал, насколько чуток синеусый варяг и насколько деликатен. На первый взгляд, совершенно неуместное свойство для человека, чья профессия – убивать людей. Но это только на первый взгляд. Именно чуткость, чутье, интуиция дают возможность вовремя применить силу и сохранить жизнь. Интуиция, умение угадать чужие мысли и намерения, опередить... Или не побеспокоить, если речь идет не о враге, а о друге. Это было не столько свойство души, сколько естественная необходимость. Иначе узкие палубы боевых варяжских лодий или нурманских драккаров стали бы слишком тесными для многочисленных дружин. Грубые, невожатые в словах и поступках, постоянно ссорящиеся между собой викинги «обитают» только в голливудских фильмах. В реальной жизни такие туповатые ублюдки перерезали бы друг друга на третьей неделе плавания... На радость прочим морским народам. Конечно, Духарев, который никогда не плавал месяцами, под квадратным парусом, по северным морям, об этом понятия не имел. Но отмечал необычайную тактичность Устаха, его уважение к чужому праву на уединение. Отмечал и учился. Правда, деликатность Устаха распространялась только на друзей, равных. Эмоциям всех остальных людей Устах уделял не больше внимания, чем скрипу тележного колеса. Скрипит – смажем. Плохо крутится – сменим.

Днепр... Серега подумал, что раньше, в той жизни, он никогда не видел Днепра. Только Днепрогэс на фотографиях. В той жизни он и подумать не мог, что будет сидеть в седле и глядеть с вершины холма на весеннюю реку. А за спиной у него будет меч и рядом – самый настоящий варяг, один из тех, о ком преподаватель истории в универе, помнится, говорил, что они вообще выдумка. Устах бы ему объяснил, какая он выдумка. Да нет, не стал бы синеусый воин обижать хилого книжечка. Посмеялся бы и продал теоретика за четверть гривны Горазду.

Внезапно Сереге представилось, как он, в нынешнем прикиде, входит в смешной кабачок с сетками под потолком, где они отмечали последний Вовкин день рождения. А что, он ведь смотрелся бы там вполне органично. Получше, чем бандюки в гастуках. А интересно, что было бы, если б он вместо деревянных высыпал на стойку серебро?

Ментов бы вызвали, вот что. И отобрали бы у Сереги меч и прочее. И сунули бы в обезьянник. И сидел бы он, пока кто-нибудь из корешей не приехал и не отслонявил «выкуп».

«Нет уж, пацаны! – мысленно сказал Серега тем, кто приложил руку или крыло к его „перемещению“. – Не надо меня назад! Мне тут больше нравится! Тут воздух свежий!» Есть, конечно, и минусы. Вроде отсутствия туалетной бумаги, горячего душа и развитой медицины. Зато...

Пепел переступил под Серегой, покосился на всадника: что, так и будем стоять?

– Ты умница, – шепнул ему Духарев с нежностью. Откинулся в седле и испустил душераздирающий визг, приведший в ужас воронью стаю в соседней роще.

Жеребец Устаха перестал щипать траву, поглядел на Серегу осуждающе.

– А знаешь,– сказал Духарев варягу,– кажется мне: не поеду я в Киев. По крайней мере, этой весной.

– Там видно будет,– философски ответил Устах, взбираясь в седло.

Смоленск лежал под ними, как нарисованный. Белые стены, опоясанные черным валом, деревянные причалы – почти вровень с поднявшейся водой, лодки и лодьи, крашенные, новые, и старые, уже потемневшие. Иные уже просели под тяжестью груза, но не отплывали. Серега знал: купцы ждут, когда вода поднимется еще выше и зальет пороги. У причалов без всякого порядка громоздились сараи, за сараями, ниже по течению – верфи. Мимо них, вверх по течению, подталкиваемая длинными веслами, как гигантский жук, ползла боевая лодья. На грязно-белом, почти обвисшем парусе был грубо намалеван красный изломанный крест-свастика.

Устах уже спустился с холма.

– Вперед,– скомандовал Духарев Пеплу, и через несколько минут он и синеусый варяг ехали рядом.

Дорога совсем раскисла. Теперь Серега понимал, почему Горазд так торопился. Задержись они на сутки, и груз пришлось бы навьючивать на лошадей: сани увязли бы в грязище.

Из пригородов тянуло дымом. Где-то близко звенело железо. Кузня, как всегда,– на отшибе.

От дороги ответвилась вверх, на днепровскую кручу, широкая тропа. Устах уверенно свернул на нее. Тропа была нехоженная, покрытая плотной снежной коркой. На обочинах вылезали из лежалого снега, как грибы, столбики из уложенных друг на друга камней. На каждом из верхних булыжников были вырезаны разные знаки. Чаще всего – косой «андреевский» крест. Похожие «монументы» Духарев видел у Волохова капища. Только там само капище еще было огорожено невысоким каменным валом, а здесь ограды не было. Тропа просто вывела наверх, в дубовую рощу. Все деревья тут были старые, подрост тщательно вычищен. Тут и там между деревьями чернели огромные кострища. В них без труда можно было разглядеть кости. Человеческие. Ага! Вот он, родимый!

Широченные плечи, бычья выпуклая грудь, разделенная натрое борода, выкаченные глазищи... Перун.

Устах спешил. Поклонился с достоинством, вынул из кошель золотое колечко, вложил в раззявленный рот идола.

Серега тоже спрыгнул на землю, тоже поклонился, чтоб не обижать варяга, конечно, а не потому, что собирался молиться этой деревяшке. Но место и впрямь было мощное. Серега даже ощутил, как побежали по спине знакомые мурашки и захотелось выкрикнуть что-то... грозное.

Яростный черный лик языческого бога был обращен к реке. Такую мелочь, как люди, он словно и не замечал.

– Дай ему что-нибудь,– сказал Устах. – Ты – варяг. Твой Христос не обидится.

Серега достал из кошель смятую в комок половинку шейной серебряной гривны, сунул в черную пасть идола. Звякнуло. Внутри идол был пуст.

Устах поклонился еще раз.

– Мы еще вернемся, молниерукий,– пообещал он. – Я и он.

Как и следовало ожидать, идол не ответил.

Глава семнадцатая, в которой знакомство с городом Смоленском продолжается

После обеда Горазд отправился торговать лодьи. С собой он взял пару приказчиков, Мыша и Устаха. Последнего – не в качестве охраны, а в роли консультанта. Урожденный варяг превосходно разбирался в судах. Устах, в свою очередь, предложил Сереге составить

им компанию. Духарев возражать не стал. На постоялом дворе ему делать было совершенно нечего. Слада все еще была где-то в городе, почему бы не пойти поглядеть на кораблики.

Смоленские улицы были узки и извилисты. В иных местах всадникам приходилось ехать гуськом, и места оставалось ровно столько, чтобы не раздавить прижавшегося к забору прохожего, который, разминувшись с полудюжиной весело топающих лошадок, оказывался по уши в грязи.

Со стороны реки земляной вал вдоль стены был повыше, чем в других местах. Вероятно, он выполнял еще и функцию дамбы. Через вал был перекинут широкий деревянный мостик. От мостика дорога круто спускалась вниз, к реке.

На берегу было довольно оживленно. Как на ярмарке.

Мыш соскочил на землю, передал повод одному из приказчиков и растворился в толпе. Остальные медленно двинулись вдоль высоких причалов.

У одного из них Серега углядел боевую лодью, что пришла утром. Сейчас парус ее был свернут. Носовая фигура, то ли собачья, то ли лошадиная голова, грозно взидала на людишек алыми самоцветами глаз. Из широкой пасти торчали полуметровой длины клычищи. Моржовые бивни, вероятно.

Духарев слегка потянул поводья, разворачивая Пепла. И в самый последний момент успел увидеть над бортом обветренное квадратное лицо с толстыми синими усами.

Пепел трусил вдоль причалов – ему поспешно уступали дорогу, а перед мысленным взором Духарева стояла, будто на экране монитора, суровая варяжская физиономия с мощной бульдожьей челюстью и черными бровями под скобкой светло-русой челки. Довольно несимпатичная физиономия, если вдуматься. Но Духареву она почему-то понравилась. Может, потому что варяг?

Лодьи Устах забраковал. Сказал: до Киева дойдут, но не дальше. Корабельщик возмутился, что никого не удивило, и сбавил цену. Но Горазд все равно от сделки отказался. Из этого Серега мог сделать вывод, что купец подумывает о том, чтобы плыть дальше на юг. Духарев был в общем не против, но не мог отделаться от утреннего ощущения, что его это путешествие не касается. Ну и ладно.

На обратном пути Устах встретил приятеля, из южан, коренастого молодца с рыжими, как медь, косами, такой же бородищей и брюхом истинного любителя пива. Молодец оказался зодчим и, точно, большим любителем ячменного напитка. Поэтому Устах и Духарев передали коней Гораздовым ребятам, чтоб те отвели их на постоялый двор, а затем варяги вместе с рыжим отправились в соответствующее заведение, где перекусили жареной зайчатиной, не забывая и о жидкости. Еще один бурдючок захватили с собой и двинулись на рынок, где, как водится, концентрировалась вся светская жизнь города. За исключением тех случаев, когда устраивали ярмарку.

На рынке обнаружили скоморохи. В количестве аж трех конкурирующих бригад, причем каждая бригада старалась создавать как можно больше шума, дабы затмить конкурентов. Сначала Серегу заинтересовала та, что владела дрессированным мышкой. Мишка был самый настоящий, здоровенный, полностью укомплектованный когтями и клыками. Сквозь ноздри мишки было продето стальное кольцо. Страшный зверюга приплясывал вместе с фиглярами и даже боролся с жилистым дядькой в пестрых штанах. Духарев тоже хотел побороться с мышкой, поскольку зверь, хоть и крупный, не показался ему опасным, а наоборот – вялым и добродушным, как большая плюшевая игрушка. Устах и его приятель принялись Серегу отговаривать: дескать, не к лицу воину приплясывать по-скоморошьи. И общаться с этими тоже не стоит, поскольку глаза отведут да и сопрут что-нибудь.

Отговорили. Купили еще выпивки. Серега проникся сознанием собственной важности, никого не задирал, с женщинами не заигрывал и даже не стал вмешиваться, когда рыжий зодчий повздорил с каким-то поддатым мужиком и между ними произошла небольшая потасовка. А не вмешался Серега потому, что не вмешался Устах. Как узнал Серега впоследствии, варяг, даже будучи совершенно пьян, железно контролировал свою

агрессивность. Это было частью своеобразного «кодекса воина». И это было правильно. Обученный боец мог нашинковать столько необученного народу, что страшно представить.

Южанин, впрочем, мужичка отдубасил.

На постоянный двор Серега вернулся уже в сумерках. Один. Устах пошел по бабам.

Глава восемнадцатая, в которой у Сереги Духарева появляются основания предполагать, что его пребывание в этом славном мире может внезапно оборваться...

Вопреки ожиданиям, Серега утром чувствовал себя превосходно. Но проснулся, разумеется, куда позже, чем Слада с Мышом. Его названные родичи просыпались раньше жаворонков. Серега подумал немного и выпрыгнул во двор прямо из окна, благо высота всего метра два с мелочью.

На заднем дворе стояла большая бочка с талой водой. Из этой бочки поили живность, но Серега решил, что живность не отравится, разделся и полез в холодную воду.

Кайф!

Когда он вылез из купели на солнышко, то обнаружил, что стал предметом пристального внимания местной молодежи.

– Ха! – заявил мальчишка года на два помладше Мыша, показывая пальцем. – Ты такой большой, а он у ты такой мелкий.

– Тебя сюда окунуть, – Серега похлопал по бочке, – так вообще ничего не останется.

Юный критик был посрамлен, а его приятели: пацаненок лет восьми и две девчушки примерно того же возраста – взирали на голого мужика с большим интересом, причем интерес базировался не на том, что Серега голый (эка невидаль!), а на том, что ростом Духарев – под притолоку. Варяг, опять-таки.

Серега решил, что должен уйти красиво. И ушел красиво: подпрыгнул, зацепился за наличник, перехватился, подтянулся и нырнул обратно в окошко.

Аплодисментов не было, только восхищенное: «О-о-о!»

Одевшись, как подобает уважаемому воину, Серега спустился вниз и позавтракал в гордом одиночестве.

Гораздовы сани стояли рядом, накрытые рогожками. С одних саней рогожка была снята. Один из Гораздовых приказчиков перебирал меха.

– Твоя лекарка просила тебе сказать, чтоб не уходил, – сообщил он Духареву.

– А где она? – спросил Серега.

– Да в сараюхе, – приказчик махнул рукой.

В сарайчике поместили Гораздовых рабов. Не слишком комфортно, но, бесспорно, лучше, чем на снегу в лесу.

Слада занималась женщиной из челядниц, у которой внезапно обнаружился жар. Рядом возвышался озабоченный Горазд.

Серега не стал мешать, подождал, пока Слада закончит.

– Простыла, – наконец вынесла вердикт юная лекарка. – Вели поить ее горячим молоком с медом да кутать получше. Через два дня поправится.

Горазд вздохнул с облегчением:

– Думаешь, Морена ее не тронула?

Слада чуть заметно поморщилась при упоминании языческой богини.

– Нет. И отселять ее не надо. Это не та хворь, что на других переползает.

Это заявление было воспринято с удовольствием не только Гораздом, но и прочими челядниками. Видимо, они полагали, что даже жизнь раба лучше смерти от мора.

– Серегей! – Увидев Духарева, Слада вспыхнула улыбкой, но тут же снова стала серьезна. – Ты мог бы пойти со мной?

Духарев вопросительно поглядел на Горазда.

Купец покачал головой.

– Мы в городе, – пробасил он. – Делай, что хочешь.

Слада подхватила Духарева за рукав, потянула наружу.

– Я договорилась, – сообщила она. – В Смоленске нет священника, но я нашла брата, который знает, как совершать обряды. Ты согласен? – Она глянула на Духарева снизу вверх, беспокоясь.

Сергея пожал плечами. Он не вдавался в тонкости. Если Слада считает, что есть человек, который может их обвенчать, то какие проблемы? Пусть венчает.

– Иисус услышит наши молитвы, – с надеждой в голосе проговорила девушка. – Иисус милосерден. Подожди меня, я возьму, что нужно.

Через четверть часа они покинули постоялый двор и отправились к городским воротам. По просьбе Слады Сергей перевесил меч на пояс, а на плечи накинул темный кожаный плащ, чтобы прикрыть блеск панциря. На взгляд Духарева эта маскировка не имела смысла, но спорить со Сладой из-за такой мелочи он не стал.

Брат во Христе обитал в пригороде.

Вообще-то проживание вне городских стен считалось непрестижным. Нетрудно догадаться, почему. Зато в пригородах строились просторней.

Дом смоленского христианина располагался на грязной улочке, спускавшейся к берегу Днепра. Но сам домик выглядел чисто и опрятно. Его соломенная крыша выглядывала из-за высоченного забора. Над крышей поднимался дымок.

– Это здесь, Сергей, – сказала Сладислава, останавливаясь перед калиточкой, такой узкой, что Духарев мог пройти в нее только боком.

– Он не священник, – еще раз повторила девушка. – Но он знает обряды.

Кажется, она все еще колебалась.

– Все путем, – сказал Духарев. – Сказано же: браки совершаются на небесах. А раз так, то от человека не многое зависит.

Сказал – и неожиданно понял, что совершенно уверен в правдивости этих слов. Как знать, может, Сергей и оказался здесь, в этом мире, потому, что где-то там, в божественной канцелярии, решили: этот верзила будет подходящим мужем для маленькой болгарской девушки Сладиславы.

Слада постучала.

Ответом ей был звонкий собачий лай.

– Замолчи, Горлан! – раздался спустя некоторое время женский голос. – Кто это?

– Я, Сладислава.

Калитка распахнулась.

– Мир вам, – полная женщина средних лет улыбнулась Сладе. На Сергея же, воина с варяжскими усами, поглядела настороженно, даже с некоторой опаской.

– Мир и вам, и дому вашему, – негромко ответила Слада.

Они вошли во двор, и женщина поспешно заперла калитку.

Черный лохматый пес уставился на Духарева и злобно зарычал. Не нравился ему Сергей.

Слада и женщина троекратно поцеловались. Затем хозяйка повернулась к Сергею, и тот, наклонившись, тоже трижды прикоснулся к ее щекам. От женщины пахло свежее испеченным хлебом.

– Пожалуйте в дом, брат и сестра, – пригласила хозяйка.

Если чтобы пройти через калитку, Сергей повернулся боком, то чтобы войти в дом, ему пришлось пригнуться.

Хозяин был похож на свою жену: такой же невысокий, толстенький и тоже пахнущий свежим хлебом.

– Марк, – представился он и тут же повернулся к Сладе: – Пойдем, сестра!

И все трое удалились, оставив Сергея в одиночестве. Он не скучал, потому что обдумывал мысль, пришедшую ему в голову у калитки. А что, идея не хуже прочих! Решили там, наверху, что им со Сладой следует стать мужем и женой, какой-нибудь архангел

щелкнул пальцами – и Серега Духарев оказался за тысячу лет от спутниковой связи и унитазов с программным управлением. И выходит довольно складно. Достаточно вспомнить, как они встретились. И что было потом.

«Ладно, – подумал практичный Духарев. – Допустим, это правда. Вот мы сейчас обвенчаемся – и что дальше?»

А вдруг тот же архангел еще раз щелкнет пальцами – и они окажутся в его комнатухе на Дербях?

«Ну уж на фиг! – решил Духарев. – Не хочу!»

В одиночестве Серега провел около получаса. Затем появилась хозяйка и позвала его в соседнюю комнату. Там уже горели свечи, на возвышении стояло большое серебряное распятие. На чистой холстине лежали кольца.

Хозяйка накрыла голову Слады белой тряпицей, положила сверху венок.

– Пригнись! – велела она Духареву и украсила вторым венком его макушку. – Встаньте рядом!

Ладошка Слады нырнула в Серегину руку.

Мужчина произнес нараспев по-гречески. Слада и хозяйка согласно ответили. Тоже по-гречески. Серега промолчал.

Мужчина продолжал что-то говорить, его жена вложила в руки жениха и невесты зажженные свечи.

Серега пару раз присутствовал при венчании, но не очень помнил, что делал и говорил священник, поэтому определить, насколько этот обряд отличается от современного ему православного, Духарев не смог бы.

Венчающий их что-то спросил у него по-гречески.

– Да, – механически ответил Серега, поскольку примерно представлял, о чем его могут спрашивать.

Никакого душевного подъема он не ощущал.

Он глядел на завешенную тканью бревенчатую стену и с ужасом осознавал, что сквозь серую с голубой вышивкой ткань проступают знакомые тусклые обои, салатная, истыканная ножом дверь и приклеенная жвачкой гавайская девушка под ядовито-синим небом. Он чувствовал, как сочится сквозь щели запах подгоревшего масла и стирального порошка, слышал, как за окном матерятся мужики у ступенек в рюмочную. А за стеной, у соседей, ссорятся Луис с Альбертой.

Серега быстро закрыл глаза, но видение от этого стало еще явственнее. Хуже того, он увидел маленькую испуганную Сладу на краю скрипучей, многократно облитой вином и спермой тахты. Он увидел, как она вздрагивает от трамвайного грохота, ощутил, как вползает в форточку гарь выхлопных труб, горелой резины... А ему надо тащиться на склад, потому что он обещал Вовчику разгрузить фуру, а Вовчик, в свою очередь, обещал дать за помощь пару сотен... И потом они будут пить пиво в подвальчике на Фурштадтской, а Слада будет по-прежнему сидеть на тахте, вздрагивать от каждого звука и...

Серега открыл глаза и крепче сжал руку своей невесты.

Слада глянула на него снизу счастливыми глазами. Духарев мысленно стиснул зубы и улыбнулся ей совершенно беззаботно. А брат во Христе, толстячок со стриженными под горшок соломенными волосами, в рубахе, изукрашенной узорами-оберегами, поднял руки и торжественно провозгласил что-то по-гречески.

И Слада засмеялась, ухватила Серегу за плечи и потянула вниз, чтобы он ее поцеловал.

В общем, их обвенчали, нарекли мужем и женой и отпустили с миром.

Но только когда они вышли из узенькой калитки на улицу, темный страх отпустил Серегу. Незримая сила не перенесла их к туманным, покрытым копотью берегам Невы, на грязные питерские улицы.

Здесьние улочки тоже были грязными, и копоты тоже хватало, но это была правильная грязь и правильная копоть. И здесь Духарев был не муравей в муравейнике, пусть и крупный, но вынужденный мельтешить и суетиться, чтобы быть, как все. Здесь он был варяг,

которому суетиться не пристало. И быть, как все, вовсе не обязательно. И не нужно с завистью глядеть на чужие «мерсы», заедая пиво несвежими чипсами. Здесь вообще нет чипсов, и пиво, надо признать, похуже. Зато ни в одной здешней харчевне ему не посмеют предложить *несвежий* продукт. И главное, здесь его жене никогда не придется ждать его возвращения у телевизора в занюханной коммуналке или тащиться с сумками по темным подворотням, где любой ублюдок...

- Серегей, они тебе не понравились?
- Что? – Духарев с трудом вынырнул из собственных мыслей.
- Марк и Текла, они тебе не понравились?
- Я им не понравился, – Серега перепрыгнул через лужу, которую Слада аккуратно обошла по краю.
- Почему ты так думаешь? – спросила девушка.
- Их пес. Собаки чувствуют эмоции хозяев.
- Чувствуют – что?
- Эмоции. Это...
- Я поняла. Я немного знаю латынь. Серегей, что ты чувствуешь?
- В смысле?
- У тебя когда-нибудь была жена?
- Нет, – Духарев улыбнулся. – Ты первая.
- Слада обняла его за талию, глаза ее сияли.
- Что ты хочешь, Серегей?
- Для начала, чтобы ты звала меня Сережей.
- Серешей?
- Попробуй еще раз. Се-ре-жа!
- Се-ре-жа! Так?
- Отлично. Для начала. А теперь мы пойдем куда-нибудь, где нам не станут мешать.
- Я знаю такое место! – решительно заявила Слада. – Пошли!

Глава девятнадцатая Без названия

Комната оказалась совсем небольшой, с толстыми красных тонов коврами на стенах и дощатым, вымытым до белизны полом. Пахло благовониями, а в углу стоял большой кувшин с клюквенным морсом.

- Серега уселся на низенькую лежанку, вытянул ноги.
- Тебе здесь нравится? – спросила Слада с беспокойством.
- Вполне прилично. Только вот хозяин...
- Он хузарин, – пояснила Слада. – Ему можно верить. Хузары держат такие дома... для мужчин.
- Ага... А если бы я пришел один?
- Тебе предложили бы выбрать женщину.
- А ты откуда знаешь? – Изображая гнев, Серега нахмурил брови.
- Да это все знают! – Девушка рассмеялась. – Ты подумал: может, я из тех женщин, которых предлагают мужчинам, да? Хочешь узнать, так ли это? Сейчас узнаешь! – Слада присела и взялась за шнуровку сапога.
- Ты с ума сошла! – воскликнул Духарев, отдергивая ногу.
- Слада обиделась.
- Я же твоя жена! – Она чуть не плакала. – Я *должна* снимать с тебя сапоги!
- Снимай, – согласился Серега, смирившись.

Пока она расшнуровывала сапоги, Духарев глядел сверху на круглую черную, как смоль, головенку и думал, что он совсем не так представлял свою свадьбу. Совсем не так...

Слада закинула руки, вынула деревянные заколки, встряхнула головой. Блестящие волосы рассыпались по узкой спине, закрыв ее целиком, до молочно-белых ягодич. Девушка

привстала на носочки, задернула кисеей овальное оконце, повернулась...

– Почему ты так смотришь? – спросила она, краснея. – Я – худая, да?

– Ты глупая! – улыбнулся Духарев.

Он поднялся, шагнул к ней, обнял, наклонившись, вдохнул травяной запах ее волос, ощутил теплые груди, прижавшиеся к его животу, почувствовал, как ее пальчики развязывают узелок гашика, помогают освободиться от штанов... Подхватив ее на руки, Сергей осторожно опустил ее на ложе.

– Положи руки под голову, закрой глаза и не шевелись.

Слада чуть заметно кивнула.

Опустившись на колени рядом с ложем, Серега начал медленный танец пальцев и губ по изгибам этого юного тела. Он прикасался к нему с той жадной нежностью, какая возникает, если желание сердца опережает желание тела. Он скользил по ней сверху вниз, чувствуя, как она вздрагивает, как подается навстречу его рукам, губам и языку. Она не открывала глаз, она старалась не шевелиться, но он чувствовал ее желание и разжигал его, зная, что ее страсть будет жарче, яростней, ослепительней, чем у любой из женщин, с которыми он предавался любовным играм на капище Волоха. Потому что тем женщинам было все равно, кому подставить лоно, а Сладе нужен только он, и нет на земле, этой или той, которую он покинул, нигде нет женщины, более желанной ему, чем та, что стала его женой...

Тонкие пальцы коснулись его затылка.

– Сережа...

Голос был не чистым и звонким, а хриплым и прерывистым, словно ей не хватало воздуха.

Он услышал, но осознал не сразу, а только через несколько секунд. И понял, что только этого слова ему не хватало...

Это было потрясающе. Нет, «потрясающе» – бледное и жалкое слово. Никогда и ни с кем у Сереги не было такого ошеломляющего кайфа. Как будто кто-то схватил целое звездное небо и встряхнул, как огромный ковер, – и все звезды осыпались вниз и промчались сквозь них, взбив их тела в слепящую звездную пену, смешав верх и низ, смешав пальцы, губы, мышцы... все!

Серега валялся на одеяле, а одеяло валялось на полу, но он не мог припомнить, как свалился с ложа на пол. Серега лежал и как будто заново учился ощущать свое тело. «Вот это моя рука, – думал он. – А вот это моя нога...» И шевелил ногой с удивлением, потому что это действительно была его нога... А ведь несколько минут назад...

Наверное, у Духарева было очень удивленное и, пожалуй, довольно глупое лицо, потому что Слада проползла вверх по Серегиной груди (именно так, потому что грудь была широкая, а Слада – маленькая), заглянула ему в глаза (попыталась заглянуть, потому что глаза Духарева были закрыты) и спросила тревожно:

– Я все сделала хорошо? Тебе было хорошо со мной?

– А как ты думаешь? – не открывая глаз, спросил Серега.

– Я не знаю... – Голос девушки дрогнул. – Ты же мой первый мужчина... Ты кричал.

– Ты тоже. – Он еле заметно улыбнулся. Ему было так хорошо, что даже мышцами лица двигать не хотелось.

– Да... – прошептала она. – Мне было... хорошо. Сначала немножко больно, а потом... Ты тоже кричал поэтому? Так и должно быть?

– Да. – Серега поднял руку, вялую и какую-то странно легкую, и опустил ее на спину Слады, в ложбинку поясничного изгиба. – Нет, маленькая волшебница, так не должно быть... Так не бывает... – Он почувствовал, как ее спинка напряглась, а ладонки уперлись в Серегины плечи. – Так не бывает, моя хорошая... Мне... Нам с тобой просто повезло.

– Я не понимаю... – жалобно проговорила девушка.

Серегина рука медленно заскользила по ее телу, по холмику ягодицы, во влажную впадинку между бедер...

– Там,– проговорил он.– Там, у тебя внутри, за этими мягкими губками, кто-то живет... Кто-то особенный... Особенная... Ты... Знаешь, это смешно, но мне теперь было бы скучно с другими женщинами... После тебя.

– Это хорошо,– тихо сказала Слада.– Я не хочу, чтобы у тебя были другие жены. Мы – христиане... Я вообще не хочу, чтобы у тебя были другие женщины! – решительно заявила она.– Я сама буду заботиться о тебе, любить тебя, рожать тебе сильных сыновей. Я... Наш отец не всегда был лекарем! Он женился на моей маме, а его семья... они хотели, чтобы он женился на другой... Поэтому он ушел от них. Но ты не думай, что он низкой крови...

– Если твоя мать была похожа на тебя, я его понимаю,– перебил ее Духарев.

– Она была похожа на меня... Мне было очень плохо, когда она умерла.– Девушка вздрогнула, и Серега крепче прижал ее к себе.– Я умру, если тебя убьют!

– Я люблю тебя,– сказал он.– И я не дам себя убить. Обещаю!

Глава двадцатая, в которой Серега Духарев встречает кровного врага

На рынок они пошли впятером: Устах, Драй, Неленя и Серега со Сладой. Мыш к ним не присоединился, хотя в прежние времена никогда не отказался бы от такого развлечения. Названный брат Сереги теперь корешился с Гораздом. Купеческие хитрости осваивал. Горазд не возражал, наоборот – поощрял. У Мыша оказался прирожденный дар добывать полезную для торговли информацию.

Увидев, что Слада по-новому переплела волосы и спрятала их под головной убор, Устах подмигнул Сереге.

«Надо бы ребятам праздник устроить,– подумал Духарев.– А то выйдет, что я собственную свадьбу замылил».

– Горазд две лодьи купил,– сообщил Драй.– У того корабельщика, которого ты, Устах, присоветовал. Малые лодьи, на дюжину весел.

– Сколько у него теперь кораблей? – спросил Серега.

– Теперь – семь.

– Хорошее число,– одобрил Устах.– И что малые – хорошо. Легче мимо порогов волочь. А море нынче спокойное будет.

– Откуда знаешь?

– Волох сказал.

– Да что волох в море понимает? – возразил Драй.– Море – это Имирова вотчина, а не Волохова.

– Имирова вотчина – моря северные,– с надменностью опытного моряка, разговаривающего с салагой, изрек Устах.– У теплых морей свои боги. А про волоха зря говоришь. Бабка-ведунья, вон, тоже громами не повелевает, а дождь всегда точно предскажет.

На рынок пришли вместе, но бродили вместе недолго. Драй перемигнулся с Неленей, и они ускользнули по своим личным делам. Как подозревал Серега, в тот самый домик, где они со Сладой провели прошлые день и ночь. Затем и Устах от них отделился.

– Пойду налуч пригляжу,– сказал он.– Мой потерялся.

И у Сереги было дело – договориться с оружейником, чтоб пришел на постоянный двор поглядеть Серегины трофеи, взятые с нурманов. Пускай глянет, приценится.

Хотя продавать их сам Духарев не собирался. Предполагал доверить это дело Мышу. Все-таки привычка к магазинам и фиксированным ценам глубоко въелась в его сознание. Не умел он торговаться. То есть поспорить насчет стоимости он мог, но по-настоящему поднять цену так, чтобы покупатель выложил больше, чем собирался, и сам не понял, как его на это раскрутили... Такого Серега совсем не умел.

Впрочем, была одна покупка, которую он намеревался сделать без помощи Мыша. Причем немедленно. А именно – сделать жене свадебный подарок. Жена, в общем-то, и не возражала. Но сначала захотела посетить ряды, где торговали тканями. Она же теперь –

мужняя жена. Следовательно, одеваться по-девичьи ей уже не пристало. Серега не спорил и в детали не вдавался. Надо – купим. Че у нас, денег нет, что ли?

Купили. Еще купили корзинку, чтобы складывать приобретения.

Украшения, золотые, серебряные, камни-самоцветы, обереги, даже диковинные павлиньи перья – все это продавалось на двух длинных рядах, располагавшихся сразу за «текстильными», так что далеко идти не пришлось.

Вдоль ювелирных рядов расхаживал стражник, молодой отрок в высоком коническом шлеме. Шуганул оборванца, которому здешний товар явно не по карману, хлопнул по спине парня, заспорившего слишком громко с одним из продавцов. Присматривал, одним словом.

Серега долго присматриваться не стал, выхватил взглядом бусы из ярко-красных камешков, указал продавцу.

– Гранатовое монисто! – торговец пересыпал алые бусины из ладони в ладонь. – Как раз к белому личику твоей милани, воин! Всего-то две гривны...

– На две гривны коня купить можно, – усмехнулся Серега.

Он не знал, сколько по-настоящему стоят камни, но ничуть не сомневался, что купец загнул раза в два. Однако гранаты действительно смотрелись бы на Сладе совсем неплохо.

– Их везли издалека, воин, из-за моря ромейского, по шелковому пути из страны синов... – Торговец глядел не на Духарева, а на Сладу: молодушка попросит – и мужчина не откажет.

– Да неужели? – удивился Серега. – Значит, сначала на восход везли, а потом обратно? Что, там покупателей не нашлось?

Купец смутился. Насчет Китая он, конечно, приврал. Гранаты он купил у угров. За четверть гривны.

– Гляди, Хайнар, узнаешь ли ты эту бронь? – неожиданно пророкотал за спиной Духарева мужской бас.

– Да, я узнаю ее, Свейни, – откликнулся другой голос. – Это бронь моего брата Виглафа. Бугристая от мозолей ладонь легла на шею Духарева.

– Эй, словенин, где ты взял этот панцирь?

Серега развернулся, одновременно смахивая чужую руку.

Нурманов было двое. Один рыжий, второй блондин, светловолосый и светлобородый.

И физиономия блондина была определенно знакома Духареву. Потому что белокурый нурман был очень похож на своего брата Виглафа. Волколюда.

– А-а-а... – протянул рыжий, увидев Серегини усы. – Это не славянин, это свежевылупившийся варяг, обрядившийся в славянские портки. – Тебя спросили, откуда у тебя эта бронь, варяг? Ты выиграл ее в кости? Только не ври, что взял ее в бою!

Духарев молчал, разглядывая нурманов, определяя, насколько они опасны, какова вероятность, что ему удастся справиться с обоими?

Не слишком большая вероятность. Нурманы выглядели очень серьезными ребятами.

Кто-то из покупателей остановился, любопытствуя. Потом еще один. И еще...

Серега глянул поверх голов, выискивая Устаха, но товарища поблизости не просматривалось.

– Почему я должен тебе отвечать? – поинтересовался Духарев.

– Потому что ты – бродяга-варяг, а я – сотник смоленского воеводы, – усмехнулся светлобородый. – Иди, отроch, мы сами разберемся, – бросил он подоспевшему рыночному стражнику.

Стражник тут же развернулся и отвалил. Вероятно, нурман не врал насчет «сотника».

Серега глянул через плечо: Слады рядом уже не было. Вот это хорошо.

– Что молчишь, варяг? Язык проглотил от страха? – спросил рыжий. И добавил что-то по-нурмански. Оба северянина засмеялись.

– Ты правда хочешь знать, как мне достался этот доспех? – спокойно спросил Духарев. – Или тебе просто потребовалось почесать свой блудливый язык о мои *славянские* сапоги?

– Нет! – ухмыльнулся рыжий. – Я думал остричь твои крысиные усики на кисточку для сумки, но теперь вижу, что они не годятся. Слишком воняют крысиным пометом. Ты уверен, что успеешь отыскать крысиную нору, варяг, чтобы спрятаться, если я рассержусь?

– Пощади, – сказал Серега. – Если ты рассердишься – я умру от смеха.

Он тянул время, надеясь на появление Устаха... Пока не сообразил, что вероятность того, что помощь подоспеет не к нему, а к сотнику смоленской дружины, существенно выше.

– Ты хочешь узнать, как мне досталась эта броня, нурман? – произнес Духарев. – Тогда взгляни вот сюда! – и показал на свое плечо, где был пришит погоном клочок волчьего меха.

Рыжий начал было что-то говорить, что-то обидное, но Хайнар остановил его одним движением руки.

– Я тебя правильно понял, варяг? – спросил он.

Глядя прямо в эти синие, как озерная вода, глаза, Серега кивнул.

– Как твое имя, варяг? – спросил нурман.

– Сергей.

– Не слышал... – задумчиво проговорил Хайнар. – Ты одиночка, или у тебя есть вождь?

– У меня нет вождя, – ответил Духарев. – Хочешь предложить мне служить в твоей команде?

– Нет, – качнул головой нурман. – Нет, варяг. Ты убил моего двоюродного брата Виглафа, поэтому я убью тебя.

– погоди, нурман! – сквозь толпу зевак протиснулся Устах и встал рядом с Духаревым. – погоди! Ты что, требуешь верегольд за брата?

– Ты его друг? – спросил Хайнар. – Ты тоже убивал моего брата Виглафа?

– Твой брат был не один, – негромко произнес Устах. – Их было шестеро.

– Верю, – кивнул нурман.

– Они напали первыми, – еще тише проговорил Устах.

– Верю, – вторично кивнул Хайнар.

– Ты ищешь нашей смерти как человек смоленского воеводы или как родич убитого? – На этот раз Устах говорил в полный голос, он явно чего-то добивался. Серега не понимал его игры, но доверял варягу и не вмешивался.

Нурман ответил не сразу.

– Как родич, – наконец ответил он.

– Ты говоришь это при свидетелях?

– Да! – твердо ответил Хайнар.

– Мы пойдем на перекресток? – спросил Устах.

– Зачем? – шевельнул плечами нурман. – Это не хольмганг... Это месть! – И, выхватив меч, без предупреждения нанес удар, целя в Серегину открытую шею.

Духарев не ожидал нападения, но натренированный организм ожидал его всегда и успел отреагировать, поэтому меч лишь скользнул по плечу, срезав с него клочок волчьей кожи.

Слева от Духарева со звоном столкнулись клинки Устаха и рыжего Свейни.

Толпа отпрянула назад: никто не хотел угодить под случайный удар меча. Торговец драгоценностями поспешно ссыпал камни в мешочек.

Хайнар ударил снова – и Духарев опять не успел выхватить меч. Уклоняясь, он спиной упал на прилавок, перекувырнулся через него, сбив с ног торговца. Меч нурмана разрубил доски. Оставшиеся драгоценности полетели на мостовую. Хайнар с места, толкнувшись двумя ногами, перепрыгнул через прилавок, но Серега, тем же манером, перекувырнулся через второй барьер и пнул прилавок навстречу нурману. Тот подпрыгнул, задел ногами размотавшийся рулон льняной ткани, мгновенно выпутался, но Серега уже выдернул из-за головы собственный меч и следующий удар принял на толстое основание клинка. На мече нурмана образовалась зазубрина, и его хозяин тут же изменил манеру боя. Теперь они с Духаревым топтались друг против друга и приглядывались. Серега прекрасно понимал, что перед ним – опытный боец, намного опытней его самого...

Хайнар тоже не хотел рисковать. Хайнар считал высоченного варяга серьезным противником. Несерьезный не одолел бы Виглафа. Одного парированного удара Хайнару хватило, чтобы выяснить, что враг сильнее физически. Он видел, что варяг моложе, у него длиннее руки, да и меч тоже... Зато он, Хайнар, побеждал в десятках поединков, а всем известно, что сила побежденного переходит к победителю. Еще Хайнар подумал, что поспешил. На то, чтобы разбудить священную ярость Одина, опытному воину требовалось совсем немного времени, но вряд ли молодой варяг даст Хайнару даже лишнее мгновение.

Хайнар слышал, как за его спиной бьются рыжий Свейни со вторым варягом. Слух говорил ему, что варяг, как и Свейни, опытен и осторожен. Как только Хайнар покончит с убийцей брата, он поможет Свейни.

Хайнар сделал отвлекающее движение, перехватил меч двумя руками и обрушил сокрушительный удар на голову варяга. Тот отпрыгнул влево. Меч Хайнара, изменив направление, небесной молнией полетел за врагом, увлекая за собой Хайнара, в последний миг Хайнар отпустил правую руку, удлиняя удар, ощутил, как священная ярость наполняет его... И тут же Хайнар почувствовал, как клинок разрубает тело. Хайнар услышал вопль, учуял запах крови, зарычал по-медвежьи... И увидел, что варяг цел, а на мостовой валяется какая-то славянская баба.

Кровь пролилась, но то была не кровь врага, и дух Одина покинул Хайнара. Но сила не покинула викинга. Его меч взлетел, отбивая, смахивая вражеский клинок, метнулся вперед, словно отравленный язык Фафнира. Варяг не успел уклониться – острое со скрежетом скользнуло по панцирю Виглафа. Панцирь выдержал.

«Отличная броня, – подумал Хайнар. – Я буду носить ее».

Варяг отступал. Он оказался простоват: ловился почти на каждый обманный жест Хайнара. Простоват, доверчив, но очень быстр. Хайнар никак не успевал его достать, еще и потому, что длина атаки у варяга была на две пяди больше. Поэтому варяг и отступал, все время увеличивая дистанцию. Это было неглупо с его стороны, но неудобно для Хайнара, который большинство своих противников убил именно встречным ударом.

Лицо варяга покраснело. Кажется, он очень сердит. Но все равно отступает, великаново отродье! Хайнар снова ощутил прилив священной ярости, зарычал и рванулся вперед...

Этот псих зарубил женщину! Развалил почти пополам, как мясник – свиную тушу. Серега поверить не мог, что это случайность. Он же видел, как виртуозно нурман управляется с мечом. Козел! Нурман и есть нурман. Ему лишь бы убивать!

Духарев был зол, но самоконтроля не потерял. И не мог не восхищаться нурмановой тактикой. Как этот негодяй виртуозно его разводит. И не только движением клинка: шажком, жестом, поворотом бедра. То притворно открывается, то показывает атаку справа, атакует слева... как бы! И все-таки справа. Если бы нурман двигался чуть быстрее, Серега уже валялся бы на мостовой. Но нурман только один раз показал настоящую скорость... Когда зарубил женщину. Или он придурок. Или это была демонстрация. Для Духарева. Типа: я с тобой играю и прикончу, когда захочу.

Ну это мы поглядим! За несколько минут боя Духарев выучился очень-очень многому.

И перестал ловиться на нурмановы финты. Ну, почти перестал...

Глаза нурмана начали наливаться кровью. Как перед тем, когда он зарубил женщину. Серега очень хорошо запомнил... Сначала у нурмана покраснели глаза, потом рванулся, замахиваясь, извернулся, почти достал Духарева (и достал бы, если бы Серега не ушел в очень низкую, рукопашных традиций стойку), зарычал и зарубил женщину. И еще была крохотная пауза. Когда нурман разворачивался, держа меч над головой. Тогда Серега не успел воспользоваться этой паузой...

Хайнар взмахнул мечом, варяг не стал уклоняться, вскинул свой клинок, тоже двумя руками, парируя... И Хайнар с наскока ударил его ногой в колено. Это был очень хороший прием. Хайнар благодаря ему дважды одерживал победу. Этот удар не калечит, он даже не приносит настоящей боли, зато противник теряет равновесие...

Серега выбросил меч вверх, готовясь принять удар и поворотом отбросить клинок

противника, скорее почувствовал, чем увидел, движение ноги нурмана, рефлекторно ушел с линии атаки, так же рефлекторно ударил противника под колено опорной ноги и сразу же отскочил вбок, рубанул сверху падающего нурмана, нет, уже перекатывающегося через голову нурмана по спине, понял, что не успевает и промахнется, и тут...

Нога Хайнара, не та, которой он бил, а та, на которой он стоял, неожиданно сложилась в колене, и потерявший равновесие викинг упал на спину. Он не выпустил меча, тут же вскочил, перекатом... и увидел, как его меч падает на мостовую. Услышал, как он звенит, ударившись о камни, хотя обе руки Хайнара по-прежнему крепко сжимают рукоять. Только это уже не руки Хайнара, а просто мертвые обрубки. Но пока в них еще не свернулась его, Хайнара, кровь...

Нурман выбросил вперед меч настолько быстро, что будь Серега не сбоку от противника, а напротив, это был бы его последний бой. Но Серега стоял сбоку, и этот бой стал последним для нурмана. Обе его руки угодили под летящий сверху клинок, перерубивший их так легко, что Духарев даже не почувствовал толчка. Он ошеломленно проследил плавное падение нурманова меча (даже успел удивиться – отрубленные руки нурмана так и не отпустили рукояти) ...и тут нурман внезапно подпрыгнул и с огромной силой пнул Серегу в грудь. Духарев, который совсем не ожидал подобного от искалеченного врага, не успел среагировать и впилился спиной в прилавок. Нурман с ревом налетел на Серегу, Духарев оттолкнулся лопатками от прилавка и двумя руками всадил меч, снизу вверх, в живот нурмана. Нурман всей тяжестью повис на клинке, захрипел, оседая, булькая кровавой пеной...

Черт его возьми! Нурман улыбался!

Хайнар почувствовал, как холодное железо прорезает его кишки, вспарывает диафрагму, легкое, проходит между ребрами и вылезает из спины, натягивая кольчугу.

– О-о-дин... – прохрипел Хайнар. – Я иду...

Он умер счастливым. В бою, с мечом в руках.

Кровь нурмана тонкой струйкой ползла через гарду, вниз, по рукояти. Ладони Духарева стали липкими. Он выпустил меч, и мертвое тело рухнуло на мостовую. Серега наклонился, подобрал хвост размотавшегося белого полотна.

Торговец тканью (Серега запомнил его лицо) стоял в первых рядах «зрителей», возбужденных настоящей схваткой, но достаточно благоразумных, чтобы не подходить слишком близко.

– Можно? – спросил Духарев.

Торговец закивал, и Серега вытер руки, а затем – рукоять меча. Ухватился покрепче и вытащил клинок из тела нурмана. Усилие болью отдалось в спине. Крепко все-таки он приложился о прилавок.

Звон стали напомнил Духареву, что есть еще и второй нурман. С окровавленным мечом в руке он, разбежавшись, перепрыгнул через торговый ряд, соскочил на мостовую. Двое смолян, случайно оказавшихся у него на пути, шарахнулись в стороны. Свейни, увидев Духарева, сделал отчаянную попытку пробить оборону Устаха, но варяг без труда отбил выпад, сам нанес удар, от которого рыжий нурман успешно уклонился, и оба опять закружились, выжидая и выискивая слабинку в обороне противника. Но одним своим появлением Серега дал дополнительное преимущество варягу, который по-прежнему мог двигаться свободно, в то время как нурман старался держаться подальше от второго врага. Задача почти неосуществимая: Устах был не менее проворен, чем рыжий, а Духарев – еще проворнее варяга.

– Брось меч! – крикнул Серега.

Нурман в ответ только засмеялся.

Устах подвинулся в сторону. Теперь они с Духаревым с двух сторон приближались к Свейни. Нурман отступал. Отступал, но не убегал.

Серега боковым зрением держал Устаха. И, уловив начало атаки, напал на нурмана практически одновременно с варягом.

Рыжий отбился. Они атаковали снова, и нурман снова отбился. Он отлично защищался, но уже не мог позволить себе ответного выпада. И Духарев, и Устах сражались не в полную силу. Они сознательно изматывали противника. Нурман наверняка это понимал, но что он мог сделать? Пот струился по его лицу, дыхание сделалось частым и прерывистым. Еще немного и...

Круг зрителей внезапно раздался в стороны, и на поле появились новые игроки. Городская стража. Добрая дюжина воинов в полном вооружении.

Они мгновенно оттеснили варягов от Свейни и взяли их в кольцо. Устах и Духарев тут же встали спина к спине – против ошестившихся копьями, прикрытых щитами стражников.

– Сложить оружие! – раздался повелительный окрик.

Сергею очень не хотелось биться с одним мечом, без шлема, без щита, против сомкнутого строя копейщиков. Даже если он разорвет этот строй, завалит одного-двух – остальные насадят его на жала. Эти ребята – не ополченцы, а профи. Эх они ловко взяли их в кольцо! Может, если удастся отобрать щит...

– Ох-хой! – зычно выкрикнул Устах. – Братья-варяги! Кто слышит меня! Помощи!

К немалому удивлению Духарева, два из четырнадцати щитов тут же опустились, и Серега увидел загорелые длинноусые физиономии.

– Чего орешь? – буркнул один. – Чего хочешь?

– Правды хочу, брат-варяг! – крикнул Устах.

Еще один щит опустился, но на этот раз за ним обнаружились не варяжские усы, а бритая нурманская рожа.

– Иень! – гаркнул нурман. – Хорош болтать! А вы... Считаю до трех. Раз!..

– Вот, Иень! – без насмешки, грустно проговорил Устах. – Убей брата, раз нурман велит.

– Два!..

Иень выругался, адресуясь главным образом к «братьям-варягам», но вышел из строя и присоединился к Сергею и Устаху.

– Иень! – грозно выкрикнул нурман. – Ты присягнул!

– Я варяг! – мрачно отозвался воин.

Второй варяг, колебавшийся, после этих слов тоже покинул строй. Теперь их щиты прикрывали Духарева и Устаха.

В строю образовались две бреши, одну из которых тут же заткнул Свейни, вторую...

А во вторую ввалились сразу четверо варягов!

– Кто звал? – гаркнул один из них, с квадратной фигурой, с квадратной физиономией и синими, как у Устаха, усами.

– Я! – отозвался Устах.

– Мы пришли! – с достоинством произнес синеусый.

Это был тот самый варяг, которого Духарев видел на борту лодьи с крылатым псом.

Нурман, уже собравшийся сказать: «Три!», вместо этого выкрикнул злобно:

– Вы будете наказаны! Я – большой десятник смоленского посадника Фрелафа!

– Ишь ты, баранья шишка! – нагло ухмыльнулся синеусый. – А я – сотник князя полоцкого Роговолта! Посыл от князя к воеводе Свенельду. Ты мне не указ! – И продолжал насмешливо: – Я видел там дохлого нурмана. Кто его завалил? Ты? – Он обращался к Устаху.

– Я, – ответил Духарев. – Он назвался здешним сотником, – добавил Серега, потому что ему показалось: нехорошо говорить об убитом воине так пренебрежительно, и еще потому, что он считал себя обязанным предупредить нежданного заступника. – Я благодарю тебя за помощь, брат, но, может, тебе не стоит вмешиваться? Смоленский посадник...

– Смоленский посадник пусть вылизет жопу моей кобылы! – пренебрежительно отозвался синеусый. – Я – Гудым.

– Я – Сергей, – Духарев слегка поклонился.

– Я видел тебя, – негромко произнес Гудым. – На пристани. У тебя степной конь.

– И я видел тебя, – отозвался Духарев. – На твоём корабле.
– «Перунов пес» – его имя! – в полный голос произнес Гудым. – Клянусь светлым оком Хорса, он сожрал не одну нурманскую акулу! Ха-ха! Поучим нашей правде нурманских шавок! Любо, братья?
– Любо! – гаркнули мощные глотки.
Мечи спутников Гудыма с шелестом выскользнули из подбитых бархатом ножен.
Тут десятник-нурман не выдержал, перекинул копье в левую руку, схватил дудку и пронзительно засвистел.
– Ах вот как! – закричал Гудым. – Ну гляди, нурман! – И свистнул, в два пальца, по-особому, с переливом, еще погромче писка десятиковой дудки.
Среди стражников возникло некое движение. Кажется, они отступали?
Устах хлопнул Серегу по плечу. Он широко улыбался. На его лице не осталось и следа прежней озабоченности.
Только теперь Духарев начал понимать, что его личный конфликт перерастает в нечто, уже совсем не личное.

Глава двадцать первая Правосудие по-варяжски

Они пришли к смоленскому кремлю двумя колоннами. В голове одной из них, слева – Устах, справа – Гудым, – шел Серега Духарев. В голове второй шестеро на двух щитах несли тело Хайнара. Одним из шестерых был Свейни.

Нурманы и варяги. Варягов было человек сорок. Больше половины – полоцкие. Воины Гудыма. Среди нурманов пришлых было всего несколько человек. Остальные – старшие гридни смоленского посадника. Начальные люди. Но те их подчиненные, что были здесь, гридни и отроки, шагали отдельно. То были славяне или из иных племен, воины, но не варяжского братства. За ними тянулся хвост вольных смолян, мужчин и даже женщин. Особым почётом пользовались человек двадцать: те, что присутствовали при встрече Духарева и Хайнара. Видаки. Свидетели.

Посадник смоленский уже ждал их на площади перед воротами Детинца. Снаружи.

За спиной и по обе стороны его выстроились дружинники. Не менее трех сотен. Все оружные.

Колонны остановились. Остановилась и толпа смолян, грозная своей численностью.

Посадник шагнул вперед. Солнечный блик отразился от зеркала его брони.

– Зачем пришли? – зычно спросил он.

Наверняка ему уже доложили о происшедшем, иначе с чего бы это он вывел на площадь облаченную для сечи дружину.

– Искать Правды! – звонко выкрикнул Свейни.

– Говори! – приказал посадник.

– Не твоей правды! – выкрикнул Гудым раньше, чем Свейни успел что-то сказать. – Не твоей правды, нурман!

По рядам воинов за спиной посадника прокатилась легкая волна: словно каждый поудобнее перехватил щит.

«Нам крездец!» – с каким-то веселым отчаянием подумал Серега, глядя на сверкающие начищенным железом шеренги.

Он плохо знал варягов. А вот посадник знал их хорошо. И еще лучше помнил, что посадивший его на смоленское правление Игорь – тоже варяг. Хоть и не очень любивший, когда ему напоминали об этом.

Посадник мрачно поглядел на Гудыма и махнул рукой одному из своих лучших мужей. Тот вышел вперед, стянул с головы шлем, встряхнул головой, расправляя косы, – чтобы все видели: он не нурман, не варяг, а родом и обетами – из южных славян.

– Я – Мятлик Большое Ухо, если кто меня не знает, – сухо произнес он. – Я тебе гож, Гудым?

– Гож, – кивнул полочанин.

– Тогда говори свои обиды.

Свейни набрал воздуха, собираясь запротестовать, но не посмел, придавленный тяжелым взглядом посадника.

– Я не обиду хочу искать, а Правду. – Сотник полоцкого князя снял с головы шлем. Его чуб тоже был синим, как и усы, и свисал на ухо поперек бритого черепа. – Пусть видаки говорят.

Всю дорогу к кремлю они с Устахом что-то обсуждали вполголоса. Серегу к обсуждению не привлекали.

Из толпы вытолкнули свидетелей. Их было много. В том числе – продавец камней, так и не продавший гранатового ожерелья.

Процедура снятия показаний была отработана. Свидетели поклялись богами говорить по правде и без поиска корысти. Затем, по очереди, с небольшими вариациями, повторили одно и то же: сотник Хайнар и гридень Свейни сами начали дерзкий разговор с Духаревым, к которому чуть позже присоединился Устах. Нурман обвинял варяга в обиде (в какой именно – тут мнения свидетелей разошлись), а затем без предупреждения напал на Духарева, даже не дав ему обнажить оружие. Но убить варяга сразу нурману не удалось, а наоборот, варяг сумел достать меч и убил нурмана. Но до этого нурман убил свободную женщину, водимую жену мастера-корабельщика Чутки.

К окончанию опроса свидетелей общественное мнение было полностью на стороне Духарева, и даже сам посадник угрюмо и неодобрительно поглядывал на своих нурманов.

– Кто еще хочет сказать? – спросил Мятлик Большое Ухо.

– Я! – тотчас выкрикнул Свейни.

– О чем ты хочешь сказать?

– О том, почему Хайнар был вправе убить варяга Серегея.

– Говори!

– Варяг Серегей убил брата Хайнара Виглафа.

– Виглафа-ульфхеднара? – Это спросил не Мятлик, а сам смоленский посадник.

– Да! Хайнар с хирдманами шел к тебе, ярл! – Он сказал это на своем языке, но Серега, как ни странно, понял.

Мятлик Большое Ухо повернулся и с укором поглядел на своего старшего. Посадник коснулся ладонью губ: «Молчу».

– Варяг Серегей! – громко произнес Мятлик.

Серега вышел вперед. Вместе с ним вышел и Устах.

– Ты говоришь перед богами. Не лги!

– Он помнит, – вместо Духарева ответил Устах.

– Ты сказал сотнику Хайнару, что убил его брата?

– Нет, – честно ответил Серега.

– Ты знаешь, кто сказал сотнику Хайнару, что ты убил Виглафа?

– Нет, – так же честно ответил Духарев, не понимая, к чему ведет Мятлик, но пытаясь уловить, куда тянет судья. Серега уже сталкивался с местным судопроизводством и понимал, чем может обернуться лишнее слово.

– Кто может рассказать мне о том, как сотник Хайнар узнал о том, что убит его брат?

– Я! – ответил Свейни.

– Говори.

– На этом варяге – бронь Виглафа.

– Варяг Серегей, сказал ли ты сотнику Хайнару, что убил Виглафа и снял с него бронь?

– Нет, – ответил Духарев и опять не солгал.

– Свейни! Слышал ли ты, как варяг Серегей говорил о том, что убил Виглафа-оборотня? – спросил Мятлик, подчеркнув последнее слово.

Свейни скривил губы, а со стороны нурманов раздался сдержанный ропот.

«А ведь южанин меня выгораживает!» – наконец сообразил Серега.

– Не говорил! – сердито выкрикнул Свейни. – Но признал!

– Как же именно варяг Серегей признал, что убил Виглафа? – с плохо скрываемой иронией спросил Мятлик.

– У варяга Серегея на плече был лоскут волчьей шкуры! – заявил Свейни. – Все знают, что Виглаф носил волчью шкуру.

– Я не вижу этого лоскута, – заметил Мятлик. – Кто-нибудь его видит?

В толпе смолян засмеялись.

– Он был, – мрачно объявил Свейни. – Хайнар срубил его ударом меча. Первым ударом, – уточнил рыжий.

– Ты признаешь это, варяг Серегей?

– Да, – подтвердил Духарев. Главное, не сболтнуть лишнего. – Я признаю, что у меня на плече был лоскут волчьей шкуры. И то, что нурман Хайнар без предупреждения напал на меня и сорвал этот лоскут ударом меча. Вообще-то нурман Хайнар целил в мою шею, – уточнил Серегей. – Но я увернулся.

– У изборского воеводы на шапке – волчий хвост, – громко сказал Гудым. – Жаль, Хайнар не знал об этом. Воевода совсем старый, Хайнар мог бы убить его в *честном* бою!

– Пес! – прошипел разъяренный Свейни.

Гудым захохотал. Если нурман хотел оскорбить полочанина, то он выбрал не то слово.

– Тих-хо! – рявкнул Мятлик. – Свейни, были ли у *сотника* Хайнара *доказательства* того, что варяг Серегей убил Виглафа?

– Он был уверен в этом! – четко ответил рыжий нурман, бросив на Духарева яростный взгляд.

– В таком случае, почему он не предложил варягу Серегею скрестить мечи на перекрестье дорог? – Мятлик нахмурил кустистые брови. – Почему он не захотел, чтобы боги указали, кто из них прав?

Свейни молчал.

– Можно мне сказать? – прервал молчание голос Устаха.

– Говори, варяг!

– Я предложил ему: пусть рассудят боги! Хайнар отказался, но... – Устах сделал паузу, поглядел сначала на Мятлика, потом на Фрелафа. – Он отказался, но прежде того объявил, что будет поступать не как человек посадника смоленского, а по собственному почину и по праву мести.

Толпа загудела.

– Кто еще это слышал? – Мятлик повернулся к кучке свидетелей.

– Я! Я!.. – откликнулось сразу несколько голосов.

Судья обратил взгляд к жалобщику-нурману:

– Это так, Свейни?

– Так, – неохотно подтвердил тот.

Лицо смоленского посадника, доселе мрачневшее с каждым сказанным словом все больше и больше, чуть-чуть прояснилось.

– Кто еще хочет сказать, что не сказано? – зычно поинтересовался Мятлик Большое Ухо.

Желающих не нашлось.

– Хочет ли кто, аки сотник Хайнар, объявить вину варяга Серегея и искать правды по воле богов?

Желающих опять не оказалось. Но многие поглядели туда, где лежало на щите тело названного сотника, который уже нашел, что искал.

– Приговор! – провозгласил Мятлик.

Все притихли.

– Властью, данной мне моим господином от князя киевского Игоря, – размеренно проговорил Мятлик Большое Ухо. – Повелеваю!

На площади стало еще тише. Каждый ждал. Все глядели на судью, только Гудым и

Духарев глядели на смоленского посадника. Серега – из любопытства, а Гудым – потому что ждал: не возьмет ли Фрелаф обратно отданное Мятлику право суда?

Наверное, того же ждал и Мятлик, поскольку огласил приговор не сразу, а после длинной паузы:

– Повелеваю! Не признавать за сотником Хайнаром право мести, поскольку вина варяга Серегея не показана ни людьми, ни богами.

Нурманы недовольно заворчали, но судья не обращал на них внимания.

– Признать за варягом Серегеем право на убийство Хайнара, искавшего его смерти вопреки Правде, и считать с этого времени Хайнара не сотником и человеком смоленского посадника, а просто человеком Хайнаром. По его собственному волеизъявлению.

Недовольное ворчание перешло в гневный ропот. Мятлик повысил голос.

– Назначить виру князю за *человека* Хайнара, в одну гривну, которую следует истратить на погребение Хайнара, если у него не отыщется родичей...

Нурманы, окружившие тело *человека* Хайнара, возмущенно завопили, но на этот раз уже сам посадник смоленский вмешался, гаркнул:

– Тихо!

Ропот смолк, а Мятлик продолжил:

– Доспехи и оружие человека Хайнара следует передать варягу Серегею по праву победителя. Прочее имущество – родичам Хайнара, если таковые объявятся. С них же причитается вира в десять гривен за убийство свободной женщины и головное в восемь гривен мастеру-корабельщику Чутке за убийство его водимой жены. Это все. Что скажете, люди смоленские?

Народ одобрительно завопил. Варяги злорадно поглядывали на хмурых нурманов.

За спиной нурмана-посадника неподвижной стеной стояли дружинники. Серега пытался разглядеть, как отнеслись к приговору они, но шлемы дружинников были сдвинуты по-боевому, а у иных даже кольчужная сетка на лицо опущена. Видеть же сквозь железо Духарев не умел.

Толпа начала рассасываться.

Прошло совсем немного времени, и на площади остались только варяги, нурманы и оружные воины посадника.

Серега чувствовал: все чего-то ждут.

Ждали, что скажет Фрелаф. Суд и Правда – для народа. Для дружины приговор – приказ старшего. Хотя старший, не следующий Правде, очень скоро остается без дружины.

– Ты, ты и ты! – произнес посадник негромко, поочередно указав на Серегея, Устаха и Гудыма. – Идите за мной!

Повернулся и вошел в кремлевские ворота.

– Пойдем? – настороженно спросил Устах.

– Не бойсь, – успокоил Гудым. – Не тронет. Не захочет Роговолта со Свенельдом под стенами увидеть. А Мятлик-то каков! За *сотника* Хайнара по Правде виру в восемьдесят гривен надо брать. А за *человека* Хайнара – как за смерда: сколько судья назначит. И Серегея обелил. Скажи-ка, как брат, ты убил ульфхеднара Виглафа?

– Да, – подтвердил Духарев.

– Кулаком, – добавил Устах.

– То есть Виглаф и впрямь оказался волколюд, – Гудым кивнул. – А признал бы вину, Серегей, если бы Мятлик тебя прямо спросил?

Духарев пожал плечами.

– Может быть. – И поинтересовался: – А почему он, кстати, не спрашивал прямо?

– Как можно? – усмехнулся Гудым. – А если ты не убивал Виглафа? Он – судья. Его слово – как замковый камень ¹³, а Мятлик не воевода, а такой же сотник, как Хайнар. Если

¹³ Замковый камень – центральный камень, которым замыкают арку.

вина твоя не будет доказана, ты вправе вызвать его на перекрестье дорог, чтобы кровью смыть обиду. Никто не знал наверняка, что ты убил Виглафа, но все видели убитого тобой Хайнара. Значит, или боги на твоей стороне, или рука твоя оказалась слишком тяжела даже для Хайнара. Здесь трое родичей его, но никто не решился бросить тебе вызов. Ладно, пойдем. Воевода Фрелаф показал себя достойным воеводой. Не заставим его ждать!

Глава двадцать вторая, в которой Серега Духарев сначала лишается вида на жительство в городе Смоленске, потом имеет личную беседу с посадником Фрелафом и, наконец, получает приглашение на постоянную работу

Серега думал, что они пойдут втроем, но с ними отправилась вся варяжская ватага. Правда, в сам кремль вошли только те, кого звали, и еще один варяг, десятник из Фрелафовой дружины.

Фрелаф принял их один. Даже без охраны. Храбрость показывал. Или доверие?

– Доволен, Гудым? – буркнул посадник. – Замутит мне дружину? Суду моему не поверил!

– Ты нурман, – сказал полоцкий сотник.

– Когда я вас, варягов, обижал? – сердито спросил посадник.

– Ты – нет, – спокойно ответил Гудым. – А нурманы твои на землях моего князя безобразничают.

– Это где же?

– Да хоть под Витебском.

– Это мои земли! – сердито возразил Фрелаф.

Гудым пожал плечами.

– Не мне с тобой спорить, – сказал он. – Я своему князю служу. Для меня это земли Полоцка.

– Может, и Смоленск уже не мой?

– Смоленск твой, – признал Гудым.

– Ну, успокоил! – буркнул посадник.

Снаружи раздался звучный шлепок. Затем – хохот стражи.

Фрелаф поморщился. Взял с пояса короткий метательный нож с кольцом вместо рукояти, повертел в руке...

– Слушай меня, Гудым! – произнес посадник негромко и веско. – Даю тебе сроку до завтрашнего вечера. Лед с реки сошел. Садись в свою лодью и убирайся в Полоцк. Хватит тебе моих лучших дружинников друг на друга натравливать! И этих, – жест в сторону Духарева и Устаха, – с собой заberi. Родичи Хайнара, что у меня в дружине, их все равно живыми не оставят.

– Сдается мне, ты за своих гридней беспокоишься, а не за моих братьев, – заметил Гудым.

– Я тебе волю свою сказал, – отрезал посадник. – Теперь идите. А ты, – острие метательного ножа обратилось к Духареву. – Ты останься.

Трое варягов вышли. Посадников отрок закрыл за ними двери, а сам остался снаружи.

Духарев ждал. Посадник играл ножом, не поднимая глаз. Молчание затянулось, Серега не решался нарушить его первым.

– Есть у меня к тебе просьба, варяг, – наконец произнес посадник.

Голос его прозвучал неожиданно мягко и как бы с натугой. Совсем не так он разговаривал с Гудымом.

– Ты вправе мне отказать, поскольку просьба эта не принесет тебе выгоды. – Фрелаф еще немного помолчал, потом продолжил: – И скажу тебе прямо: будь ты нурман, я не стал бы тебя об этом просить... – Он опять замолчал.

Духарев ждал.

– Мятлик отдал тебе зброю и доспех Хайнара,– после паузы проговорил Фрелаф.– Откажись от них.

– Почему? – Духарев смотрел прямо в глаза посадника. Он хотел, чтобы Фрелаф понял: это не дерзость, а просто желание узнать причину.

– Хайнар был моим сотником,– сказал посадник.– Я любил его, варяг, и хочу, чтобы его предали огню в его собственном облачении и с его собственным мечом. Что скажешь?

– Согласен,– лаконично ответил Духарев.

У него была собственная броня и собственный меч. И не было ни малейшего желания ссориться с могущественным правителем Смоленска.

– Благодарю тебя, варяг,– негромко произнес посадник.– Теперь можешь идти.

Варяги ждали Духарева во дворе. Молошны гридни, что несли стражу у дверей, поглядывали на них настороженно.

– Что он хотел? – спросил Устах, когда Серега вышел из терема.

Духарев ответил.

– И что ты?

– Да пусть забирает! – Серега махнул рукой.– Не обеднеем!

– Ха! – Гудым хлопнул Духарева по спине.– Ты – варяг! Иди ко мне в дружину, Серегей!

– Устах? – Духарев повернулся к товарищу.

Тот шевельнул облитыми кольчужной сталью плечами:

– Я уже ответил: да.

– Я не один,– уточнил Сергей.– И своих здесь не оставлю.

– У меня большая лодья,– заметил Гудым.– Ты видел.

– Значит, и для моего коня место найдется? – поинтересовался Духарев.

– Ты – варяг! – Гудым глядел на Серегу с явным удовольствием.

– Найдется?

– Я же сказал: у меня большая лодья!

– Что я должен делать? – спросил Духарев.

– Что? – Полоцкий сотник, не понимая, поглядел на Серегу.

– Он – настоящий муж, но плохо знает обычаи,– с усмешкой пояснил Гудыму Устах.– Мы принесем клятву, Серегей, и разопьем братину, не смешивая крови. Если ты пожелаешь уйти – ты уйдешь. Но только во время мира. Верно, Гудым?

– А как же иначе? – удивился полочанин.– Мы все – варяги.

Уже когда они покинули кремль, Серега не выдержал и шепнул Устаху:

– Помнишь, я говорил тебе, что не поплыву в Киев? Ты, кажется, сомневался?

– Зачем ты это говоришь? – спросил синеусый варяг, останавливаясь и глядя на Духарева с внезапным интересом.

– Да просто так,– сказал Серега и засмеялся.– Просто чтобы запомнилось.

Глава двадцать третья Сборы

В гостиницу Духарев вернулся только в полдень следующего дня. Поцеловал Сладу, спросил:

– Все в порядке?

– Да, все хорошо.

Никаких вопросов типа: где был, с кем, почему не ночевал дома уже на вторую ночь после свадьбы?

– Собирайся, Сладушка. Мы уходим.

Слада кивнула. Она не спрашивала, куда и зачем. Муж скажет, если надо.

Сборы не заняли много времени. Немного одежды, сумка со снадобьями и лекарскими инструментами, свернутые, упакованные в вощеную ткань пергаменты, оставшиеся Сладе от отца. Она собралась быстрее, чем Духарев набил своим барахлом седельную сумку. Во

второй сумке, упакованное с большим тщанием, хранилось оружие. Трофейная броня, колчан со стрелами. Лук он так и не купил. Не нашел на Торжке ничего подходящего.

– Где Мыш?

– У Горазда. Сергей... – Слада запнулась.

– Да, моя хорошая?

– Не зови его с нами.

Духарев поглядел на нее очень внимательно, потом кивнул.

Комната Горазда была раз в десять просторней, чем та, в которой жили Сергей и Слада с Мышом.

Парнишка действительно был здесь. И еще Годомята, Трещок и третий, смоленский приказчик Горазда, с которым Сергей был не знаком. Ну и сам купец, конечно.

– Я не иду с вами в Киев, – с порога сказал Духарев. – Прости, Горазд!

– Не виновать себя, – прогудел купец, поднимаясь ему навстречу. – Я все знаю. Передай от меня добрые слова Роговолту. По зиме приходи за своей долей. Или я сам привезу... Коли жив буду.

Он замолчал, и Духарев тоже молчал.

– Ну че, Горазд, я пошел собираться? – проговорил в наступившей тишине Мыш.

Купец и Духарев одновременно посмотрели на мальчишку.

– Оставь его мне!

– Ты можешь остаться с Гораздом! – сказали они тоже одновременно, и оба засмеялись.

– Но... – Мыш колебался. – Ты не берешь меня с собой, брат?

Духарев подошел к нему, наклонился, шепнул в самое ухо:

– Если ты сам хочешь, иди с ним, Момчил. Так правильно. Ты хочешь?

– Хочу... – смущенно проговорил парнишка. – Но... кто будет учить меня биться?

– Драй. Я попрошу его. – Сергей выпрямился и перевел взгляд на купца. – Я доверяю тебе своего брата, Горазд, – произнес он со значением.

– Не беспокойся, – пробасил тот. – Я сделаю из него доброго купца.

– Такого, как ты? – улыбнулся Духарев.

– Не такого толстого, – ухмыльнулся Горазд.

«Как я мог ненавидеть этого человека?» – подумал Серега.

– Горазд! – это сказала Слада, которая все это время тихонько стояла у двери.

– Да, женщина?

– Позволь спросить?

– Спрашивай.

– Вы пойдете в Киев... И дальше?

– Может быть.

Слада кивнула.

– Можно мне попрощаться с братом, Сергей?

– Ну конечно!

– погоди! – сказал Горазд, и Духарев взглянул на него удивленно.

– Я не пил меда на вашей свадьбе, – усмехнулся купец.

– Так уж вышло, – смущенно проговорил Сергей. – Но мы еще выпьем с тобой и меда, и пива... Обещаю!

– Непременно, – кивнул купец. – Но это будет не скоро. А сейчас я хочу сделать свадебный подарок твоей жене. Ты позволишь?

Не дожидаясь ответа, он открыл один из коробов и достал оттуда холщовый мешочек.

– Подставь ладошки, молодница! – сказал он. – Роди мужу столько красных сыновей, сколько здесь камушков!

И положил в руки Слады гранатовое ожерелье. То самое.

Мыш и Слада стояли посреди пустой комнаты. Брат и сестра, которые еще никогда не расставались.

– Если вы пойдете дальше Киева... – глядя в сторону, проговорила Слада. – Если вы

пойдете дальше и если, да не допустит этого Господь, с вами случится беда, скажи людям, что ты Момчил, из Радов Скопельских.

– И что будет? – тихо спросил брат.

– Не знаю, – теперь Слада смотрела на него, и глаза ее стали блестящими от влаги.

– Рады Скопельские – наши родичи?

– Да.

– А Скопель – это где? – Мыш оживился, даже забыл, что прощается с сестрой, может быть, надолго, может быть, очень надолго.

– Скопле. Это город. Там родился наш батюшка. Там его помнят... наверное. Момчил...

– Да, Сладислава?

– Возвращайся...

Глава двадцать четвертая Когда-нибудь...

Их провожала целая толпа. Кроме Гораздовой ватажки, почти в полном составе. Мятлик Большое Ухо с отрядом отборных гридней, – Фрелаф послал приглядеть, чтоб опять не возникло каких-нибудь эксцессов. Еще шестеро смоленских варягов, тоже из Фрелафовой дружины, но явившихся по собственному почину: мало ли что? Ну, разумеется, еще толпа зевак, которым было любопытно поглядеть на того, кто зарубил самого Хайнара и, по слухам, единолично прикончил дюжину (некоторые утверждали, что не дюжину, а всего десяток) нурманских волколудов.

Процессия спустилась к Днепру, к причалам.

Лодья полочан стояла отдельно от прочих. По бортам ее висели круглые красные щиты. Деревянная конская голова с медвежьими клыками грозно глядела на причал с закругленного носа.

Сереге спешился, вынул из седла Сладу, передал повод мерина Мышу.

– До свиданья, брат!

– До свиданья!

Устах уже вел своего коня по сходням на борт лодьи.

Попрощались.

Сергей ласково похлопал Пепла по шее и потянул за собой. Жеребец фыркнул недоверчиво, но пошел, громко стуча копытами по неструганым доскам.

Слада быстро поцеловала Мыша.

– Помни, что я сказала, – шепнула она.

Когда она спрыгнула с борта на палубу, сам сотник Гудым подал ей руку.

Слада смутилась. В Полоцке были другие обычаи, чем в Новом Торжке и даже близком Витебске.

– Добро пожаловать, молодница! Как звать тебя?

– Сладислава! – ответил за Сладу подошедший Сергей.

Сотник поклонился. Слада ответила тем же. Три десятка лиц, на каждом – длинные варяжские усы, – повернулись к ней.

– Мы рады тебе, Сладислава! – торжественно провозгласил Гудым. – Если, конечно... ты умеешь готовить!

Громовой хохот прокатился над палубой. Слада шагнула вперед, решительно взяла сотника за левую руку, перевернула ладонью вниз. На тыльной стороне, ближе к запястью, краснел глубокий рваный рубец. Даже неопытному Духареву было ясно, что рана нехорошая.

– Лучше бы я увидела его неделю назад, – громко сказала Слада.

– Пусяшная царапина, – пренебрежительно отозвался Гудым. – Такие мелочи не беспокоят воина.

– Даже если воин может остаться без руки? – сердито спросила Слада.

Это могло выглядеть забавно: огромный варяг, которого отчитывает девушка, чьи глаза на уровне его грудной бляхи. Но на этот раз никто не смеялся.

– Ты не говорил, что твоя жена – лекарка. У нас найдется дело для нее, – сказал Гудым Духареву. – Как удачно я подоспел к тебе вчера на торгу, брат-варяг.

– Ты еще не раз это повторишь, – сказал Устах. – Клянусь усами Перуна!

А Серега Духарев глядел на белые стены Смоленска, на темно-синюю днепровскую воду, по которой медленно плыли редкие ноздреватые льдины. Плыли вниз, мимо неведомых городов со знакомыми названиями, мимо лесов, через степи, к Черному морю, которое сейчас называют Ромейским, но (он помнил) через какую-нибудь сотню лет будут называть – Русским. Льдины не доплывут до моря, а он, Серега Духарев, доплывет. Когда-нибудь. Обязательно.

Послесловие от автора, не обязательное для чтения, но по-своему интересное

История – занятнейшая вещь, друзья мои, дамы и господа. Особенно для писателя. Прежде всего потому, что сама историческая наука оставляет невероятный простор для воображения и вместе с тем создает некие узловые точки, совершенно определенные и реальные. Например, если при раскопках городища десятого-одиннадцатого века где-нибудь в Белоруссии обнаруживается арабская монета, датированная примерно тем же временем, мы можем только *предполагать*, как она туда попала. И рассматривать разные версии, за исключением лишь той (если у нас хоть немного мозгов), что монету подкинули сами археологи, дабы обдурить честной народ. И так, есть арабская монетка. И что теперь с ней делать? Ученому сложнее, чем писателю. Выдвигая научную версию, должно ее обосновать. И доказать. Например, назвать место, где можно найти еще одну монетку. Если ее там найдут, значит, гипотеза верна. А вот если не найдут... Тоже ничего страшного. Подождем. История – не классическая физика.

Есть такая притча. Некий царь призвал трех мудрецов и попросил объяснить следующий факт: почему, если в кувшин, доверху наполненный водой, опустить рыбу, то вода не выливается. Двое мудрецов представили подробнейшее обоснование. Третий опустил в кувшин рыбу. И вода вылилась.

Историческая наука очень редко может следовать примеру третьего мудреца. В руках историков крайне редко оказываются одновременно и кувшин, и вода, и рыба. Поэтому девяносто процентов исторических концепций противоречат друг другу. То есть ряд весьма серьезных ученых на основании известных (*известных!*) данных уверенно считает варягов скандинавами. Другие, тоже авторитетные, полагают их германцами, третьи... Третьи утверждают, что никаких варягов вообще не было. Писатель вправе выбирать любую из гипотез. Например, ту, в которой варягов предполагают одним из славянских племен, обосновавшихся на севере. Лично мне она наиболее симпатична, не противоречит ни фактам, ни логике, и я очень сомневаюсь, что она будет обоснованно опровергнута до изобретения машины времени. А если и появятся доказательства того, что я не прав... Ну что ж, значит, я ошибался. В конце концов, и ученые ошибаются. А писатели, исходя исключительно из логики и анализа имеющихся фактов, делают правильные выводы, которые в ученом мозгу просто не укладываются. Даже когда появляются неопровержимые доказательства. Вроде останков динозавра с внутренними органами, сохранившимися достаточно, чтобы установить, что сердце у динозавра было четырехкамерным. А четырехкамерное сердце, как мы учили в школе, имеется только у теплокровных, зверей и птиц. И все теории о холоднокровных и чешуйчатых гигантских рептилиях, вымерших от похолодания, можно выбросить в мусоропровод. И очень хорошо, что создатели этих теорий, профессора и академики, увенчанные лаврами светила палеонтологии потерпят только моральный ущерб, а все звания, должности и регалии сохранят, хотя научные труды их оказались пустышкой.

Если бы вместе с ложными теориями выбрасывали на свалку и их создателей, мы с вами никогда и не узнали бы о том, что были когда-то динозавры с четырехкамерным сердцем. Ну разве что из фантастических произведений. Вот автор этих строк в одном из своих фантастических романов лет семь назад «создал» теплокровных, да еще и мохнатых ящеров, руководствуясь исключительно логикой и кое-какими фактами, вроде того, что кости таза у некоторых динозавров более напоминают птичьи, а не ящеричьи. Клянусь, у меня не было тайного плана потрясти основы тогдашней палеонтологии. Я просто включил интересное предположение в книгу. Хотя узнать, что ты был прав,— крайне приятно. Даже писателю-фантасту, который хочет и в фантастике оставаться реалистом.

Однако вернемся к нашей арабской монетке. Монетке, неясным пока путем попавшей на территорию Полоцкого княжества. Будучи писателем, а не ученым, я имею право не ограничиваться жалкой монеткой. Я, писатель, могу вполне обоснованно предположить, что тем же путем на ту же территорию могла попасть не только монетка, но и, скажем, арабское оружие, которое качеством металла так же отличалось от оружия, которое ковали франки или скандинавы, как клинок настоящего швейцарского ножа от куска кровельной жести. Поэтому эпизод в американском фильме «Тринадцатый воин», когда массивный северный меч перековывается в тонкую кривую саблю, у понимающего человека вызывает улыбку. Но то американцы. Они охотно жертвуют достоверностью ради Зрелища. Мне же хотелось создать именно достоверный мир нашего прошлого, сделать именно исторический, а не фантастический или «альтернативный» роман. То есть, если вдруг я захочу вооружить героя саблей, то должен найти не противоречащий фактам способ дать герою настоящий булатный клинок. И я или найду такой способ, или у героя не будет сабли. То есть все должно быть реалистично. «Ага! – скажете вы.— А почему тогда герой мало того, что непонятно как попал в древнерусскую реальность, еще и говорит на тамошнем языке?» Что касается «попадания», то я пока ничего отвечать не буду. Это пока секрет. А вот насчет языка, да, вы правы. Язык тогда был другой и отличался от современного русского, как русский, ну, скажем, от болгарского. Но если бы Мыш, Рёрах и все остальные тамошние изъяснялись, скажем, по-церковнославянски (чисто технически я мог бы сделать так), стала бы моя книга от этого более интересной?.. Вот именно! Я писатель, а не ученый. Мне хотелось, чтобы меня читали легко и с удовольствием. Мне хотелось показать мир десятого века таким, каким он мне видится, и показать его глазами нашего современника. Причем не в виде полунаучного исторического произведения, а в жанре развлекательном, приключенческом и немножко романтическом. И я это сделал. Все. *Продолжение следует...*